ПИОНЕР

Ноябрь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1939 г.

11

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 11

Ноябрь 1939 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Ганнусенька

П. Тычина

Ой, реченька-речоночка,
Густой камыш-трава!
Ганнусенька-девчоночка
Шептала ей слова:
— Теки на ту стороночку,
В тот край, где все права.
И матушке, речоночка,
Скажи, что я жива!
Пусть рученьку проворную
Скорее мне подаст.
Ой, в полночь злую, черную
Я плакала не раз!
Избу мою просторную
Панов спалила власть.
Ужели ту позорную
Не скину я напасть?!
И мать через стремниночку
Ей крикнула: «Иду!
Ну кто ж свою кровиночку
Оставит на беду?
Кто бросит сиротиночку
На лютом холоду?
Люблю свою барвиночку,
Иду, иду, иду...»
Взяла ее сердешную,
Вернула всем полям,
Всему житью утешному,
Всем ягодным садам.
Рукой своей неспешною
Прошлась по волосам:
«Мою голубку вешнюю
В обиду я не дам!»
И стала сиротливая
У солнца на виду.
Веселая, красивая
В своей семье, в роду
Ганнусенька счастливая,
Как яблочко в меду.
А матушка радивая
Хозяйствует в саду.

Перевела с украинского
Елена Благинина

Дорогие наши братья и сестры, ребята Западной Украины и Западной Белоруссии!

Поздравляем вас и радуемся вместе с вами. Теперь вы такие же свободные и счастливые юные граждане социалистического государства рабочих и крестьян, как и мы. Кончились для ваших отцов и матерей годы тяжелой бесправной жизни, кончились и для вас годы унижений, голода и нищеты. Советская власть построит для вас такие же школы и дворцы, какие есть у нас, такие же парки и стадионы, как у нас. И наш лозунг: «Учиться так, чтобы Сталин сказал: отлично, ребята», — станет вашим лозунгом, и наш клич: «К борьбе за дело Ленина—Сталина будь готов!» — станет вашим кличем.

С радостью обнимаем мы вас и принимаем в нашу дружную, веселую семью советских ребят. Шагайте вместе с нами, под красным знаменем за большевистской партией, за ленинским комсомолом, за нашим отцом и учителем товарищем Сталиным!

Самое главное

Рассказ Б. Шатилова

Рис. Б. Винокурова

1

Рассказ этот я случайно подслушал ночью в вагоне по дороге из Москвы в Ленинград. Начала рассказа я, к сожалению, не слышал, потому что еще в Москве до отхода поезда лег на верхнюю полку и сразу же крепко заснул. Проснулся я уже среди ночи; в вагоне полумрак, тишина. Народ уже не хлопает дверями, не мотается взад-вперед по освещенному коридору, утихомирился, поснул весь. Только колеса стучат да кто-то в темноте подо мной курит и рассказывает тихим, задушевным голосом.

Я люблю эти ночные задушевные разговоры в вагоне и прислушался.

— Это в Казани, что ли, было?

— В Казани, в Казани... В девятьсот третьем году. Мне тогда лет тринадцать было. Вот раз в воскресенье пошел я на толкучий рынок, так, от нечего делать, пошляться. Иду. И знаете — как на толкучем — тесным-тесно. Толпа тысячная, шумит, шевелится. Кто штаны да тряпки какие-то на руке развесил, кто сапогами, юбкой рваной трясет, кто гармонь пробует, тут же тебе и шарманщик с попугаем «счастье» по пятаку продает, и цыганки-гадалки в пестрых шалях шныряют. Все это мне интересно. А у забора старики, старухи сидят на сундучках, на корзиночках, а перед ними всякий хлам навален: старые зонты, беззубые вилки, ножи, винты, гайки, замки без ключей — ну ржа всякая! Чохом за все и рублевку-то жалко отдать. А сидят, торгуют.

Смотрю: какой-то парень черноволосый, плотный, в форменной ученической тужурке и фуражке промышленного училища гремит, роется в этом хламе. Возьмет железку и серьезно так, внимательно рассматривает. Возле него две бабы и почтенный старичок в пальто и шляпе с любопытством смотрят, что он там рассматривает. Ну, конечно, и я свой нос воткнул.

У нас ведь так: разложи, что хочешь, — народ мимо пройдет и не глянет, а как остановился один — тут уж и другие стадом. Хоть это и ни к чему им вовсе, ну а все-таки любопытно знать: какая польза может быть человеку от такого хлама? А ну как дельное что, да нам невдомек?

Парень этот перебирает железки, что-то в уме прикидывает, а мы стоим, на него глаза пялим. Старичок — в шляпе-то, наконец, не выдержал, спрашивает:

— Простите, молодой человек... Я вот смотрю на вас, и мне любопытно знать: зачем это вам? Ну вот эта штука например?

Старичок улыбнулся. И парень этот тоже посмотрел на него и улыбнулся. И улыбка детская, светлая, сразу видно: хороший парень.

— А эта штука,— говорит,— от электромотора. И тут очень интересно рыться.

— Да что ж тут интересного? — это опять старичок-то.

— Ну, а как же? — говорит.— Возьмешь такую вот вещь в руки — и сразу же мысль начинает работать: что это такое? Почему и для чего она так сделана? Ведь эти железки и гайки сделаны не с бухты-барахты, а по законам механики. В них мысль человеческая. А кроме того все это вот зря валяется, без всякого смысла, как мертвые части какого-то тела. А если соединить их с толком, получится механизм, машина, все это оживет и может принести большую пользу человеку.

— А-а, вот вы как рассуждаете,— сказал старичок и уже с таким уважением к парню-то этому.

А парень вдруг вроде как застеснялся. Сел на корточки и стал ворошить железки. Старичок отошел. А я все стою. Парень спросил у продавца:

— Есть у тебя еще такие? — и показал ему какую-то железку.

— Какие?.. Эти-то? Есть, только дома.

— Слушай,— говорит,— я тебя очень прошу: принеси их в следующее воскресенье. Я их все возьму.

Расплатился за какие-то винты да железки и ушел.

Я еще потолкался немного на рынке и домой пошел. Иду, и не выходит у меня из головы этот парень. Очень он мне понравился, и, чтоб так кто про железки говорил, я никогда еще не слышал.

Ну, хорошо. Прихожу домой. У меня брат был, старше меня лет на пять, тоже в промышленном училище учился. Я стал у него допытываться: не знает ли он, что это за парень, какого я сейчас на толкучем видел? Он подумал, подумал.

— Нет,— говорит,— не знаю. Мало ли у нас всякого народа учится.

А через год, весной, пошли мы раз с братом в баню. Вечером это дело было, в субботу. Вымылись, выпарились, идем с узелками подмышкой домой по Мало-Федоровской улице. Проходим мимо какого-то кривого домишки. Как раз перед ним у крыльца фонарь горит, крыльцо скособочилось, над крыльцом вывеска «Меблированные комнаты».

— Стой,— брат говорит,— зайдем сюда, тут наши ребята живут.

Ну что же, я с удовольствием, конечно. Входим на крыльцо, потом в коридор — узкий, длинный, как гроб. И тьма в коридоре-то. Одна жестяная керосиновая лампочка висит на стене и тускло так светит. И кто-то песню поет хорошим, звонким голосом.

Брат ведет меня по коридору как раз к той самой двери, из-за какой песня несется. Открыл он дверь, вот я и вижу: в небольшой комнатенке, у стола, с рейсфедером в руке стоит тот самый парень, какого я на толкучем видел. На столе перед ним чертежная доска с чертежом, готовальня, линейки и бутылочка с тушью, на стопке книг керосиновая лампа горит. Поближе к двери, у стен, две жидкие железные кровати, а у самой двери на гвоздиках полотенце, пальтишко и фуражка. Вот и все. Обстановка, можно сказать, самая студенческая, нищенская.

Вошли мы. А брат мой шутник был, захлопал в ладоши:

— Браво! Бис! — и мне кричит: — Хлопай, Пашка! Ты знаешь, это кто? Это великий механик и знаменитый певец Сергей Костриков!

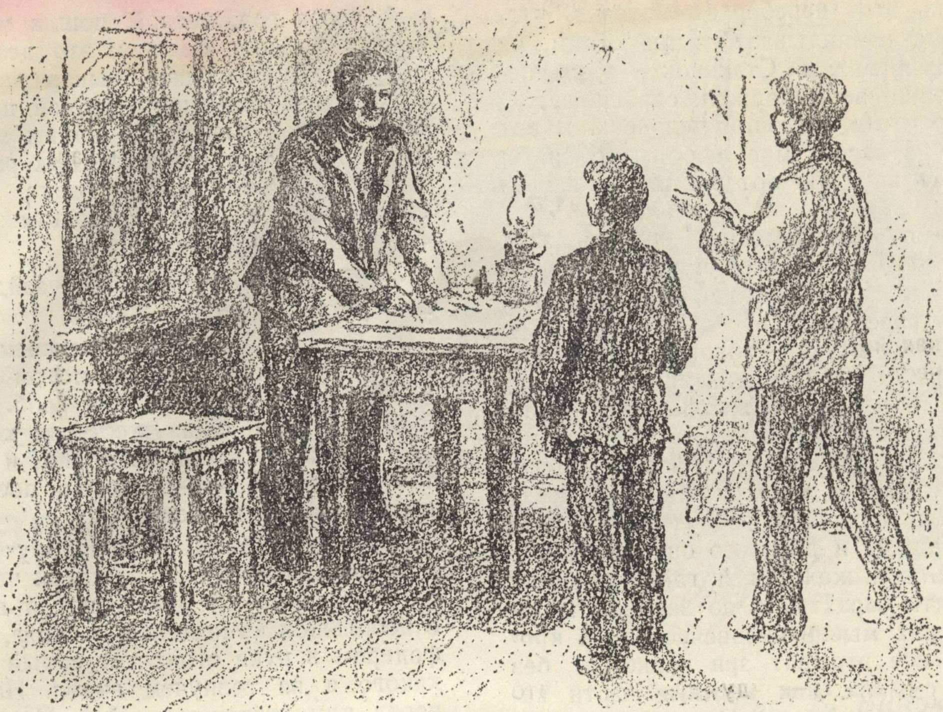
Ну, тот смеется, конечно, здоровается с нами, руку крепко жмет, как тисками, и говорит:

— А это брат твой? Сразу видно.

А мы, и правда, с братом были, как две капли воды.

— А Владислав где? — спрашивает брат.

Владислав этот, по фамилии Спасский, учился и жил вместе с Костриковым в этой самой комнатенке. Не успел он сказать, как в коридоре хлопнула дверь, послышались громкие голоса и в комнату ввалилось человек пять «промышленников» и Владислав с ними. Все здоровые, веселые ребята, кое-кто уж с усами. Вошли они, и в комнате сразу стало так



— Это великий механик и знаменитый певец Сергей Костриков!

тесно! Я уж в сторонку скорее, сел на кровать, гляжу, что дальше будет.

— Сережка, — кричат, — убирай свою хурду-мурду! Сейчас чай пить будем.

И сразу со стола все свалили в угол на пол, одну лампу оставили, стол придвинули к кроватям и начали вытряхивать из карманов колбасу, булки, сахар. Сережка с Владиславом притащили из кухни самовар, стаканы, все сели вокруг стола на кровати, и началась пирушка, разговоры да хохот.

Костриков сидел рядом со мной и все меня потчевал. Обнимет за плечи и подталкивает:

— А ты ешь, ешь, не стесняйся!

Ну, хорошо. Ребята эти уже кончали промышленное училище. Пошутили они, посмеялись, а потом уж всерьез разговорились: кто что дальше будет делать. Ну и заспорили, конечно. Из-за чего у них там спор разгорелся, уж не помню сейчас, только двое так раскипятились, как петухи, так и наскакивают друг на друга. Глаза у обоих горят, руками машут. Один свое кричит:

— Надо учиться! Инженером ты больше принесешь пользы человечеству! А что техник?

А другой, некрасивый такой, свое кричит:

— А что же техник, по-твоему,— бесполезная тварь? Всякое дело полезно! Верно, Сережка? Согласен ты со мной?

А Сережка улыбнулся и говорит спокойно так, видно, он давно уже все это обдумал:

— Нет, несогласен ни с тобой, ни с ним.

Те и рты поразинули:

— Как так?

— Да так, — говорит. — Смешно же спорить, кто полезнее: инженер, рабочий или техник. Все полезны, и всякое дело полезно. Можно дрова рубить, можно мыло варить...

— Ну вот я про то и говорю! — обрадовался этот некрасивый.

А Сережа:

— Ты-то про то, да я-то не про то хочу сказать. Жизнь каждому человеку подсовывает уйму дел, и дурак тот, кто делает всякое дело без разбора. Из всех дел надо уметь выбирать самое главное, самое нужное, его-то и делать. А будешь ли ты инженером или техником, это все равно.

— То есть как это так? Не понимаем! — кричат.

— Да так! Вот, например, винты делать—полезное дело? Без винта и паровоз не пойдет. Верно? А что если твои винты будут ввинчивать в затворы винтовок, из которых жандармы будут расстреливать твоих же братьев, друзей, товарищей? Полезное это дело? Значит, есть другое, более полезное, более нужное дело, его-то и надо делать.

— Э-э, вон ты как повернул!

— А как же иначе? Когда люди тонут, всякий честный человек, будь он инженер или техник, все бросает и кидается спасать утопающего. И только подлец может так рассуждать: ты тонешь там, ну и тони, а мне, видишь ли, недосуг тебя спасать, я и без того пользу приношу человечеству: винты делаю.

Спор кончился, все и призадумались. Кто-то спрашивает:

— Ну, а ты-то что хочешь делать, Сережка?

— Я,— говорит,— буду делать то, что нужнее всего. А что,— это жизнь покажет.

Посидели мы еще немножко и стали расходиться. Выходим с братом на улицу, я спрашиваю:

— А что он из этих железок сделал, какие на толкучем тогда покупал?

— Электромотор,— говорит,— сделал. Хороший!..

А я никогда не видал электромоторато, только слышал, что с помощью электромотора можно комнату освещать, воду качать, схватил брата за руку и прошу:

— Давай вернемся, посмотрим!

А он говорит:

— Да он уж его продал.

— Зачем же? Что, он торгует, что ли?

А у нас во дворе жил один такой оборотистый человек: купит что-нибудь на рынке за грош, подчистит, починит и продаст за трешку. Вот, я думал, и Костриков также. И это меня так огорчило!

А брат смеется.

— Что ты! — говорит.— Он бы его ни за какие деньги не продал. Да тут с Владиславом несчастье случилось. Износились у него штаны вдребезги, дыра на дыре, и заштопать уж никак невозможно. У Сережки тоже одни штаны. Владиславу-то и выйти не в чем, и засел он дома. Сережка сгреб свой электромотор — и на толкучий, продал и купил Владиславу брюки.

— А не жалко ему было продавать-то?

— Ну уж этого не знаю!.. Да, конечно, жалко, столько трудов положил... Но ведь и положение Владислава-то... Хоть училище бросай! Надо же было помочь товарищу. Это — самое главное.

«Вот он,— думаю,— какой! Он и тут выбрал самое главное».

И уж больше я ни разу не видел Кострикова. Месяца через два он кончил училище и уехал из Казани. А я нет-нет, бывало, да и вспомню про него.

2

Теперь слушайте дальше. В девятьсот пятом году поступил я в промышленное училище, но за участие в забастовках вышибли меня, и пошла у меня жизнь кувырком. Пристроился я сначала на завод Крестовникова. Большой был завод, на всю Россию поставлял свечи и мыло. Так и называлось «казанское мыло». Слышали, поди?

Ну вот, проработал я год и затосковал. Осточертело мне вдруг и мыло, и свечи, и жизнь моя собачья.

«Так,— думаю,— и вся жизнь пройдет. А что я вижу? Ничего».

И в пятнадцать-то лет все кажется там хорошо, где нас нет. Парень я был шальной, с фантазией. В одно прекрасное утро собрал узелок, простился с матерью и укатил на пароходе под Нижний, в Сормово. Только и там мне не понравилось. Я в Самару, в Саратов. И уж избаловался, не сидится на месте.

Как весна, как пахнет в лицо теплым ветром, так и нападет на меня тоска и мечтание, и все мне чудится, что где-то далеко ждет меня счастье. А вот где оно? Не знаю. А манит, зовет оно меня, мочи нет! Я соберу узелок — и ходу, куда глаза глядят. А тут еще начитался я книжек про дальние страны, про моря, про горы, и задумал я всеми правдами и неправдами добраться до Батума, до Черного моря, поступить на пароход матросом, а не то кочегаром и уехать куда-нибудь в Турцию, в Грецию, в Индию, посмотреть, как люди живут.

Ну вот, засела мне в голову эта фантазия, я уж ни о чем другом и думать не могу и так из города в город, с завода на завод подвигаюсь к Кавказу. И в августе 1911 года очутился я во Владикав-

казе, теперь город Орджоникидзе. Было у меня в кармане рублей десять, что ли. И вот, надо вам сказать, мне все время страх как везло. Куда ни приеду, бывало, потолкаюсь без дела дня три, а потом уж и на работе.

А тут я походил, побродил по городу, город большой, хороший, горы кругом, Столовая гора и Казбек недалеко. Терек бежит. Все это мне внове, интересно. Со службой не тороплюсь. И вот, смотрю: осталась у меня одна пятерка.

«Эге,— думаю,— надо за ум браться».

Иду в железнодорожные мастерские, места прошу.

— Сейчас нет,— говорят,— наведайтесь через денек.

Наведываюсь, часами, бывало, сижу у конторы, а все без толку. С рабочими разговор завожу, те сочувствуют, жалеют меня, а сделать ничего не могут. Не в их это власти. Я туда-сюда, бегал, бегал по городу, нет нигде места. Я и на базаре-то свои услуги предлагал, бочки катать, и там не берут. На меня уже и страх напал.

«А ну как,— думаю,— так и месяц и другой пройдет без работы? Проем последние деньжонки, что тогда делать? И работы нет, и выехать не на что. Прямо как в ловушку попал».

И уж каяться стал: и зачем это я заехал-то сюда? Кто меня звал? И чего я ищу-то? А ну как и в Батуме такая же история? Не возьмут на корабль — и девайся, куда хочешь.

Хожу я по улицам, а на сердце такая тоска, свет немил! Главное, и горе-то свое высказать некому, ни одной знакомой души во всем городе. Прямо хоть в Терек!

И вот вижу я духан и, просто сказать, с отчаяния, со злости на себя, на судьбу свою:

«А вот,— думаю,— зайду и пропью последние деньги. Помирать, так с музыкой».

А я до этого никогда не пил, потому что горя-то не было, а тут подошло оно, и захотелось мне забыться, тоску разогнать. Доняла она меня!

«Уж лучше, — думаю, — под забором без памяти валяться, только бы не тоска эта распроклятая!»

Вошел в духан, сел за столик, взял вина, порцию шашлыка, сижу, ем, пью. За другими столиками тем же делом занимаются. Все чужой народ, на меня ноль внимания. Грустно и обидно мне это!

Вдруг подсаживается ко мне какой-то телеграфист, в пенсне, с рожи дурной, носик пипкой, красный и облупленный какой-то. Тоже подали ему вина и чохахбили. Это — кушанье такое, кавказское. Спросил он меня про что-то. Я ответил. Дальше-больше, разговорились. Я обрадовался, конечно, что хоть какое-то знакомство завел, и сейчас же всю душу ему выложил: кто я такой и зачем сюда заехал. Он все это слушает и жалеет меня.

— Ты,— говорит,— не унывай. Я тебя определю к месту. Мне весь город знаком. Я тут родился.

Я с непривычки-то пьяный — чуть не целуюсь с ним, радуюсь, что мне счастье вдруг привалило.

Ну хорошо. Наговорились мы, расплатились с духанщиком. У меня двугривенный остался. Взялись мы с ним под руку — и на улицу. Идем, пошатываемся. Я раскуражился, и уж мне чорт — не брат. Тоску как рукой сняло. Хорошо мне, и я рассуждаю о чем-то. И вот смотрю: навстречу нам быстро так идет какой-то господин в пальто, а без шляпы. Странно как-то глянул на меня, вроде как знакомый я ему, улыбнулся и мимо прошел.

Я вдруг:

— Стой! — говорю дружку-то своему.— Что это за человек?

— А что? — говорит.

— Да я его,— говорю,— где-то видел.

И вдруг вспомнил, отцепился от дружка и за этим господином бегом. Догоняю. Он уж на крыльцо всходит. Над крыльцом вывеска: «Редакция газеты «Терек».

— Извините! — говорю.— Вы не из Казани? Вы не Костриков?

Он опять странно так улыбнулся и смотрит то на меня, то на дружка моего, а тот маячит вдали, а к нам не подходит.

— Нет,— говорит,— вы, должно быть, ошиблись.

Повернулся, хлопнул дверью и ушел.

«Да неужто, — думаю, — обознался? Нет, Костриков это... Он! Улыбка-то его... Так почему же он не захотел со мной разговаривать? Что я пьяный?.. Так что ж

из того?.. Зазнался, признавать уж не хочет...»

И обидно мне это.

«А, может, и правда не он. Так, спьяну померещилось».

Подхожу к дружку, а он, как лиса, с хитрой мордой:

сти выпытывает, что да как. И вдруг он мне так опротивел!

— А знаешь, друг,— говорю,— пошел ты к чорту! Надоел ты мне, и не хочу я с тобой про хороших людей разговаривать! Ну, марш!

И в плечо его двинул, он так и вспорх-

— Извините! — говорю.— Вы не из Казани?

— Ну что? Он?

А меня вдруг злость взяла.

— Да тебе-то,— говорю,— какое дело?! Уж больно ты любопытен.

Иду, молчу. Он рядом со мной семенит.

— Это,— говорит,— журналист Миронов. Статьи в газетах пишет.

— А-а,— говорю,— значит, не он. Тот механиком был и где-нибудь теперь на заводе.

И у меня отлегло от сердца. А то уж больно обидным показалось, что признать-то не захотел. И я дружку-то своему начал было рассказывать про Казань, про Сережу Кострикова.

Мы в это время на бульваре, на скамейке, сидели. Смотрю: он уши навострил, неспроста как-то слушает, подробно-

нул со скамейки. А смеется, думает, это я спьяну шутки шучу. А я не спьяну, а от злости и обиды. Вспомнил я Сережу Кострикова, Владислава, брата, как мы у них тогда пировали, и так обидно мне стало за себя, за жизнь свою, что я вместо людей путаюсь с какою-то сволочью.

«Ведь вот и носик-то у него,— думаю,— такой препоганый! Должно быть, и душонка такая же. У хорошего человека не может быть на лице такой пакости!»

И серьезно ему говорю:

— Уходи, уходи от меня! И не хочу я, чтоб ты меня на службу определял. Слышишь?

А он все похохатывает. Я плюнул, встал и ушел от него.

Ну вот, прожил я последний двугривенный, а места все нет. От голода брюхо сводит. Я и голову потерял. Куда и к кому теперь кинуться?

Раз иду по треку вдоль Терека в полной безнадежности, гляжу: карандаш валяется. Поднял я его, сел на скамейку, кручу карандаш промеж пальцев, смотрю на Терек, а сам все думаю:

«Что же делать? Что же делать?»

Карандаш-то меня и надоумил.

Думаю:

«Напишу сейчас Миронову. Он писатель, журналист, должен же он протянуть руку помощи».

И написал на клочке бумаги: «Господин Миронов», так и так, описал, в какой ловушке сижу, что вся надежда моя теперь на него, пусть он меня или на работу устроит или поможет как-нибудь в другой город выехать.

«Если можете, что сделать, сделайте, буду вам благодарен, а нет, так хоть ответьте мне. Адрес мой: зеленая скамейка на треке, возле Терека, где камни навалены. Другого пристанища нет у меня». Подписался: «Павел Ярцев из Казани»,— отнес в редакцию, отдал сторожу.

— Вот, — говорю, — отдай, голубчик, господину Миронову в собственные руки и скажи, что за ответом завтра приду. Пусть он тебе его отдаст.

Прихожу на другой день за ответом, сторож сидит в прихожей, цыгарку курит.

— Ну что,— спрашиваю,— передал писульку мою?

— Передал, только ответа нет, не приходил еще. Должно, к вечеру будет.

К вечеру захожу, опять не приходил еще. Сторож утешает:

— Ответит. Это он, должно быть, в уезд уехал.

А мне это плохая утеха. Я уж три дня ничего не ел, еле ноги таскаю. А, знаете, когда еще духом падешь, тут уж и все тело в расстройстве. И вот, как кляча какая, дотащился я до трека, сел на зеленую скамейку и думаю:

«Вот и сил уж не стало. Если и работу дадут, какой я работник? Уж не лучше ли сразу в Терек, чтоб не мучиться зря?»

А вечер удивительный, тихий, солнце за горы заходит, небо над горами синее, и Терек шумит, гремит камешками. На треке народ гуляет, веселый народ. А у меня тоска. Прямо хоть плачь!

И вот подходит ко мне рабочий из железнодорожных мастерских, знакомый немножко. Я с ним раза два разговаривал, когда в мастерские ходил наниматься. Садится он рядом со мной и начинает разговор про прекрасную погоду, про воздух шикарный. Как нарочно! Вроде как издевается надо мной. Я терпел, терпел и не вытерпел.

— Да как тебе,— говорю,— не стыдно?! Нашел над кем издеваться!

И от обиды заскрежетал зубами и заплакал. Он схватил меня за плечи:

— Чего ты?.. Ну извини, если обидел... Только и мне, брат, обидно.

— А тебе-то,— говорю,— чего на меня обижаться? Что я тебе сделал?

— А вот чего,— говорит.— Скажи по совести: служишь в охранке, продаешь нашего брата рабочего?

Я рот разинул. От злости у меня и слезы сразу высохли, и я чуть не хватил его кулаком по башке.

— Да что ты,— говорю,— ошалел?

— Так зачем же,— говорит,— ты со шпиками путаешься?

— С какими шпиками?

— А вот с каким тебя Миронов встретил. С телеграфистом-то. Это он для видимости так наряжается, то землемером, то телеграфистом, чтоб вас, дураков, охмурять.

— Как?! — говорю. — Эта мразь! Да я его и знать не знаю! Он в духане ко мне прицепился. Я ему морду хотел набить, а теперь уже набью, как увижу, непременно! Из-за него-то, значит, и меня Миронов за подлеца счел и ничего не ответил.

— Нет,— говорит,— это не потому он тебе не ответил. Вставай, пойдем.

И повел он меня в конец города, к себе на квартиру. Квартира у него во дворе была, у сарая, так, избенка из камней сгорожена, глиной и мелом помазана, сырая, низкая, тесная. В квартире стол, кровать-самоделка, два табурета; жена и трое ребят. Приходим. Он сейчас же:

— Ну-ка, Авдотьюшка, собери нам поужинать.

Авдотьюшка — молодая, красивая, приветливая женщина — забегала, засуетилась, самовар поставила, огурцов, помидоров, кукурузы пареной, лепешек на стол навалила, лампу зажгла. Поужинали мы, хозяин говорит:

— Ну вот что, пока поживи у меня. Спать — хочешь тут на полу, а хочешь — чулан у нас есть — в чулане. А денька через два я тебя на работу устрою. А сейчас извини, друг, некогда.

Надел картуз и ушел куда-то. Ребята скоро заснули, и остались мы сидеть вдвоем с Авдотьюшкой. Она чулок вяжет и расспрашивает, кто я такой и откуда, а я ей рассказываю. И так хорошо у меня на душе, как будто я с сестрой родной или с матерью своей разговариваю. С таким она сочувствием ко мне, с такой лаской...

Ребята скоро заснули, и остались мы сидеть вдвоем с Авдотьюшкой.

Рассказал я ей все и говорю:

— Вот одно мне только до того обидно, что господин Миронов меня за прохвоста принял и на письмо мне не ответил.

А она:

— Что вы? Какой же он господин! Он такой же рабочий человек, как мы с вами. А не ответил он по-другому.

И вдруг заморгала, заморгала и по щекам слезы потекли.

— Его ведь арестовали,— говорит.

— Как так?

— Очень просто.

И она рассказала мне про него. Он, оказывается, тайком от полиции большие дела во Владикавказе делал. Собрания, массовки устраивал. Под видом прогулки к ингушам, к осетинам в аулы ходил и разъяснял им насчет царя, богачей, помещиков. Статьи в защиту рабочих писал. Его выследили и арестовали вчера. И вчера же, часа за два до ареста, прибежал он к ним, к Авдотьюшке с мужем, и говорит мужу:

— Есть тут один человек, вот письмо от него получил. Поговори с ним, разузнай: если это не шпик, а действительно человек в несчастье, возьми его к себе, а потом мы его пристроим куда-нибудь.

Авдотьюшка рассказывает, слезы утирает, жалко ей Миронова. И мне его жалко, а все-таки на сердце у меня ликование. Уж поймете ли вы меня? Ведь я пропадал один на чужой стороне, без всякой надежды, ведь только и оставалось разбежаться да в Терек, и вдруг такие люди, такое участие! А кто я им? Никто. Да ведь это — счастье! И как жить-то хочется, когда знаешь, что рядом с тобой живут такие люди, как Миронов, как эта Авдотьюшка, как муж ее! Ввек не забуду я этого вечера!..

Ну, хорошо. Вскорости я на работу устроился, а Миронова, слышал я, в Томск увезли на очную ставку с кем-то. Месяца через три подработал я деньжонок, подарил Авдотьюшке за привет и за хлопоты пеструю шаль, ребятишкам конфет, и опять меня мечта взманила, и я укатил в Батум.

А Миронова с тех пор так и не видел и ничего о нем не слыхал.

3

— И все? — спросил кто-то рассказчика.

— Нет, не все еще. Слушайте дальше. О всех своих скитаниях я уж не стану вам рассказывать. Я и в Турцию, и в Румынию плавал, и на фронте был во время этой империалистической бойни. Потом революция началась; я и думаю:

«Эге, вот оно самое главное, самое нужное-то дело закручивается».

И с фронта прямо в гражданскую войну. Ни одного дня на печке не сидел, все воевал. А как утихомирилось — на заводах работал. И все нет-нет да и вспомню про Миронова:

«Где-то он теперь? Поди, в «Известиях» или в «Правде» работает. Вот бы встретить его и отблагодарить как следует». Читаю газеты, а все нет, не попадается мне его фамилия.

«А, может,— думаю,— и не дожил он до революции. Укатали его жандармы, и пропал он где-нибудь на каторге».

Только вот что мне было удивительно: Сергей Миронович Киров — на иной портрет его глянешь, хоть и не совсем, а все-таки чем-то похож был на журналиста Миронова. Ну да ведь у хороших и умных людей всегда в лице есть что-то общее: выражение глаз и лица очень сходное. Вы замечали? Вот у писателей—смотришь на портреты — у всех есть что-то схожее.

Ну вот, в 1934 году работал я мастером на одном заводе под Ленинградом. Хорошо работал завод, а потом пошел какой-то ералаш. В чем дело? И понять невозможно. Все как будто стараются, дело делают, а все простои и недовыработка. Если бы завод небольшой был, все это в куче, сразу бы видно было, а тут такая махина — чорт голову сломит!

Только должен вам сказать, спервоначалу-то я ничего этого не замечал, потому что у меня нрав такой: увлекусь чем-нибудь, уткнусь в работу, и все мне трын-трава, как в шорах хожу, ничего другого не вижу. А меня как раз перевели в другой цех, куда я давно просился. Работа мне нравилась, вот я и действую. А, знаете, когда дело спорится, думается, и везде так, во всем заводе.

Тут вышла такая история. Выстроили нам новую столовую, огромную, светлую. Войдешь, душа радуется. На полу линолеум, на столах скатерти, цветы в горшках, на окнах занавески тюлевые, на дверях драпировки, радио играет. Красота! Хоть балы устраивай!

А сядешь за стол, принесут тебе за твои деньги такую бурду, да в ней еще мочало плавает, а то и еще что похлеще. Ну, прямо издевательство какое-то! Наешься этой бурды — и сам себе противен, будто ты свинья какая!

«Ну да ведь,— думаешь,— может, там заминка какая с продовольствием. Не нарочно же это. Значит, потерпеть надо».

И терпишь, конечно.

Раз во время обеденного перерыва стою я в цехе, вытираю руки паклей, а у окна стоит один инженер, молодой еще. Странный такой, неразговорчивый и вроде как обиженный чем-то. С начальством он не ладил, уж очень язык у него был язвительный, скажет, как ужалит, но его терпели, потому что работник-то он хороший был. Одевался просто, от рабочего не отличишь. Руки всегда в масле: не охотник он был в конторе сидеть, больше по заводу ходил и все в машинах ковырялся.

— Ну что ж, — говорю, — Александр Иваныч, обедать, что ль, пойдем?

— Нет,— говорит,— я уж тут как-нибудь...

И вынимает из кармана булку и кусок колбасы.

— А в столовую-то что же? Вы хоть бы,— говорю,— чайку там выпили.

— Нет,— говорит,— там уж очень мышами пахнет.

Я удивляюсь:

— Какими мышами?

А он стоит, грустно смотрит в окно и ест булку с колбасой.

Прихожу в столовую, сажусь за стол, принюхиваюсь — никакими мышами не пахнет, пахнет краской да кислыми щами из кухни. Сижу, верчу талоны в руках, жду, когда обед подадут, и смотрю кругом. Со стенки портрет Сергея Мироновича весело так улыбается, а народ за столом сидит хмурый! И вдруг что-то не по себе мне стало. А тут еще слышу за спиной за соседним столом разговор и смех. Кто-то балагурит:

— Ну вот и я выудил мочало! Начинай сказку сначала.

— А за мочало кого же теперь благодарить? — спрашивает этот балагур-то.

Я так весь и передернулся. Чувствую: это уж насмешка и ух какая ядовитая!

У нас, видите ли, как производственное совещание, так главный инженер и еще один, Лаврентьев из парткома, говорят, говорят, а кончат свою речь непременно про столовую: «Вот, товарищи, как заботится о вас Сергей Миронович! Как вы ему должны быть благодарны-то!..»

И меня всегда это немного коробило, двусмысленность какая-то получалась. И вот тут, когда я услышал эти насмешки, и думаю: «А ну как народ и в самом деле все эти безобразия припишет Сергею Мироновичу? А что он, что ль, мочало в щи кладет? Он всей душой к нам, вон какую столовую-то нам воздвиг, а уж это

наша вина, если мы такие хоромы в свинарник превращаем».

И вдруг я тут понял, про каких мышей говорил Александр Иваныч: не про мышей, а про воров он это говорил, про подлецов всяких.

«Вот оно что!» — думаю.

Со злости и обедать не стал, какой уж тут обед, вернул талоны в кассу и ушел. Стал на работу и работать уж неохота, все из рук валится. Пришел домой, поужинал. Газету почитать да спать бы лечь, а у меня тоска.

Жена спрашивает:

— Что такое?

А я не разговариваю с ней и на нее-то уж без толку злюсь. Потом оделся, вышел на улицу и пошел к Александру Иванычу. Он дома был и очень удивился, когда я зашел к нему. До этого я никогда у него не бывал. Сидит он с женой за столом. Жена книжку читает, а он что-то чертит. Я сел, говорю ему:

— Зашел к вам душу отвести.

И все ему рассказываю про наши безобразия, а он все с усмешкой и в откровенный разговор со мной не вступает, а все:

— Вот как?.. Вы это заметили?..

И вижу я вроде как озлоблен он на весь белый свет, ни во что хорошее не верит, уходит в свою скорлупу и насмешечками от людей прикрывается. Не понравилось это мне. У меня, знаете, нрав такой—жить—так жить во-всю, открыто; не нравится что — борись. А это уж не жизнь, а мука.

Ну, я ему рассказываю, возмущаюсь; он слушал, слушал и вдруг искренно так и вроде как с болью:

— Да что вы, Павел Васильевич, первый день, что ли, на заводе и раньше-то ничего этого не видели?

— Не видел,— говорю,— честно признаюсь. А вот вы-то видели, а почему же вы молчали?

Он рукой махнул.

— Сто раз говорил, да слушать не хотят.

— Кто не хочет? — кричу.— Да как они смеют не слушать, когда это на пользу делу?

А он серьезно и грустно мне говорит:

— Эх, Павел Васильевич, хоть и седые у вас волосы, а вы еще юноша, и я вам очень завидую. Давайте лучше чай пить.

Вскочил и сам на стол чашки ставит, это чтоб виду не подать, что у него кипит все внутри. За чаем-то я узнал от него, что он уже не раз и с главным инженером ругался и в партком ходил, доказывал, что надо увеличить нагрузку на машины, много дельного предлагал и все без толку. Потом уж он плюнул на все и занялся каким-то изобретением, ни на кого и ни на что уж не рассчитывая, а, так сказать, ради науки.

Меня, знаете, ужас объял. Это у нас-то, в нашей стране, так человек унывает! Ну молод он, конечно, не закален еще, нет сноровки бороться. Ну, а все-таки!.. И жалко мне его!..

Иду я от него по поселку уж поздней ночью. Зима была, бело кругом, тихо, луна светит.

«Эх,— думаю,— красота-то какая! Жить бы да жить».

И уж глупые проекты в голове сочиняю, как бы это всех подлецов извести, чтоб во всем мире одни только хорошие люди жили!

Сейчас-то смешно, а тогда-то я всерьез это думал. Дома лег спать, а не спится, кручусь, скриплю кроватью, встану, закурю, похожу по комнате. Жена серчает:

— Чего колобродишь? Вот неугомонный!..

Я опять на кровать, и опять не спится. Уж очень обидно мне за Сергея Мироновича. Ведь он из-за нас себя не жалеет. А какие-то там негодяи вон что делают. Конечно, трудно очернить такого человека, как Сергей Миронович. Да зачем это и делать-то? Дело-то уж очень нехорошее, зловредное. И кто это старается?

На другой день мне уж и на работу неохота идти. Ну, я честно работаю, да что толку, если кто-то все на заводе пытается не в ту сторону повернуть! Дело-то, вижу, не в том, чтобы на своем только станке честно работать, а в чем-то поглавнее. Вот до этого главного-то и надо докопаться.

Помните, я вам вначале про Сережу Despite Кострикова рассказывал, так вот слова-то его про самое главное на всю жизнь мне в память врезались, хоть сам-то я многое без толку делал. Думаю:

«Жив не буду, а докопаюсь я до этого самого главного».

И наутро прямо в партком, рассказываю, какие у нас настроения на заводе.

— Я, — говорю, — чувствую, чутьем чую, что тут кто-то действует не без злого умысла.

— Ну, это,— говорят,— доказать еще надо. Мало ли что ты чувствуешь.

— Да я уверен,— говорю.

— Ну, это — тоже не доказательство.

Так я и ушел ни с чем. А немного погодя мне уже и житья на заводе не стало — придирки, выговоры. На производственном совещании заговорю, администраторы наши смеются, руками машут: «Ну, дескать, завел свою ахинею!» Прямо за дурачка считают. И уж мои товарищи-то, рабочие, тоже от меня сторонятся. Вроде как надоел я им хуже горькой редьки. Я злюсь, конечно Сам не свой. У меня уж и работа из рук валится, потому о другом все думаю. И вот сделал я оплошку, пустяковую в сущности, вызывают меня в контору и говорят:

— Вот тебе две недели сроку, а там выкатывайся с завода. Ненужен нам больше.

«Фу ты, чорт! — думаю.— Вон оно как! Да нет, не на таковского напали. Я не Александр Иваныч. Я тертый калач, меня с ног-то нескоро свалишь. Думаете, вытолкаете меня за дверь и концы в воду. Нет, подождите!..»

Куражусь, а куда кинуться и что сделать, не знаю. А тут как раз подвернулся мне Александр Иваныч и по-дружески говорит мне:

— Бросьте вы это, Павел Васильевич, и сдавайтесь без бою. Все равно поддержки у вас нет никакой.

— Да как же, говорю, так?

— Да так. Оплошку-то вы все-таки сделали?

— Сделал.

— Значит, они правы, а вы кругом виноваты. А то, что они неспроста вас гонят отсюда, у вас ведь тоже нет никаких доказательств.

Все это верно. И он меня прямо как ледяной водой облил.

Прихожу домой злой, говорю жене:

— Собирай вещи, поедем!

Та всполошилась:

— Куда?

— Куда хочешь,— говорю,— хочешь в Казань, а хочешь к тебе на родину, в Тулу. Завтра поедем! Не хочу я тут больше оставаться!

Ну, вечером жена чашки, плошки в корзину складывает, а я мечусь, тоска меня гложет.

«Да неужто,— думаю,— так-таки и нет правды на земле? Не может этого быть! Не верю и не хочу я этому верить. Иначе и жить-то не стоит».

Вот я думал-думал и надумал. Сел за стол и написал про все: и про столовую, и про Александра Иваныча, и про свои дела — прямо Сергею Мироновичу Кирову и послал по почте в обком, в Смольный.

Успокоился немного и говорю жене, чтоб она повременила плошки-то складывать.

Прошло так дня три, что ли. Прихожу на завод на работу в ночную смену и вижу: чего-то бегают администраторы наши, встревожены чем-то. Спрашиваю ребят:

— Что случилось?

— Да нынче,— говорят,— днем часа в три Киров у нас был, по всем цехам ходил и такой порядок навел! Главный инженер лисой перед ним, начал было ученость показывать: «Машины, дескать, нельзя чересчур нагружать: скоро сносятся. Это закон механики».— А Киров его сразу оборвал: «Не морочьте мне голову. Я в механике, к вашему сожаленью, тоже кое-что понимаю». И снял главного инженера, Лаврентьева из парткома убрал, заведующего столовой под суд. Вот они и забегали!

Александр Иваныч мой после этого сразу духом воспрянул, другим человеком сделался. Встретит меня и весело так:

— Победителю, мое почтенье!

Ну хорошо. Первого декабря получаю я собственноручное письмо от Сергея Мироновича, просит зайти к нему в Смольный 2 декабря часов в 10 утра.

Ну мне это лестно, конечно, и радостно, что правда верх взяла. Хожу, ног под собою не чую. Думаю:

«Надо честь честью к нему явиться, приодеться, побриться. Завтра-то уж некогда будет».

И вечером пошел в парикмахерскую. А парикмахер в поселке у нас работу уже кончил и дверь изнутри запирает. Я и кричу ему:

— Пусти, побрей, голубчик!

— Нет,— говорит,— завтра приходи.

— Да как же,— говорю,— завтра! Завтра-то мне к десяти часам надо уже в Смольном быть у товарища Кирова. Ко-

гда же я успею? Ведь до Смольного-то, до Ленинграда доехать еще надо.

Он вдруг приоткрыл дверь, посмотрел на меня.

— Ну, ладно,— говорит,— иди, садись в кресло.

Пропустил меня и дверь на ключ запер.

Сел я в кресло, он мне салфеточку на грудь навесил, концы за воротник заткнул, бритву точит, а я рассказываю ему, по какому делу вызывает меня Сергей Миронович. Разговорились мы, оба расхваливаем Сергея Мироновича и за то, что он зиновьевцев разгромил, и город на пустоши в Хибинах построил, и за то, что о людях у него такая забота.

Парикмахер мне щеки намылил, наклонился ко мне, уперся двумя пальцами в щеку и бритву занес — брить собирается. Вдруг радио — тут на стене висело — зашипело, затрещало и голос:

— Сегодня, в 4 часа 30 минут дня, в Смольном злодейски убит Сергей Миронович Киров.

У парикмахера рука так и повисла. Сел он на стул, как истукан какой, в руке бритва дрожит. Он молчит, и я молчу. И ничего не понимаю. Потом чувствую, что-то щеки мне стягивает, повел рукой, а это мыло подсыхает. Думаю:

«Зачем же это мыло-то на щеках?»

Стащил с груди салфетку, вытер щеки и встал. Смотрю: у парикмахера слезы на щеках. Меня это, как ножом в сердце. Аж дух захватило! Я и очнулся, все понял и тоже заплакал и домой пошел.

А наутро из газет узнал, что Сергея-то Мироновича я, оказывается, с детства знал, всю жизнь меня судьба с ним сводила. Ведь это он был и Сережей Костриковым и журналистом Мироновым. Разные у него были фамилии, а дело-то он делал одно — самое нужное.

Музей Кирова

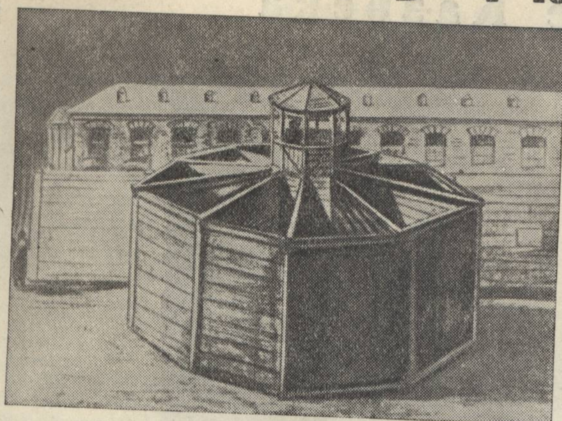
Сергей Миронович Киров. **Снимок сделан в марте 1929 года.**

Пять лет назад, 1 декабря 1934 года, советский народ постигло большое несчастье: один из лучших большевиков — Сергей Миронович Киров был смертельно ранен подлым злодеем-убийцей. Его пулю направляли враги народа — троцкистско-бухаринская банда, продавшаяся империалистическим разведкам, собиравшаяся восстановить капиталистическое рабство в нашей стране. Верного друга и соратника товарища Сталина — Сергея Мироновича Кирова, павшего на боевом посту, вечно будут помнить трудящиеся Советского Союза.

В Ленинграде, на берегу Невы, стоит красивый двухэтажный дом. Мраморная доска на его стене рассказывает о том, что здесь в 1917 году помещался штаб большевистской партии. Сюда, вернувшись из-за границы, прямо с вокзала приехал Ленин и с балкона часто выступал с речами. Здесь бывал Сталин. Теперь в этом историческом доме Музей Кирова. Зал за залом рассказывают о том, как из уржумского мальчика Сережи Кострикова, воспитывавшегося в сиротском приюте, вырос замечательный большевик Сергей Миронович Киров.

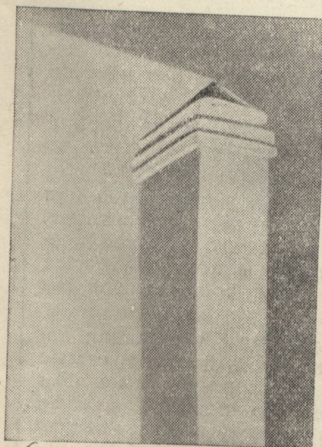
Человек величайшего трудолюбия, громадной культуры (в его личной библиотеке осталось 30 тысяч книг), кристальной честности и железной стойкости, отважный боец революции, всю свою жизнь отдавший делу рабочего класса, — таким показывают Кирова экспонаты музея. О нескольких экспонатах мы вам расскажем.

В тюрьме



Это мрачное здание — Томская тюрьма. 31 июля 1906 года к ней подъехала тюремная карета. Из нее жандармы с шашками наголо вывели невысокого плотного юношу. В тюремной канцелярии отметили о принятии в тюрьму «Сергея Миронова Кострикова», арестованного в третий раз.

На этот раз Сергея Мироновича арестовали за организацию подпольной большевистской типографии. Что такая типография была, полиция узнала из доноса. В заброшенном домике на окраине Томска, где жил Киров, полиция и саперы взломали все полы, перекопали землю во дворе, разрыли погреб, но типографии не нашли. Полицейские точно знали, что тут есть типография, а найти ее никак не могли. Тогда арестовали всех живших в доме и поселили в нем полицейских.



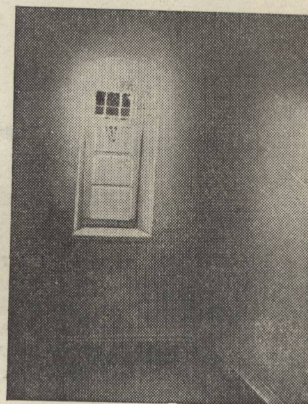
Это печь в камере Томской тюрьмы, разобранная заключенными при участии С. М. Кирова в знак протеста против тюремного режима в 1906 году.

Типография же была устроена по проекту Кирова под домом. Киров, техник по специальности, провел в нее даже электрический звонок. Он был соединен с вешалкой в прихожей. Стоило только повесить на вешалку пальто или кепку — в типографии сейчас же звонил звонок.

В тюрьме Кирова посадили сначала в общую камеру. Тюремное начальство свирепо обращалось с политическими заключенными. Заключенные взбунтовались. В камере, где сидел Киров, заключенные разобрали печь и кирпичами из нее ломали двери. Тюремщики вызвали солдат. Солдаты стреляли в окна тюрьмы и убили двух заключенных.

Так как полиция не нашла типографии, то она не могла доказать, что Киров ее организовал. Но царский суд не хотел выпустить Кирова на свободу. Суд приговорил его к суровому заключению в тюрьме за распространение революционной литературы.

Кирова из общей камеры перевели в одиночку. В этой узкой страшной комнате высоко в стене было пробито маленькое окошко, забранное решоткой и досками. Одиночка эта помещалась в том здании, которое видно на рисунке. Странное сооружение впереди него — клетки для прогулок арестованных. Каждого заключенного запирали в такую клетку, чтобы он не мог видеть своих соседей. Сверху, в будочке, стоял часовой. Он зорко следил, чтобы заключенные не переговаривались и не перестукивались друг с другом.



Одиночная камера Томской тюрьмы, в которой тов. Киров просидел полтора года.

Почти полтора года Киров не видел людей, кроме тюремщиков (а их трудно было считать за людей). Но для Кирова одиночка была своеобразным университетом. В ней он готовился к будущей революционной работе. Киров изучал немецкий язык, чтобы читать книгу великого Маркса «Капитал» на том языке, на котором она была написана. Киров много читал и работал, делал конспекты и выписки.

Суровое заключение в одиночке не сломило воли Кирова. Киров вышел из тюрьмы еще более закаленным борцом.

Подпольная типография сама обнаружила себя через три года. Подпочвенные воды проникли в типографию, и дом, к ужасу жившего в нем полицейского, неожиданно осел. Полиция стала копаться в развалинах и нашла остатки типографии.

На вершине Казбека

На этой фотографии вы видите Дарьяльское ущелье. Справа в широкополой войлочной шляпе стоит Сергей Миронович Киров. Он в те годы руководил подпольной большевистской организацией во Владикавказе (теперь город Орджоникидзе) и работал в редакции газеты «Терек».

В свободное время Киров любил бродить по горам. В августе 1910 года с группой товарищей он совершил восхождение на Казбек — одну из высочайших гор Европы. В то время на Казбек мало кто взбирался, дорога на его вершину была плохо известна. Таких смельчаков можно было пересчитать по пальцам.

Киров написал в газете большой очерк о восхождении. Приводим из него отрывки:

«Дорога, нужно отдать ей справедливость, прескверная, местами чуть не ползком приходится пробираться по острым скалам, по ту и другую сторону которых почти отвесные обрывы, не внушающие особой смелости...

Мы начинаем восхождение на конус. Идем очень медленно. После каждых 10—15 шагов останавливаемся, чтобы отдохнуть...

На половине конуса начался ветерок, который, постепенно усиливаясь, достиг того, что мы едва не отказались от выполнения своей задачи. Положение усугублялось еще тем, что приходилось рубить ступени, так как верхняя часть конуса оказалась совершенно свободной от снега, представляя собой гладкую ледяную поверхность. Ветер рвал с такой силой, что, казалось, вот-вот сбросит нас...

Но вот приближаемся к самой вершине; остаются минуты — и мы там. Терпению настает конец, и я решаюсь итти без помощи ступенек, на одних кошках [1]...

В 1 час 20 минут мы стояли на вершине. Нет никакой возможности описать то величие, которое открывается отсюда...

Какой простор... Какая очаровательная красота во всех этих снежных гигантах, мощно возвышающихся к небу! Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах бесконечной цепи гор, теряющейся где-то далеко, далеко...

А там безбрежная равнина, убегающая далеко на север, по которой ползают самые причудливые реки облаков, не смеющих подняться выше тебя. По равнине вьются извилистые речки и дороги, кое-где видны селения, а там ясно виден и город. Он настолько мал, что напоминает карту...

К глубокому сожалению, мы могли пробыть на вершине только 45 минут, которые показались одним мгновением...»

[1] Кошки — металлические шипы, прикрепляемые к подошвам ботинок.

Защита Астрахани

В 1919 году товарищ Киров защищал Астрахань от белогвардейцев и английских интервентов.

Киров твердо обещал Ленину:

— Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским...

Слово Кирова было словом большевика, самым верным словом. Ленин поручил Кирову Астрахань «защищать до конца». И Киров выполнил этот наказ Ленина, хотя предатель Троцкий несколько раз пытался сдать Астрахань белым, посылал об этом распоряжение Кирову.

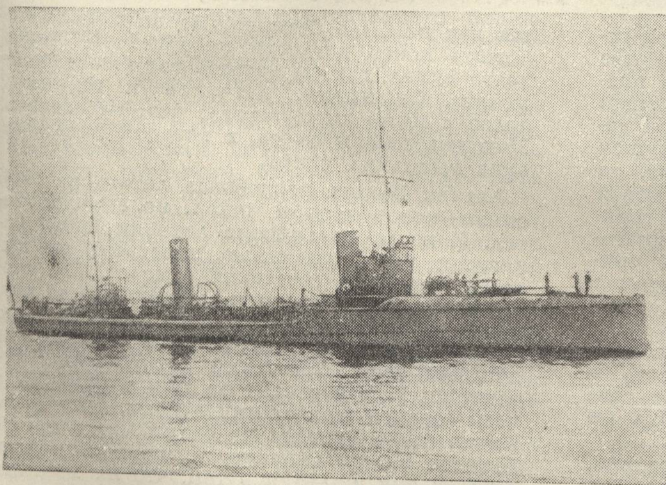
Захват парохода

Темной ночью происходила погрузка десантного отряда на боевые суда астраханской флотилии. К невысокому плотному человеку в кожаной тужурке подошел командир:

— Товарищ Киров, посадка окончена! — доложил он.

Киров отдал распоряжение отплывать.

На рассвете советская флотилия была уже на другой стороне Каспия — у форта Александровского. Этот форт был занят белыми и был для них очень важен. Там была устроена мощная радиостанция, через которую генерал Деникин с юга России посылал свои сообщения в Сибирь адмиралу Колчаку и договаривался с ним о совместных действиях.



Миноносец «Карл Либкнехт», на котором в 1919 году С. М. Киров захватил белогвардейский пароход «Лейла».

Киров приказал начать высадку десанта. Киров был прекрасным организатором, и вся операция была продумана им до мелочей. Каждый боец знал, что ему делать. Форт был захвачен так быстро, что белый радист даже не успел передать сообщение о нападении.

Утром красные радисты принесли Кирову принятые ими шифрованные радиограммы белых. Целый день радиостанция вела переговоры с белыми, а они и не догадывались, кто с ними говорит. Все сообщения приносились Кирову. Он отыскал секретный шифр белых и быстро расшифровывал сообщения. Одно из них было очень важным. Деникин сообщал Колчаку, что из Баку вышел пароход «Лейла». На этом пароходе генерал Гришин-Алмазов направлялся с секретным поручением к Колчаку.

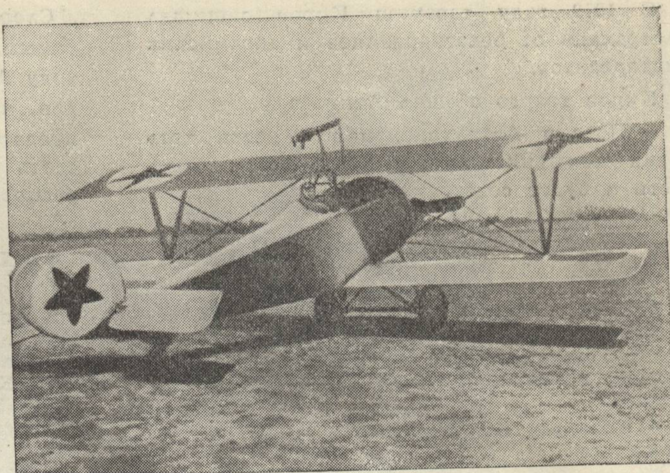
Киров отправился на миноносец «Карл Либкнехт», сообщил командиру маршрут «Лейлы» и приказал вести миноносец навстречу пароходу.

В пустынном море в бинокль Киров заметил далекий дымок. Миноносец повернул к нему. Суда сближались. Но когда белые заметили красный флаг на миноносце, они повернули и попытались удрать.

Красный миноносец, оставляя позади бурун пены, быстро догнал «Лейлу». Когда красные моряки всходили на борт «Лейлы», в одной из ее кают раздался выстрел: это застрелился генерал Гришин-Алмазов. У него нашли письмо Деникина к Колчаку, в котором он рассказывал про свои планы наступления. «Главное, — писал Деникин, — не останавливаться на Волге, а бить дальше, на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове...»

Но встретиться в Саратове белым воякам не удалось. Астраханский ключ от Волги не попал в руки белых. Киров отстоял Астрахань и разорвал кольцо белых войск.

Бои с интервентами



Самолет «Ньюпор-23», на котором летчик Щекин по заданию С. М. Кирова сбивал аэропланы английских интервентов.

Почти каждый день в осажденную Астрахань прилетали самолеты. Иногда они летали так низко, что было видно, как летчики грозили кулаками. Это были английские самолеты. Они сбрасывали бомбы и особенно усердно охотились за нефтяными судами. Баку был в руках белых—нефть была у них. Но без нефти нельзя было воевать, не могли работать заводы. Киров приказал выгребать грязь из ям, в которых когда-то хранились нефть и мазут. Эту грязь нагревали, и нефть поднималась наверх. Ее собирали ведрами и сливали в маленькие баржи. Вот на них-то и охотились английские летчики. Киров послал на эти баржи особо надежных людей. По три—четыре раза в день баржи меняли причалы. Где они должны стоять, указывал Киров. Однажды англичане все же заметили, где стояли баржи, и стали бросать на них бомбы. Одна из бомб упала на мостки. Пять матросов были убиты. Мостки, пропитанные нефтью, ярко вспыхнули. Каждую секунду баржи с нефтью могли загореться. Но не даром Киров подбирал надежных людей на этот важный пост. Они дали слово хранить народное достояние. Машинист Кладов был оглушен взрывом, но как только пришел в себя, он кинулся к баржам и начал поливать водой обгорелые трупы своих товарищей и горящие мостки. Пожар был потушен, и драгоценная нефть спасена. Киров издал приказ, в котором рассказал всем трудящимся Астрахани о бесстрашном поступке Кладова. Приказ кончался так:

— За самоотверженный поступок объявляем машинисту Кладову благодарность и за проявление самопожертвования при спасении народного достояния выдать ему денежную награду в 5 тысяч рублей...

Люди, героически защищавшие Астрахань, чувствовали, что Киров знает каждого из них и в трудные минуты придет на помощь, воодушевит...

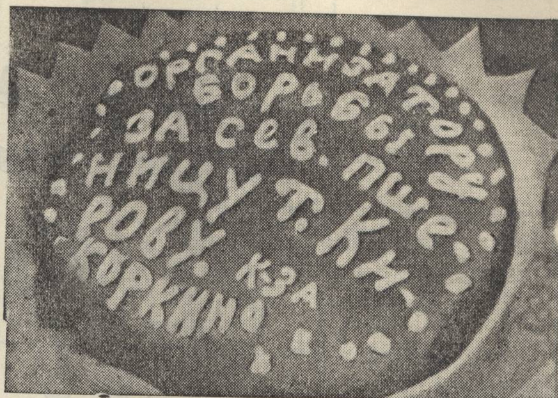
В Астрахани были четыре летчика, но исправная машина была только одна. На ней поочереди летчики и летали. Это был старый «Ньюпор-23». Его летчики называли «гробом». Эту машину вы видите на снимке. Пулемет у нее был установлен сверху над крыльями. Чтобы стрелять, летчику надо было бросить управление самолетом и встать. Но даже этот самолет не мог летать, так как не было бензина. Но надо было положить конец наглости интервентов. Киров долго думал, где бы достать горючее для самолета. Он вызвал летчиков и техников, долго с ними придумывал, что бы сделать. Наконец, нашли смесь, в которой роль бензина выполнял спирт.

Летчик Щекин попробовал летать на этой смеси—мотор хотя и чихал, но самолет летал. И когда английские летчики снова появились над Астраханью, навстречу им вылетел одинокий советский самолет. Его сразу можно было отличить, потому что за ним висел длинный хвост черного дыма. Все население Астрахани следило за первым воздушным боем. Советский летчик знал, что товарищ Киров следит за ним в бинокль и всем сердцем желает ему победы. Летчик отважно повел самолет на сближение с англичанами. Но английские летчики не приняли боя: они, пользуясь тем, что их машины были гораздо быстрее, кинулись наутек.

В один из следующих налетов англичан летчику Щекину все же удалось сбить вражеский самолет.

В приказе по X армии Киров наградил смелых летчиков Короткова и Щекина денежной премией, а летчика Щекина за отважный бой с тремя вражескими самолетами представил к высшей награде РСФСР — ордену Красного Знамени.

Первый хлеб из северной пшеницы



Колхозники селения Коркина вручают своему выборному хлеб, испеченный из первого колхозного урожая пшеницы, для передачи С. М. Кирову.

Когда в колхозе селения Коркина, Ленинградской области, заколосилась пшеница, колхозники часто ходили на поле любоваться невиданным растением.

До революции пшеницу на землях Ленинградской области почти не сеяли, своего белого хлеба у крестьян не было.

Киров говорил колхозникам:

— Неверно, товарищи, что наш край какой-то особо бедный, озерный, болотистый. Нет такой земли, которая бы в умелых руках при советской власти не могла быть повернута на благо человечества...

Сергей Миронович убеждает колхозников сеять пшеницу, осушать болота, превращать покрытые кустарником земли в цветущие поля. Он говорил:

— Наша ленинградская пшеница лучше южной пшеницы. Укажите мне край, где можно было бы получить двести пудов с десятины, а мы это у себя получаем... Это особенная пшеница, она привыкла к нашей земле, к нашим северным условиям...

Колхозы Ленинградской области стали на новых полях, на участках имени товарища Кирова, сеять пшеницу. Колхозники селения Коркина, когда у них впервые поспела пшеница, решили выпечь из первого обмолоченного пшеничного снопа хлеб и послать его товарищу Кирову, который научил их сеять пшеницу.

Товарищ Киров и в сельском хозяйстве Ленинградской области положил начало большому делу. Сейчас колхозы области дают столько белого и черного хлеба, что его почти не надо ввозить из более южных областей.

В кабинете Сергея Мироновича, на его рабочем столе, стояли коробочки с разными сортами пшеницы, впервые вызревшими на севере. А рядом лежали четырехугольный серебристый кусочек алюминия, грязновато-белый камешек — апатит, кусочек сланца.

Это было все то новое, что под руководством Кирова появилось в Ленинградской области. Алюминий был прислан с Волховского завода, апатит — из Кировска, сланец — из Гдова.

Благодаря неутомимой большевистской энергии Кирова расцвело хозяйство Ленинградской области. В Музее Кирова висят десятки фотографий заводов, полей и строек Ленинградской области, на которых заснят Киров. Он всюду бывал, критиковал отстающих, хвалил передовых, помогал советом. Шофер Кирова рассказывает, как однажды, проезжая мимо капустного поля совхоза, Киров заметил, что оно плохо полито. Киров сейчас же остановил машину и пошел выяснять, почему капуста плохо полита. В следующий выходной день он опять проехал мимо совхоза и проверил, как полита капуста. Бывало, по три раза посещал он одно и то же место, чтобы проверить, как исправлены недостатки.

★ ★ ★

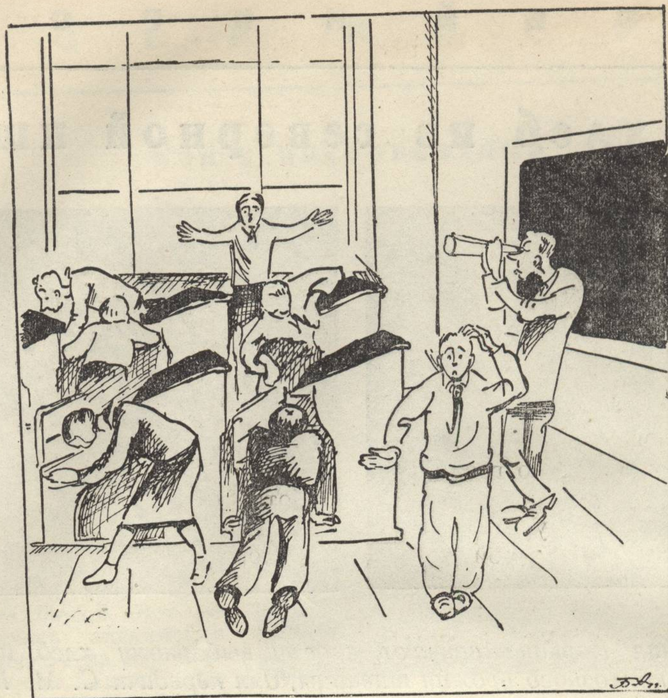


Рис. Бори Асриева.

Вожак класса

В этом классе произошла пропажа: исчез классный организатор. Важная ли это пропажа? Судите сами по одной печальной истории.

Один из седьмых классов 557-й московской школы был в прошлом году краснознаменным. Все надеялись, что и в этом году красное знамя будет находиться в том же классе.

На выборах классного организатора ребята были настроены беззаботно: не все ли равно, кого выбрать? Работа простая. Кто-то наугад крикнул фамилию Семы П. У Семы были две особенности: во-первых, он был второгодником, а во-вторых, его всегда было легко найти: где шум, драка, там всегда впереди всех был Сема.

Последним он приходил только на уроки. Кандидатура Семы была единственной, ребята единодушно за него проголосовали, и он стал организатором класса.

Через десять дней ребята этого класса снова собрались. За десять дней с помощью неудачного классного организатора с классом произошло почти волшебное превращение: из краснознаменного он стал одним из худших. Шум, крики, разговоры на уроках. За это время ребята нахватали столько плохих отметок, сколько раньше у них не бывало за весь месяц.

Получив такой печальный урок, ребята седьмого класса поняли, что надо хорошо подумать, кого выбирать. На этот раз классным организатором выбрали Валю Марк, она и в прошлом году была им. Многие ребята помнили, как Валя помогала им избавиться от плохих отметок. Валя умела создать такую дружбу между ребятами, что замечание, сделанное одному из учеников, волновало весь класс.

Через несколько дней после выборов класс снова стал дружным, хорошим классом, и опять ребята надеются увидеть у себя в классе красное знамя.

Теперь вы понимаете, почему ребята так усердно ищут своего классного организатора. Пропажа - то важная! Классный организатор — это вожак класса. Но хорошим вожаком может быть лишь тот, кто сам является примером. Вот в седьмом «А» классе Кантемировской непол-

ной средней школы, Воронежской области, выбрали классным организатором Лену Бойко. У нее все отличные отметки. Лена умеет хорошо помогать отстающим одноклассникам, и ребята ее за это уважают.

Некоторые классные организаторы любят кричать на ребят и очень не любят, когда их критикуют. Лиду, классного организатора одного из классов 173-й школы Москвы, ребята не очень уважают за то, что она не выносит критики. Кто-нибудь из ребят скажет ей, что она неправа, Лида вместо того, чтобы дать товарищеский ответ, сразу огрызается:

— Что ты меня критикуешь? А сам забыл, что позавчера «плохо» по географии получил?

Подумайте, приятно вам будет, если на вашу критику вы получите такой ответ? С ребятами надо говорить товарищеским тоном, убеждать их примерами так, как советовала это Надежда Константиновна Крупская. Таню Паченцеву, классного организатора седьмого класса «Б» 174-й школы Москвы, ребята уважают за то, что она умеет хорошо говорить с ними, без крика и упреков. Таня много знает, много читает, очень развита, и к ее мнению ребята всегда прислушиваются.

Мила Захарчева (седьмой класс «Б» 184-й школы Москвы) тоже никогда не кричит на ребят. Мутыгин и Кирков получили плохие отметки. Мила после урока подошла к ним и по-товарищески спросила, как это случилось, чем она может им помочь. А есть такие классные организаторы, которые стыдятся говорить с ребятами.

Бывают и такие классные организаторы, которые вместо того, чтобы вести класс за собой, сами плетутся в хвосте да еще за самыми отсталыми ребятами. В одном из седьмых классов 557-й школы Москвы ребята, поддавшись уговорам самых глупых бездельников класса, убежали с урока черчения. И вместе с ними убежал классный организатор. Он не оправдал доверия ребят, опозорил честь класса.

Про настоящего, передового организатора класса пишет нам Галя Потурай из восьмого класса 2-й школы Ялты:

— Когда идет пятый урок, у нас в классе приходится зажигать электричество. Пятым уроком по расписанию было черчение. Некоторые лентяи не сделали чертежей. Они вывинтили патроны так, что свет не зажигался. Учитель спросил: «Почему не горит свет?» Лодыри закричали: «Не знаем, наверное, перегорели провода». Но классный организатор Миша Гладкий сказал правду. Лодыри на него рассердились и стали ему говорить: «Ты, Миша, сиди, это — не твое дело». Как же не его дело? Ведь он классный организатор и отвечает за порядок в классе. Как видно, некоторым ученикам правда глаза колет...

Галя права. Миша Гладкий — молодец и правильно поступил. Он отстоял честь класса, не позволил опозорить его нескольким лодырям.

Идти впереди класса — это значит заботиться о всех ребятах своего класса, чтобы не было ни одного отстающего, заботиться о том, чтобы не была опозорена честь класса.

Боря Навашин, классный организатор шестого класса «Б» 204-й московской школы, рассказывает, как организовали социалистическое соревнование в классе:

— Мы предложили всем ребятам написать свои обязательства, как они обещают учиться в этом году. Через день мы с товарищем остались после уроков и вместе с классным руководителем наклеили на большой лист бумаги все обязательства, а сверху написали:

«Наши обязательства».

С первых же дней учения я завел большую тетрадь. Каждый урок я даю ее учителю, и он записывает в нее количество поставленных им отметок. Если есть плохие отметки, то учитель пишет, кто их получил. После уроков я подсчитываю отметки за день и вывешиваю сведения на доске...

Еще интереснее идет соревнование в 14-й школе Ленинграда. Каждую шестидневку классный организатор с помощью учителя выпускает бюллетень, в котором рассказывает, какое пионерское звено училось лучше всего за эту шестидневку. В конце шестидневки звеньевой лучшего звена получает красную звездочку. Все звено гордится этим знаком отличия. В первый раз звездочка была приколота на грудь звеньевого Пети Б. Но тут же звеньевая другого звена — Валя А.— заявила, что через шестидневку звездочка будет у ее звена. Весь класс следил за соревнованием обоих звеньевых. В конце шестидневки при гробовой тишине объявлялись результаты соревнования. Валя и ее звено сдержали слово и получили звездочку.

В одном из седьмых классов 204-й школы Москвы классным организатором выбрали Милю П. Однажды к ней пришла одна девочка и под величайшим секретом рассказала, что ей надоело учиться и она бросает школу. Девочка поступила очень глупо: ведь она оставалась недоучкой. Нехорошо поступил и классный организатор: Миля ничего не сделала, чтобы доказать девочке, что поступает она неправильно, чтобы объяснить, почему ей надо кончить школу. Другая девочка этого же класса — Сизякова — плохо учится и часто прогуливает. Иногда Миля встречает эту девочку на улице и даже не спросит, почему она не пришла в школу... А ведь первая обязанность каждого организатора класса — добиться, чтобы у него в классе ни одно место за партами не пустовало.

Когда одному из классных организаторов сказали об этом, он плаксивым голосом пожаловался:

— А что же я могу сделать? Я им говорю, а они меня не слушают...

Надежда Константиновна Крупская писала:

«Первый вопрос — как наладить аккуратную посещаемость школы? Вы постановляете: «Будем бороться с опозданиями и пропусками ребят». Это правильно. Раз вы — пионеры, вы обязаны это делать. Но как? Прежде всего — убедить всех ребят, что это важно.

Вы можете рассказать ребятам, как работал Ленин, как он всегда, как бы он ни устал, шел на собрание, шел выступать.

Когда в 1918 году Ленин был ранен, он очень волновался, что пропускает заседания Совнаркома, а там стоят важные вопросы. Как только он стал поправляться, то стал просить врачей, чтобы скорее ему позволили встать и пойти на заседание.

Наконец, ему позволили. Он встал, вся кровь прилила к сердцу, и он стал бледный-бледный. Когда он пришел в Совнарком, все товарищи были очень взволнованы и настойчиво принялись за работу.

Ленин никогда не запаздывал на заседания Совнаркома.

Заседание обычно начиналось в 6 часов; Ильич берет телефонную трубку и звонит секретарю — тов. Фотиевой: «Что же, пришел кто-нибудь?» «Никого...» «Как только придут двое, сейчас же позвоните мне».

И как только Фотиева позвонит ему, что пришли два или три человека, он сейчас же заторопится, возьмет бумаги и быстрыми шагами пойдет в Совнарком. Не дожидается, пока все соберутся. Сам вовремя на месте. Скоро все стали собираться в Совнарком без опозданий.

Вы расскажите это всем школьникам, и не только вам, юным ленинцам, но и всем им захочется поступать так, как Ленин...

Выйдет другой ученик из дому во-время, да дорогой ввяжется в драку или чем-нибудь заинтересуется — похоронами, например, и в школу запаздывает.

В таких случаях надо, чтобы более выдержанный и близкий товарищ пришел на помощь: заходил за неаккуратным товарищем, вместе с ним шел в школу...»

Классный организатор должен под руководством учителя наладить товарищескую помощь отстающим товарищам. Очень хорошо поступают классные организаторы шестых классов 5-й школы города Загорска. Посоветовавшись с учителем, они прикрепляют отличников учебы к отстающим ребятам. Лева Родионов терпеливо разъясняет Боре Бывшему все, что Боря не понял на уроках. Лева дал слово, что Боря не будет больше получать плохих отметок.

Тамара Кузовлева, ученица пятого класса «Б» 110-й школы Москвы, плохо читала. Тогда классный организатор попросил нескольких ребят поочереди оставаться с ней после уроков на несколько минут и заставлять ее читать вслух. Скоро Тамара стала читать гораздо лучше.

Быть классным организатором — почетная обязанность. Он с помощью учителя руководит всей жизнью класса. У него много важных дел. О них вы знаете из «Положения об ученических организациях в школе». Если классный организатор будет браться за все сам, он может разорваться на части, а всего не сделать. Но у него в классе есть много помощников: тут и вожаки звеньев, и председатель совета отряда, и редактор стенгазеты, и отличники учебы.

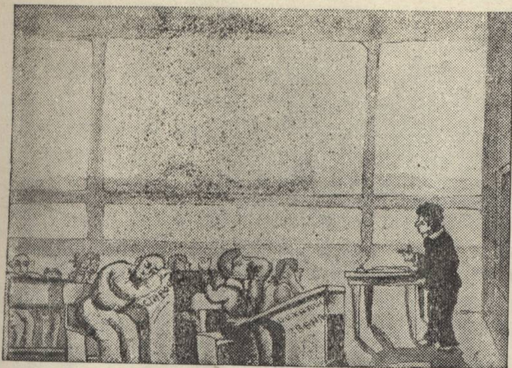
Дружной работой вместе с ними каждый организатор класса должен превратить свой класс в передовой. Дружный, хороший класс — гордость всей школы. И про классного организатора такого класса можно сказать:

— Молодец! Он работает по-ленински, по-сталински!

Н. Шамет.

Наши знакомые

Рисунки пионеров — Коли Мостового и Джона Агаяна (Москва)

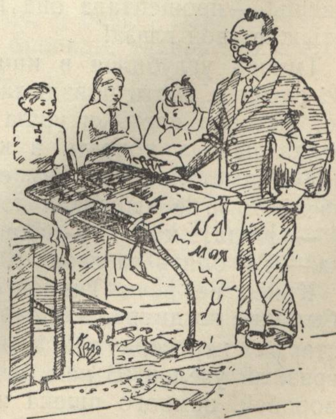


Так иногда в нашем классе проходят уроки физики. После, когда учитель спрашивает, некоторые ребята говорят:
— Мы не слыхали.
Можно поверить!

Классный организатор. *Сегодня ты получил «плохо», поэтому в тир с нами не пойдешь.*
Ученик. *Значит, мы вместе не пойдем: ведь ты сегодня два «плохо» получил.*

— Вставай, Петя! Опоздаешь в школу!
— Ничего, мама. Сегодня можно. Дежурные попались добрые: я их уговорил не отмечать меня: ведь я классный организатор.

Этот ученик состарился за партой: сидит в каждом классе по два года и все никак не может окончить школу.



Учитель. *Кто здесь сидит?*
Ученики. *Классный организатор.*

Друзья-приятели

Рассказ Г. Замчалова *Рис. В. Цельмера*

1

Тимаев наскоро поел и уселся под окном с книгой. Он даже уши заткнул, хотя за столом почти никто не разговаривал. Минут через пять он услышал над собой голос старшего брата:

— Эй ты, ученик! Книгу-то как держишь? Вверх ногами!

Под носом у Тимаева книга перевернулась. Отец молча вышел. Мать отодвинулась от стола и заплакала. Это было хуже всего. Если бы еще она упрекала, грозила чем-нибудь, а то сидит и вздрагивает вся. Из глаз у нее капают большие частые слезы.

— Кирюха, Кирюха, что ты с нами делаешь! — прошептала она наконец.— Бесстыжие твои глаза!

Тимаев углубился в книгу. Он ничего не слышал. Мать повздыхала еще немного, вытерла слезы и ушла в поле. Сестренка начала убирать в комнате. Когда она подметала пол, Тимаев сунул книгу на место и на цыпочках побежал к двери.

— Куда, куда?! — закричала сестренка.— Ты опять за свое? Я вот папаньке...

Конец ее речи Тимаев не слышал: он был уже во дворе, под сараем. Тут из-под старых перевернутых саней он достал грязный узелок. В нем был убитый вчера воробей, немного пшена и гороху. Тимаев добавил туда еще кусок хлеба из кармана.

На улице играли малыши из первого класса. Они подняли крик:

— Тимаев, Тимаев идет! Тимаев, посмеши немножко!

Он подошел своей неуклюжей тюленьей походкой, с каменным лицом и смешным чубиком. Выпученные серые глаза его остановились на одном из малышей. Медленно, с наддавом он выговорил:

— Чего тебя смешить? Ты сам рассыпешься. Вот, гляди.

Малыш секунду — две крепился изо всех сил, не мигая смотрел ему в лицо, потом прорвался таким заливистым, звонким смехом, что все товарищи его тоже начали хохотать. Тимаев пошел дальше.

В узеньком проулке Тимаев осторожно свистнул два раза. В доме напротив отворилась калитка. Вышел человек с помятым лицом и красными глазами. Он совсем было прошел мимо, но вдруг остановился.

— Вот что, братец: ты бы перестал ходить к нам. Саня без тебя, может, поучился бы хоть немного.

Каменное лицо Тимаева стало совсем как маска. Смешной чубик и нос как будто еще больше вздернулись кверху. Человек невольно улыбнулся:

— Добром тебе говорю: отвяжись от Саньки. Не послушаешь — хуже будет.

Тимаев подтянул штаны и побрел вниз по проулку. А человек побежал вверх. Как только он скрылся за поворотом, из калитки вышел чистенький мальчик в парусиновых туфлях, в акуратно выутюженных брюках, с пробором в гладеньких волосах. В руках у него были две банки:

одна — с молоком, другая — с червями. Быстро оглядев проулок, он тоже свистнул. Тимаев не обернулся.

— Киря, постой же, ты что, оглох?

— А н-ну тебя! Иди, тебе уроки учить.

— Погоди, ты что надулся?

— Нет, правда. Ты, может, учился бы, а я тебя смущаю.

— Ты? Меня? — засмеялся Саня.— Не слушай ты отца. Меня все за хулигана считают, а тебя — за дурачка,— как же ты можешь смущать меня? Это он из-за письма; вчера мама прислала из Тамбова. Он прочитал и с тех пор злится. Письмо спрятал от меня — ну, я все равно найду.

Они вместе пошли дальше, вниз. Тимаев нисколько не обиделся за «дурачка». Его очень заинтересовало письмо саниной матери. Надо бы подумать вместе, что такое она могла написать, что отец так рассердился. Но говорить об этом было опасно: Саня в таких случаях всегда делался подозрительным, придирался к каждому слову и чуть не лез в драку.

— Вот здорово! — Саня опять засмеялся.— Мой отец думает, я из-за тебя плохо учусь, а ваши думают, что ты из-за меня. Мне тоже попало от твоей матери... Как будто жалко им, что мы дружим.

2

Они вышли в поле, обогнули нижние сады и по колесной дороге снова поднялись вверх, в село. Тут когда-то были частные гумна. С тех пор как село стало колхозным, их забросили. Тока заросли травой, плетни и риги почти все растащили на топку. Лишь кое-где торчали убогие строеньица, обмазанные глиной пополам с навозом.

Тимаев с Саней шли, все время оглядываясь: нет ли кого поблизости, не подсматривают ли за ними. В одном месте они остановились и долго смотрели вперед с недоумением, даже с испугом.

— Нет, ты спутал,— тихо сказал Саня.— Своего гумна не узнал.

Тимаев молча побежал дальше. Вскоре они опять остановились на заросшем току и оба ахнули: перед ними лежала груда развалин. Плетеные стены с чудесной обмазкой, местами совершенно новой, были акуратно сложены одна на другую. Сверху на них лежала крепкая дверь, а на двери — толстые косяки и стропила. Рядом была свалена в кучу гнилая солома. Место, где раньше стояла рига, было изрыто лопатой и еще чем-то острым, наверно, ломом.

Ребята стояли не шевелясь. Вид у них был самый жалкий. Такой вид бывает у людей, когда над ними стрясется большая беда: сгорит дом, умрет близкий родственник, градом выбьет урожай.

Из-под черной соломы выглядывал конец плотной четырехугольной бумаги желтого цвета. Тимаев ногой отодвинул солому. Бумага была надорвана в трех местах. На ней была красивая надпись с красной обводкой:

ЗООПАРК
Вход
для всех граждан
бесплатный

Саня разыскал две смятых и изломанных клетки из тонких прутьев тальника. Он же обнаружил в разрытой земле и показал Тимаеву обрубок ужиного хвоста. Неподалеку села ворона, он вгляделся и позвал ее: «Кара, Кара!» Ворона взмахнула крыльями и улетела.

— Это не она,— сказал Тимаев. — Ее они убили, наверно.

— Вот видишь! А ты всегда заступаешься за них.— Санины глаза потемнели.— Я бы их всех прямо... Ты думаешь, они пожалеют, когда нас исключат? Держи карман.

Тимаев ничего не ответил. Они постояли немного у развалин и, не сговариваясь, пошли через большое, как город, село на другую сторону, к речке. Банки и узелок с кормом они бросили: теперь это все было ни к чему.

3

На углу двухэтажное здание — школа. Позади нее большой сад, обнесенный решотчатым забором. Две — три планки вырваны, чтобы можно было из проулка шагать прямо в школу. Поровнявшись с дырой, Саня возбужденно зашептал что-то товарищу и толкнул его в сад.

— Зачем? — удивленно спросил Тимаев.

— Идем, тебе говорят!

Они влезли в сад, пошли по протоптанной дорожке, и Саня зло шепнул:

— Давай им весь цветник поломаем.

— *Давай послушаем, они как раз про нас говорят.*

Раз они так с нами, то и мы с ними так.

— Т-ты что?! — Даже невозмутимый Тимаев отшатнулся. — Это же сад не одного класса. А «Зоопарк» наш разорили Ванька с отцом.

Саня сердито взмахнул рукой. Он хотел обругать Тимаева, но в это время узенькая дорожка вывела их на широкую аллею. Там стояла зеленая скамейка, на ней сидели Миша Карасев, Антонина Петровна и Зина Медкова. Саня вежливо поздоровался. Тимаев тоже буркнул что-то. К счастью, перед скамьей была еще одна аллея, и они свернули вбок. Зина в первый момент заулыбалась приветливо и даже позвала:

— Саня, Тимаев, что же вы? Идите к нам, мы как раз... — Тут она запнулась и густо покраснела.

— Нам некогда, — коротко ответил Саня. Он взял Тимаева за руку и потащил по боковой аллее. — Ну что, теперь видишь? Давай послушаем, они как раз про нас говорят.

Вокруг скамьи росли высокие яблони с голыми стволами — никак не подберешься. Кусты были далеко, слова туда доносились с перерывами, не всегда вразумительно:

— Что же нам было, на руках носить их, да? И так мы... Чего только не делали!

— Я сколько раз плакала из-за них. Ты к ним с добром, а они... А в классе что они вытворяли! Один хулиганит, другой клоуничает.

— Да я не про то совсем! — горячилась Антонина Петровна. — Вы вот как будто стараетесь помогать им, а в то же время какую бы дурацкую шутку они ни выкинули, вы хохочете. На улицу выйдут, на них показывают пальцами, шепчутся.

Она чуть понизила голос, опять стало плохо слышно. Саня подкрался ближе.

— ...Тимаев нашел свою роль быстро и легко. А Кулагин то подражал Тимаеву и выступал как клоун, но у него это выходило гораздо хуже: он был слишком нетерпелив и обидчив; то принимался дико и злобно озоровать — тогда в классе подымался переполох, ребята устраивали со-

брания, директор вызывал его в учительскую, я шла к нему домой разговаривать с родителями. Одну зиму он был самым прилежным и смирным мальчиком. Тогда он скоро обогнал товарищей и стал почти круглым отличником. Но весной его мать уехала в Тамбов на курсы, он остался без присмотра и, конечно...

При этих словах Саня шумно раздвинул кусты.

— Идем, нечего тут время размазывать зря.— Тимаев замахал на него: тише, мол.— И пускай, подумаешь, важность какая!

Тимаев поторопился вылезть из кустов. Они прошли в конец сада, перелезли через забор и быстро зашагали вниз, к реке.

— Чего они там говорили? — спросил Тимаев.— Мне не слышно было.

— Так, ерунду всякую. Антонина Петровна рассказывала, как ты дурачком сделался.

— А про тебя?

— Да ну ее! Берется объяснять, а сама не знает, что к чему.

— Нет, все-таки, что она сказала?

— Да что ты пристал? Сказала, что осенью нас выгонят обоих. И вся школа будет радоваться.

— Врешь?

— Вот тебе и врешь! Ботаника, зоология, алгебра... нет, брат, это уж крышка. Возьмут метелку и скажут: «Ну-ка, товарищи дорогие, выкатывайся!»

4

Купались они долго и жадно, как будто навеки прощались с рекой. Вылезут, поваляются на песке, пожарятся на солнце — и опять в воду. На реке было полно ребят. Тимаев плавал как рыба. Он забирался на высокое дерево и прыгал вниз головой. Девочки на том берегу, на пляже, всякий раз взвизгивали от страха. У Тимаева от этого визга сладко замирало сердце. Ему казалось, что тут, на воде, нет человека сильней и ловчей его. И он шумно веселился, выделывал свои клоунские штучки, смешил оба берега.

Саня, наоборот, все время злился, ко всем приставал. Соберутся вылезать — он швыряется грязью, встанут над обрывом — обязательно столкнет в воду. А чуть слово скажи — он весь ощетинится:

— Ну что? Ну что? Ну?

Ребята от него держались подальше: среди них ходил давнишний слух, что он всегда носит в кармане кинжал и в случае чего может пустить его в ход. Правда, кинжала никто не видал, но зато бывали такие минуты, когда Саня решительно запускал в карман руку,— и тогда все рассыпались от него градом.

В обед на реку пришли Зина и Миша. Зина осталась с девочками, Миша с одеждой перебрался на этот берег. Он подошел прямо к Тимаеву с Саней.

— Ребята, мы хотим кружок организовать. Пока лето, будем изучать природу: птиц, насекомых, травы всякие. На прогулки будем ходить. Интересно же. И польза все-таки.

Пока он говорил, Саня зашел сзади.

— Эх, ты, смотри, что у тебя на спине!

— Брось дурака валять,— спокойно отозвался Миша.— Я серьезно. Мы же плохо знаем ботанику и зоологию. Я отличник, и то...

— Н-нет, братец ты мой,— сказал Тимаев.— Нам, брат, некогда всякими глупостями заниматься.

Он подтянул трусы и полез на дерево. Саня довольно засмеялся.

— Неужели вы не можете хоть раз поговорить, как большие?— досадливо спросил Миша.

— Нет. Никак не можем. У нас мозги не выросли.

— Да брось ты ломаться! Ну скажи по-честному: за что вы нас не любите?

— Кого, вас с Зинкой? А за что вас любить?

— Как за что? Мы весь год старались, помогали вам — и в школе и домой приходили. Думаешь, нам приятно, если вас выгонят? Мы как настоящие товарищи, а вы...

— Товарищи? Да? Настоящие? — Саня приблизил свое побелевшее сквозь загар лицо к лицу Миши.— А кто «Зоопарк» разорил? Скажешь, вы тут не при чем, это кирюхин отец с братом, да? Или, скажешь, это вы для нашей пользы?

— Подожди, не злись раньше времени. Если бы к вам пришла моя мать и сказала: «У Миши три испытания на осень, а он весь день...»

— Да кто вы такие, учить нас? Как репьи, пристали всю зиму, покоя не дают: «Вы должны то, вы должны это. Вам трудно понять задачу, давайте мы объясним. Может, вам дома мешают заниматься? Мы придем, поговорим с вашими...» А самого главного не видят!

— Вот тебе раз! Да у вас язык-то есть? Если мы не видим, ты скажи.

— Скажи! А может, про это нельзя сказать?

Тимаев прыгнул с дерева. Он вошел в воду, как игла, ни одной брызги не поднял. С минуту его не было видно, потом он вынырнул шагов за двести по течению, у самого берега. Вместо того чтобы крикнуть что-нибудь смешное и побежать наверх, он странно закрутил головой, начал щупать руками воду, свое тело, лицо. И вдруг закричал страшным голосом:

— Саня, Санька! Иди сюда, скорей!

Саня моментально скатился вниз.

— Саня, погляди: у меня глаза целые?

— Целые. А что?

— Я ничего не вижу, слепой. И тебя не вижу, ничего. Как ночь кругом... Я не успел глаза закрыть... Прямо глазами об воду.

Саня взял его за руку, осторожно повел на берег. Он и сам сильно перепугался и бормотал что попало.

— Это ничего, пройдет. Надо скорей в больницу, там операцию сделают. Ты зажмурься крепко и потом сразу открой.

Со всех сторон сбежались ребята. Саня расталкивал их свободной рукой, орал на них отчаянным голосом. Оставив слепого на берегу, он сбегал к обрыву, принес одежду. Тимаев дрожащими руками стал натягивать штаны. Саня поддерживал его, как пьяного, а он не мог попасть ногой в штанину. Вдруг он выпустил штаны и пронзительно вскрикнул:

— Вижу, вижу! Ой, как здорово: сверху все видно, а внизу нет. Эх, и внизу видно! Вот твои ноги, честное слово, ноги. И земля кругом и штаны. Все вижу, как днем!

Ребята засмеялись. Тимаев моментально оделся, потом снова все сбросил с себя.

— Теперь опять можно. Кто со мной на дерево? Эй, ты чего это? Саня?!

Поглядели — Саня плачет. Многие даже не поверили, подошли ближе: в самом деле, вытирает кулаком слезы и всхлипывает как маленький. Ребята забыли все его злобные выходки, издевательские шуточки.

— Брось, Саня. Ведь все прошло уже.

— Это со всеми бывает. Думаешь, у него глаза заболят?

Саня опустил руку. Лицо у него было еще мокрое, а он уже захихикал!

— Саня, погляди: у меня глаза целые?

— Чего вы? Подумаешь тоже, жалельщики нашлись! Я пошутил, а они уж и правда. Идем, Киря.

5

Часов в пять вечера они возвращались домой: скоро должны были приехать с поля старшие Тимаевы, придти со службы санин отец. Ребята с утра ничего не ели, и все-таки домой не хотелось. У старой больницы они присели на бревнах отдохнуть. Рядом, на пустыре, затевалось громадное здание новой больницы. Маленькие люди ползали по лесам. Тимаев задумчиво поглядел на них и сказал:

— А вдруг мы осенью все сдадим?

— А вдруг, а вдруг. Нас за всю зиму не могли выучить, как же мы теперь за два месяца приготовимся?

— Тогда лучше... как ты говорил.

— Ну да, лучше. Я все узнал. Билет до Москвы двадцать три пятьдесят. Как приедем,— туда прямо. Там общежитие, каждому кровать и шкафчик отдельный. Учиться три года, хоть на слесаря, хоть на токаря. Спросят документы — скажем, были беспризорники.

— Ага. Это ты ловко придумал. Они любят, когда плохие делаются хорошими.

— Ну да. Главное, в Москве народу видимо-невидимо. И все чужие, никто нас никогда не видал. Значит, мы будем, как все, даже лучше, может.

— Только там, брат, надо стараться. Там, наверно, строго.

— А ты думал, как тут? Зато кончим — будем мастерами. Купим белые шляпы и приедем сюда.

Они смеялись и придумывали подробности своего будущего торжества. В это время на стройке что-то случилось. Несколько рабочих столпилось внизу, перед лесами. Они шумели и на что-то указывали пальцами. Ребята подумали, что там кто-нибудь разбился, и побежали смотреть. Но люди показывали не вниз, а вверх, где ничего, кроме лесов, не было. Саня шмыгнул в толпу, начал расспрашивать:

— Что это? На что вы смотрите? Да где? А-а, вижу, вижу.

Но он ничего не видел. Там, куда ему показывали рукой, был обыкновенный угол между отвесной балкой и широкой поперечной доской. Только этот угол был почему-то темнее других — в него будто плеснули ковшом дегтя. А люди кругом говорили о каком-то счастье и спорили, кому оно достанется,— всей бригаде или бородатому плотнику Тимофею Иванычу.

Сане почудилось, будто темный угол весь шевелится. От него отлетали черные искорки. Поносившись в воздухе, они садились на то же самое место. Наконец, один рабочий объяснил: там уселся пчелиный рой; первый его заметил Тимофей Иваныч; рой был большой, фунтов на восемь, за него сейчас пятьдесят рублей могут дать.

— Да дело не в этом,— сказал рабочий.— Пчела счастье приносит. Уж если она кого выбрала, ему во всем будет удача.

Прибежал меднолицый прораб, с курчавыми светлыми волосами, без шапки:

— Эй, товарищи, вы что же это? Работа еще не кончена.

— Дмитрий Николаич, рой сел, вон на лесах.

— Давайте, давайте, некогда тут с роями возиться.

Рабочие разошлись по своим местам. В деревянных клетках зашоркали рубанки, застучали топоры, Тимаев с Саней отошли в сторонку и сели на траве. Про дом они совсем забыли. Саня с завистью и раздражением пристал к Тимаеву:

— Ну вот скажи, разве это правильно? Всем везет, а нам хоть бы раз в жизни! Взял бы да сел у нас на дворе. Или у вас. Не все равно ему было? Чем мы хуже этого Тимофея Иваныча? Пятьдесят рублей как раз нам на дорогу, еще осталось бы.

Вдруг Тимофей Иваныч на лесах вскрикнул, схватился за шею и с удивительным проворством побежал вниз. Внизу он долго тер себе шею и ворчал:

— Как огнем прожгла насквозь. Ух, да и вредная тварь!

Немного погодя с лесов скатился другой плотник. Он хватался сразу за два места и еще набегу закричал Тимофею Иванычу:

— Ты что думаешь, пчельник разводить тут? Твои,— так забирай их и уходи с ними подальше, будь они трижды неладны!

— Как я их, руками в карман покладу? — оправдывался Тимофей Иваныч.— Это надо умелого человека да инструмент подходящий. Без инструмента тут тоже ничего не сделаешь.

Внизу опять скопилось человек десять: одних покусали пчелы, другие сбежали заранее. На темный угол упал луч солнца — он весь заблестел, как черное масло, и еще больше зашевелился. Отдельные пчелки носились вдоль лесов, пугая рабочих. Тимофей Иваныч теперь уже сам отрекался от своего счастья:

— Какие они мои? Прилетели и сели. Что я их звал сюда? Возьмите себе их.

Стали думать, как отделаться от пчел. Прораб советовал принести из больницы ведро кипятку и ошпарить их. От этого плана быстро отказались: еще промахнешься, не ошпаришь всех сразу, остальные разлетятся и заедят до смерти. Тимофей Иваныч предложил зажечь что-нибудь вонючее и выкурить их дымом. Но это было опасно: в такую сушь нельзя шутить огнем на стройке. Да и кто знает? То ли они улетят, то ли разбушуются еще хуже? В конце концов решили ехать за четыре версты на пчельник и звать дедушку; по крайней мере, хоть завтра можно будет работать.

Как раз в это время один из сидевших в стороне ребят молча встал и неуклюжей походкой, вперевалочку, подошел к прорабу.

— Т-тогда лучше отдайте нам их,— сказал он.

— Кого, пчел? А как вы их возьмете?

— Мы умеем.

— Ради бога, возьмите. Я даже заплатить вам готов. Только это надо скорей сделать.

— Сейчас мы придем.

6

Саня бежал за Тимаевым и сначала недоверчиво посмеивался, потом всерьез забеспокоился, как же они все-таки возьмут рой? Тимаев молчал: он всегда был неразговорчив. Только у самого двора он сказал:

— Ты чего? Я и правда умею. Думаешь, я не видал, как дедушка на пчельнике работает?

У ворот их встретила сестренка Тимаева. Качая головой и хлопая себя руками, как мать, она принялась стыдить брата, потом объявила: недавно приходил отец, все узнал, и теперь, наверно, Тимаева выгонят из дому.

— Дура ты,— задумчиво сказал Тимаев.— Не знала, что сказать ему. Сказала бы, из школы за мной прислали.

— Да, думаешь, он поверил бы?

— Это же правда. Они там пчел завели, а обращаться с ними никто не умеет. Мы целый день возились там и сейчас пойдем. Давай скорей маленький мешок, он в кладовой. И ножницы.

Сестренка не знала, верить ей или нет. Мешок с ножницами она все-таки принесла. Тимаев разошелся и скомандовал ей принести иголку с нитками. Сам он притащил откуда-то старое сито, вырвал заржавленную сетку, примерил ее по мешку. Она оказалась великоватой, и он обрезал ее.

— Пока я буду вшивать, ты разыщи папанькины рукавицы. Еще сапоги и пиджак мой принеси.

Повелительный голос действовал не только на сестренку, даже Саня слушался его беспрекословно. Когда Тимаев отрезал дно мешка и вместо него начал крупными стежками через край вшивать сетку, Саня поддерживал ему шитье с таким почтением на лице, как будто перед ним был знаменитый хирург, делающий опасную операцию.

— Тяни сильней! — говорил Тимаев, и Саня тянул.— Посади немного, видишь, мешок широк, — и Саня посаживал. — Катя, принеси шпагату немного. Да, еще веник намочи! — Сестренка тащила шпагат, мочила веник.— Саня, завяжи мне рукавицы потуже. Да не так, поверх рукавов! Так. Готово!

Они захватили пустое ведро и веник, с которого капала вода. По дороге они встретили человек восемь школьников, возвращавшихся с купанья. Вид Тимаева в сапогах и ватном пиджаке в такой жаркий вечер, с рукавицами, туго завязанными поверх рукавов, ошеломил их. Они спросили: куда? — и получили короткий ответ: никуда.

Возле стройки собралась уже толпа. Тут были и школьники и взрослые. Они стояли на почтительном расстоянии и вглядывались в темный угол. Когда кто-нибудь подходил ближе, ему кричали:

— Смотри, смотри, она те жиганет, так до самой речки не остынешь!

Некоторые нарочно вскрикивали: «Ой, ой вот она!» Тогда люди со смехом кидались в разные стороны, а потом возвращались назад. Меднолицый прораб злился и вслух ругал сам себя:

— Чорт, дурак! Спектакль устроил, развлечение для публики. Связался с какими-то мальчишками.

Тут толпа раздалась и пропустила Тимаева с Саней. Прораб и обрадовался и еще больше обозлился:

— Эй, вы! Я вас что, до завтра ждать буду?

— А ты думал, как? — Саня нагло усмехнулся.— Это, брат, тебе не дом строить: тяп-ляп и готово. Тут с умом надо.

Народ ахнул от такой дерзости и захохотал. Один Тимаев даже бровью не повел. Он с каменным лицом велел Сане расправить мешок и просунул в него голову. Неловкими в рукавицах руками он натянул мешок дальше, так, что сетка пришлась как раз над лицом. Теперь он стал похож на водолаза. Школьники протискались вперед, окружили его плотной стеной, заглядывали ему в сетку. Тут были и одноклассники и старшие, но сейчас их всех равняла одинаковая почтительность, даже подобострастие на лицах.

— Ведро,— сказал Тимаев — и шесть рук подали ему ведро.

— Веник,— двое подали ему веник.

— Высох, надо намочить,— они побежали мочить.

Пока они бегали, Саня раздобыл на стройке грязную рогожку и прикрылся ею, как от дождя. Возле Тимаева очутился Миша Карасев. Теперь у него не было и тени всегдашнего превосходства. Очень вежливо он спросил:

— Киря, вы что с ними будете делать?

— Ты же говорил, козявок изучать.

— Значит, вы в школу их? Вот здорово! Это вам прямо...

— Там посмотрим! — оборвал его Саня.

Держась левой рукой за переплет, он правой начал сбоку кропить пчел водой.

Принесли не только мокрый веник, но и еще целое ведро воды. Тимаев отдал его Сане, предупредив, что надо держаться подальше. Сам он вооружился веником и сухим ведром. Они стали подыматься наверх. Тимаев впереди, Саня с водой шага на три сзади. В народе все затихли. Слышно было только, как скрипят мостки под их ногами.

Саня тихо посмеивался про себя: ему ужасно нравилось, что сейчас они как хозяева на стройке: что хотят, то и сделают.

На площадке второго этажа Саня остановился. Тимаев еще раз обмакнул веник и, поднявшись немного повыше, влез в деревянный переплет. Люди снизу увидели, как он высунулся, оглядел рой и отступил.

— Э, струсил! Покусали! Еще упадет, паршивец!

Но Тимаев, держась левой рукой за переплет, правой начал сбоку кропить пчел водой. Шевелившийся и гудевший до тех пор клубок затих. Крылья у пчел намокли, они больше не могли взлетать. Тимаев подозвал Саню. Как раз под пчелами, снизу, высунулось сухое ведро. Тимаев поддержал его за дужку и стал веником выгребать пчел из угла, как мусор. Блестящий черный комок мягко шлепнулся на дно, за ним два маленьких. Остался тонкий слой по краям, Тимаев и его тщательно вымел в ведро.

— Эх, ты, прикрыть нечем! Не захватили...

Саня сорвал с себя рогожку.

— На, прикрой. Меня они не трогают. Я... Ой, ой! — Он обеими руками схватился за голову, но сейчас же постарался улыбнуться.— Бери, бери, ничего. Это, наверно, которые летали раньше. Они... Ух ты!

— Беги скорей вниз! — закричал Тимаев, и Саня кубарем скатился с лесов. На шее и на лице у него вскочили красные волдыри, всегда гладенькие волосы встали дыбом, в них запуталась пчела. Кто-то заметил ее, и люди шарахнулись от Сани, как от чумы. И тут, хотя его жгло со всех сторон нестерпимым огнем, он нашел в себе силы опять улыбнуться:

— Чего вы? Вот тоже, пчелы испугались! Что это, бешеная собака, что ли?

Его обступили ребята и начали расспрашивать:

— Что, больно? Здорово покусали? А Тимаев где? Всех сняли?

7

Тимаев все еще был в мешке с сеткой. Он медленно спускался сверху. В руках у него были ведра с водой и пчелами, подмышкой — веник. Рой был плохо прикрыт, поэтому приближение Тимаева отодвигало народ будто невидимыми лучами страшной силы. Образовался круг, как в цирке: в середине Тимаев с Саней, по краям кольцо зрителей. Саня воспользовался этим и зашептал:

— Ты что, правда, их в школу хочешь?

— А куда же? К нам нельзя: отец с Ванькой руками подавят их всех. У вас пчелы жить не будут: там, во-первых, свалка близко, воняет. Потом, если твоя мать приедет, ваши будут ругаться каждый день. А пчелы не любят этого, они сразу улетят.

— Да ведь в школе еще хуже. Там Зинка с Мишей как начнут: «Вы должны то, вы должны это, мы вам поможем, все объясним»,— так ты сам убежишь.

— Ничего. Они же не смыслят в пчелах. У тебя ножик с собой?

Последние слова были сказаны громко. Все школьники насторожились: вот когда знаменитый кинжал вылезет наружу! Значит, не зря про него говорили! Саня покраснел и сделал вид, что не слышит. Ему очень не хотелось при всех показывать нож. Но Тимаев, как нарочно, попросил второй раз. Пришлось слазить в карман, порыться там и вытащить. Это был складной маленький ножик с тупым и расшатанным лезвием. Школьники опустили глаза с полным разочарованием.

Тимаев снял с себя мешок, велел Сане держать, а сам начал пилить его ножом. С большим трудом ему удалось выпилить две широкие ленты почти до самой сетки. От мешка осталось что-то вроде фуражки без козырька, но с двумя длинными ушками. Тимаев нахлобучил ее на ведро с пчелами, вместо рогожи, и крепко завязал ушками.

Стали подходить ребята, сначала осторожно, потом все смелее. Все жадно тянулись к ведру, дотрагивались, заглядывали в сетку. Дырочки в сетке слиплись от ржавчины, сквозь них в темном ведре ничего не было видно. Кто-то приложился ухом к стенке и пришел в восторг:

— Гудят! Послушайте-ка.

Все начали нагибаться и прислушиваться. Саня при этом болезненно морщился, вздыхал, бросал умоляюще-яростные взгляды на Тимаева. Ему казалось, что от счастья, которое выпало им двоим, все приходят и отламывают по куску и скоро от него ничего не останется. Наконец, он не выдержал:

— Ну, довольно уж, хватит. Теперь им надо покой дать. Пошли.

Никто не сказал, куда пошли, но все направились к школе: в середине Тимаев с ведром, Саня с веником и рукавицами, Миша Карасев, вокруг них человек двадцать ребят. Говорили только о пчелах. Восхищались обычаем — считать хозяином того, к кому сел рой. Младший брат Миши спросил, показывая на ведро:

— А мед они могут делать? Настоящий, как на базаре?

Раздался дружный смех, но этого «детского» вопроса ждал каждый. И когда

Тимаев ответил на него утвердительно, ребят охватило волнение, как будто они наяву увидели сказочную медовую реку. Сейчас же возникло множество новых вопросов: сколько может за лето дать один рой, можно ли развести в школе пасеку, почем и куда продавать мед, как использовать вырученные деньги. Одни стояли за горячие завтраки зимой. Другие предлагали устроить в школе слесарно-механическую мастерскую. Третьи мечтали о флотилии белых лодок на реке (лодочный поход до самого Воронежа — это плохо по-вашему?). Кое-кто поговаривал даже о маленькой электростанции.

Про пчел в ведре никто не говорил иначе, как «наш» рой, «наши» пчелы. Саня подталкивал Тимаева в бок и при случае нашептывал со злорадством:

— Что, я говорил тебе, я говорил! Погоди, они еще совсем отошьют нас.

Тимаев иногда молча отмахивался, а иногда и этого не делал. Он и на вопросы ребят либо не отвечал совсем либо отвечал невпопад, как глухой. Миша завел с ним разговор о кружке пчеловодов. Он слушал и даже поддакивал:

— Ага, кружок... Хорошо... Узнать можно...— И вдруг, на полуслове, повернулся к нему спиной.— Саня, иди-ка сюда!

Они отошли в сторонку, и Тимаев зашептал:

— Я, знаешь, чего думаю? Вот если бы мы выросли до облаков, ну хоть не до облаков, а как великаны. Мы бы всем помогали, верно? Я бы... Я бы не знаю, что сделал, прямо гору своротил бы...

— И, ты! Правда, что дурачок,— Саня презрительно оглядел его с ног до головы.— Развесил губы. Ты еще спасибо скажи, что они приняли твоих пчел.

Это было у самой школы. Двое ребят уже пролезали через дыру в сад. Когда Тимаев вернулся к Мише, тот спросил:

— Ну что, будешь председателем?

— Что? Председателем? Зачем? — Тимаев говорил будто спросонья.— А-а, председателем? Буду. Мы вместе с Саней, одинаково.

— Двоим нельзя. Его можно помощником. Если надо, так мы даже двух тебе выберем. А Антонина Петровна будет главным руководителем.

Саня вдруг заупрямился. Не будет он ни помощником, ни председателем. И в кружке не будет. Потому что не желает. Пускай пропадают их пчелы, пускай все заберут себе Зинка с Мишей (Зины тут и не было). Ему ничего не надо. Он лучше уйдет домой и будет сам по себе,— по крайней мере, никто не будет над ним командовать.

8

В саду были косматые длинные тени. От цветника несло сыростью,— наверно, только что полили. Ведро с пчелами поставили на солнце. Но кто-то сказал: они и так горячие, значит, их надо в холодок. Перенесли в тень. Но тут одному пришло в голову: раз они горячие, стало быть, им нужно так, зачем же им делать вред? Ведро снова перенесли на солнце. Но ведь солнце переходит с места на место. Скоро оно совсем сядет, а утром встанет с другой стороны. Как тут быть? То же и с цветником: поставить пчел рядом, или даже в середину его, или нарочно отнести подальше?

Пока шли споры обо всем этом, Тимаев стоял всторone. Он то глупо улыбался, то беспокойно оглядывался на дорожку, ведущую к дыре, то открывал рот, собираясь сказать что-то,— и ничего не говорил. Первый раз ему приходилось действовать без Сани, и это было ужасно трудно. Наконец, он пересилил себя и сказал:

— Сперва улей надо. Они не могут в ведре.

Стали думать, где взять улей. Тимаев предложил сбегать на пчельник и выпросить у дедушки хотя бы старенький, завалящий какой-нибудь. Миша обиделся:

— Зачем старенький? Что наша школа не может нового купить? Я видел в городе продают: настоящие домики. Идем прямо к директору!

Побежали к директору. В саду остался только Тимаев. Он сказал, что пчел нельзя пока оставлять одних. На самом деле он боялся, что директор как увидит его, так сейчас же закричит: «Что, кружок? Тимаев председатель? Да вы с ума сошли!»

Директор жил напротив, а ребята не возвращались целую вечность. Солнце село. В саду не осталось ни одного светлого пятна. Тимаев представил себе, как там идут переговоры, и решил, что все погибло. Сейчас ребята придут и скажут: «Забирай своих пчел. Куда хочешь, туда и девай их».

Все направились к школе: в середине Тимаев с ведром, Саня с веником и рукавицами, Миша Карасев.

И как раз в это время зашуршали ветки, затопали босые ноги. «Киря, Киря!»— закричало несколько голосов. Он вскочил. До сих пор в школе его редко называли по имени; для всех он был Тимаев. На дорожке показались бегущие, прыгающие, размахивающие руками ребята.

— Есть! Согласен! — кричали они. — Деньги выдал! Кружок ему понравился. А что ты председатель, так он говорит: лучше и придумать нельзя.

Тимаев хлопал глазами, не зная, верить ему или нет.

Подошел и Миша. В руке у него было две бумажки по тридцать рублей. Он не махал руками, не кричал, но зато и ничего не разъяснял, как раньше. Он просто сказал:

— Завтра поедем в город. Ничего, если они одну ночь проживут в ведре?

— Ничего, можно хоть две ночи,— Тимаев опять вдруг повеселел.— Только мне бы лучше тут остаться. Мало ли что может быть?

— А без тебя мы в городе ничего не сделаем. Какой улей брать? Мы же не знаем. И как обращаться с ним. Привезем негодный, тогда нам больше не дадут денег.

Тимаев засмеялся, чрезвычайно польщенный, но, вероятно, подумал, что это нехорошо, и деловито нахмурил брови.

— Это же пустяк — выбрать улей. Они все одинаковые. Ну ладно, тогда часовых поставим. Кто может завтра придти сюда пораньше? Все? Нет, всем нельзя: шуметь будут, напугают пчел. Надо поочереди.

В саду почти совсем темно. Голос Тимаева спокоен и тверд. Лицо его трудно уже разглядеть, зато фигура ясно вырисовывается между деревьями. Она стала как будто выше, прямее. Ребятам кажется, что на место Тимаева поставили кого-то другого — толкового, хозяйственного парня. Он знает свое дело, и возра-

жать ему нельзя. Тимаев идет к ведру, снимает с себя пиджак, тепло укутывает пчел. Только сетку оставляет наполовину открытой, чтобы они могли дышать.

— Вот тебе и дурачок! — шепчут сзади него.

— Тише ты! Он поумнее тебя. Думаешь, если клоун, так...

— Киря! Я боюсь, стащут.

— Ничего! Он старый!

Эти обыкновенные слова напитаны такой радостью, как будто Тимаев говорит не о пиджаке, а о том, как замечательно жить на свете.

9

Санины окна были плотно закрыты ставнями. Неужели спать легли? Как нарочно, взошла луна и залила весь узенький проулок почти дневным светом. Тимаев спрятался в тень. Он уже пять раз свистел — никакого ответа. Дома, наверно, тоже легли. Хорошо, если Катя сказала, что он ночует у Сани. А если она не сказала? Хоть бы он вышел на минутку, Саня. Нельзя же уйти и не рассказать ему, что там было, в саду.

Он свистнул еще три раза подряд. Хлопнула калитка другого дома. Вышел человек и сердито спросил:

— Кто тут? Чего надо?

Тимаев бросился бежать.

Дома все спали. Он перелез через забор и лег в кормушку со свежей травой. Полежал немного — тихо подошла мать. Принесла отцову шубу подстелить, кувшин молока, краюху хлеба.

— На вот, поешь. Весь день голодный.

Тимаев припал к кувшину и долго не мог оторваться. Он сам не подозревал, что так проголодался.

— Кирюша, ты правда что ли в школу ходил? Хоть мне-то не ври.

— Нет, правда, мама, вот честное слово. Мы с Саней им рой поймали, пасеку разводить будем. Сам директор нам спасибо сказал.

— Ох, не доведет тебя до добра этот Санька! А учиться-то будешь?

— Конечно, буду. Ты вот ругаешь Саньку, а он, знаешь, что сказал? «Будете нас учить как следует, тогда разведем вам пасеку». Они согласились. Теперь все учителя будут приходить в школьный сад и заниматься с нами.

— Ты уж постарайся, сынок. Отца-то хоть пожалей. Ведь нынче у всех как есть дети учатся. На что Стигнеевы раньше самые последние люди были, — и то у них Федька доктором выходит. Неужели уж мы хуже их? Ваньке нашему не пришлось...

У Тимаева отяжелели веки. «А что, правда, выйти бы доктором!» — подумал он. Ему стало ужасно смешно, и он моментально заснул.

Через пять часов его разбудил петушиный крик. Было еще рано, должно быть, только рассветало. Ему очень хотелось спать, но он встал и вылез из кормушки. Петушиный крик прозвучал, как сигнал бедствия. «Чем их кормить? — в ужасе думал Тимаев. — Как ухаживать за ними? Ребята будут спрашивать, а я не знаю. Вот так председатель!»

Он протер сухим кулаком глаза и тихонько вышел со двора. Вчерашней дорогой, мимо садов и гумен, спустился в лощину, пересек зелено-голубое озеро пшеницы, полотно железной дороги и стал подыматься в гору. За первым подъемом от дороги отделилась тропка в лес. Тут, на черных парах, в лучах солнца, стоял серенький заяц. Сверху бесшумно скользнула темнорыжая крылатая тень. Заяц рванулся с места и поскакал, смешно подымая то зад, то длинные уши.

Тимаев тоже побежал. Минут через десять перед ним открылась зеленая поляна в лесу, расшитая замысловатыми узорами цветов. На краю стоял домик, похожий на клушку, перед ним, как цыплята, в высокой траве прятались ульи, штук двадцать. Тимаев хотел позвать кого-нибудь и вдруг заметил высокого старика с коричневой блестящей лысиной во всю голову. Он стоял раздетый, без сетки и рукавиц, и встряхивал что-то круглое. Над головой его вилась тучка пчел. Рука и то круглое были уже облеплены живой черной кольчугой. Тучка заметно редела. Когда она вся опала, старик унес ее к открытому улью и долго водворял на новую квартиру.

Это было то, что больше всего хотелось бы сейчас подсмотреть Тимаеву. Но он не подошел: его охватила робость и такое почтение, как будто перед ним был настоящий живой колдун. Пчелы не кусают его, садятся, куда он хочет. Ведь это же не собаки — разве их можно приучить так слушаться? Недаром он вечно живет в лесу. И лоб у него в шишках, и на лице всегда хитрая усмешка. Кто знает, что он еще может? Вот сейчас выбежит из лесу волк и скажет: «Ух, за-

мучился!» За ним прилетят семь белых лебедей. Старик махнет рукой — из лебедей выйдут семь добрых молодцев и начнут докладывать, что случилось за ночь на земле. А там не успеешь и глазом моргнуть, как сам оборотишься пчелой. Вот было бы здорово! Куда хочешь можно залететь и все подсмотреть. А люди бы ходили мимо и рассуждали: «Враки все это, никакого колдовства не бывает».

10

Старик обернулся и увидел Тимаева.

— А, пришел! Что долго не был? Некогда, озоровать надо?

— Нет, я не озорую... Дедушка, если в школе у нас, в саду, поставить улей, будут пчелы жить?

— Отчего же? Будут. Загородку сделаете, чтобы не все к ним лазали, и будут. Только где вы пчел возьмете? Мы не продаем сейчас.

— У нас есть уже. Мы рой поймали.

— Где? Вчера вечером? Ах, паршивцы! Это наши упустили. Как уедешь на час, так у них тут все вверх ногами. А-я-яй! А-я-яй! То-то они вечор себе места не находили.

Могущественный повелитель пчел стонал и охал, точно у него болело все нутро. Сейчас он был похож не на колдуна, а на обыкновенного дедушку, у которого внучек ушел из дому и потерялся. Он начал подробно расспрашивать, где и как нашли рой, как его снимали, много ли пчел пропало при этом. Тимаев взмолился:

— Постой ты, дедушка! Мне некогда: в десять часов поезд отходит, а мне еще надо в школу, потом к товарищу одному, потом... Ты лучше расскажи, как за ними ухаживать, за пчелами.

— Как ухаживать? Ну, брат, этому за один день не научишься. Я сорок лет за ними хожу, да и то многого еще не знаю.

— Сорок лет?! — Тимаев вытаращил глаза, потом хитро улыбнулся: знаю, мол, ты шутишь, потом сразу весь съежился и поник. — О-о-ой! Сорок лет!

— Да тебе что больно скоро надо-то?

Тимаев рассказал все на чистоту: про пасеку, про горячие завтраки, лодочную пристань, слесарную мастерскую, а главное, про то, что его выбрали председателем.

— Ах ты, горе какое! Да неужели уж там не нашли кого по... Ну, вот что. Они где у вас, в ведре, пчелы-то? Пойдем, я тебя научу.

Старик взял пустой улей, разобрал его и велел Тимаеву собрать. Показал, как вставляются рамки, как они навешиваются, как надо переселить пчел из ведра в улей. Обещал дать одну рамку с медом и расплодом. Тимаев приободрился. Ни мать с отцом, ни учителей в школе он никогда не слушал с таким трепетным вниманием.

— Спасибо тебе, дедушка! Я еще буду приходить, ладно?

— Приходи, приходи. Еще вот молодой пчеловод мой придет, я у него книжку спрошу. Там в ней все описано, как обращаться с пчелой.

— Разве такие книги бывают, про настоящее?

— А как же? Да они все такие. Либо как жить учат либо как чего делать. Нет, от книг тоже большая польза человеку.

Тимаев был несогласен с этим, но раздумывать и спорить сейчас ему было некогда. Он еще раз поблагодарил дедушку и пошел домой. Шагов двадцать прошел — вернулся.

— Дедушка, а вдруг они улетят все-таки?

— Зачем улетят? Раз у них будет корм и будут дети, не улетят. Ну, а между прочим, на другой день открой и погляди: если они сидят в гнезде и работают, стало быть, все хорошо. А если сбились в клубок да ничего не делают, значит, собираются лететь. Тогда скажи, я приду, погляжу.

Тимаев хотел идти к Сане. Но Саня сам встретил его на улице:

— Где ты пропадаешь? Я тебя искал-искал. Рой все в ведре. Думаешь, он сто лет в ведре может? Там какие-то часовые, близко никого не подпускают. Я хотел смазать одного, да не стал, связываться еще.

— А ты разве не..? Ты же говорил...

— Ничего я не говорил! Раз поймали, что же теперь, выбрасывать его?

Лицо у Сани было какое-то праздничное, глаза и губы улыбались. Даже сердитые слова он говорил с улыбкой. Тимаев сразу догадался, что это неспроста.

— А письмо ты нашел, которое отец прятал от тебя?

— Нет, он сам показал мне, — Саня заложил руки в карманы и ногой отодвинул соринку, словно речь шла о самых

обыкновенных пустяках.— Да сейчас второе письмо принесли. Завтра мама приедет домой. Она, наверно, всегда теперь с нами жить будет.

— Врешь? Вот здорово! Все-таки лучше нет, когда мать дома. Они хотя пристают здорово, зато... Нет, от них все-таки большая польза человеку!

11

У водокачки радостно, как жеребенок на лугу, загудел паровоз. Попыхивая желтыми клубами дыма и с трудом удерживая свой буйный бег, он подкатил к станции. На горячем асфальте перрона нетерпеливо переступают восемь босых ног. Восемь глаз так же нетерпеливо перескакивают с одного вагона на другой. В одной двери показался Миша Карасев. Он держит что-то белое, свеже отструганное, вроде ящика от стола. Ребята кидаются к подножке, вспрыгивают на нее.

— Улей, да? — спрашивают они так, как будто случилось что-то ужасное.

— Нет, крышка, — отвечает Миша. — Держите, я буду подавать вам.

После крышки он подает высокий ящик без дна.

— А это? — спрашивают ребята, но он отворачивается и быстро уходит в вагон.

Появляется еще один ящик, пониже, потом — опять вроде крышки, потом — большая связка планок. Каждый раз Мишу провожают внимательные, жадные глаза, требующие ответа.

— Ну что вы смотрите? — сердится он. — Что я вам, пчеловод, да?

Из вагона выходит, наконец, сам Тимаев. Он осторожно несет что-то согнутое в трубу, темножелтое, с изумительными рубчиками. Дотронешься рукой — чуть-чуть липнет. Приглядишься — рубчики состоят из маленьких ровных кубиков. Три кубика составляют правильную ребристую ямку. Все ямки, как одна, не отличишь.

— Эх, ты! Это что такое? Это ты сам сделал?

— На фабрике. Это вощина, пчелы на ней будут соты строить. — Тимаев рассеян. Он много раз обегает глазами весь перрон, потом с досадой говорит: — Ну что же вы стали? Дожидаетесь, пока там пчелы подохнут в ведре?

Ребята расхватали крышки, ящики, планки и пошли со станции. Тимаев, нахмурив брови, зашагал сзади всех. У моста через реку он отдал Мише вощину, а сам выбрал из связки четыре планки:

— Идите, я сейчас прибегу.

Всю дорогу до пчельника он также хмурился, покачивал головой, изредка бормотал что-то неодобрительное. На пчельнике он сам приготовил от начала до конца одну рамку, так что ее можно было хоть сейчас закладывать в улей. Дед смотрел на него и радовался как маленький:

— От молодец! Золотые руки. Слышь, Кирюха, я что говорю: поступай ко мне помощником!

— Кто меня пустит? А школа-то?

Молодой пчеловод принес ему обещанную рамку с сотами, кроме того один каточек для наващивания, немного проволоки и толстенную книгу. Тимаев как отошел от поляны, так сейчас же раскрыл ее на 25-й странице. Раскрыл так просто, от нечего делать. Как раз на этой странице были две страшных картинки, какие могут только во сне присниться: огромные крюки со сгибами, сплошь утыканные гвоздями, словно для пыток. Он заинтересовался, прочитал и глазам не поверил. Прочитал второй раз — правильно. Да и рисунки рядом, можно все глазами увидеть. Нет, вы подумайте, сколько хитрости в одной маленькой пчелиной ноге! Ни у кого, даже у человека, нет таких приспособлений: там и щеточки из мелких волосков, и другие щетки, из длинных щетинок, и специальные щипчики, и особая корзиночка, и она сверху может закрываться крепкими прутиками-шипами.

Вот села пчела на цветок, насосалась сладкой водицы — нектара; перелезла на пыльник — раз! — прокусила его, набрала полный хоботок желтой пыльцы и вся, с ног до головы, вывалялась в ней; полетела домой. Думаете, она так просто летит? Нет, у нее и в полете работа: ножными щетками она счищает всю пыль книзу, щипцами складывает ее в корзиночку, поровну в левую и в правую: как будто она летчик и понимает, что нельзя перегружать одну сторону. Прилетела домой, сложила добычу в ячейку, залила медом — готово, теперь не испортится, можно еще запасать.

Тимаев не заметил, как он, спотыкаясь и задевая за деревья, вышел из лесу.

— Вот это, я понимаю, книжка! — громко сказал Тимаев и с таким видом, как будто он открыл целые заросли ежевики в лесу, побежал, стараясь не помять тяжелой рамки с сотами.

В лощине, среди пшеницы, он остановился. Еще раз бегом перелистал книгу, особенно где картинки, и сунул ее под рубаху. Нет, не годится: так выпирает наружу, что всякий заметит. Вынул. Поискал вокруг себя и ничего подходящего не нашел. Заложил между рамками — не понравилось. Пошел дальше и вдруг заметил, что в одном месте колосья сгрудились в густой куст, — наверно, семена просыпались во время посева. Тимаев прицелился, бросил — книга угодила как раз в середину куста и скрылась. Он прошел взад-вперед по дороге, убедился, что ниоткуда не видно, и тогда только пошел дальше.

12

У самой дыры он снова нахмурился. В глубине сада слышались ребячьи голоса, смех. Тимаев горестно вздохнул и вслух сказал:

— Эх, дурак, дурак, Санька! — Он перелез в сад и добавил: — Разве дома опять что-нибудь?

У цветника никого не было, только возле ведра с пчелами стоял часовой. Тимаев снял пиджак, положил на него рамки и пошел в конец сада, на голоса. После двух поворотов он задумчиво поглядел вперед и буквально подпрыгнул от изумления. Весь правый угол сада с четырьмя грушами был отгорожен высокими дощатыми колышками. Внизу колышки были вбиты в землю, вверху их скрепляли толстые длинные прожилины. В середине загородки двое ребят приделывали калиточку. Тут на высоком шесте был прибит кусок фанеры с красивыми черными буквами:

> ПАСЕКА
> Средней школы
> ВХОДИТЬ
> только членам кружка.

Вся земля за загородкой была вскопана лопатками. Человек восемь ребят полевыми граблями «бороновали» глыбистые рытвины. Но самое главное: вместе с другими работал и Саня. Он медленно шагал впереди «бороновальщиков» и широким жестом заправского сеятеля раскидывал какие-то семена из бумажного пакета. Кроме того он каждую минуту оглядывался и всех упрашивал:

— Скорей же, ну скорей, ребята! Сейчас придут Кирюха с Мишей, будут переносить улей, а у нас неготово.

Один мальчик устал, наверно, и поэтому обиделся:

— Скорей, скорей! Иди вот сам разбей его, он как камень.

Тимаев думал, что Саня рассвирепеет, полезет с кулаками, но ничего подобного не случилось. Он подошел, взял грабли и разбил твердый комок:

— Вот и все. Подумаешь, трудно. — И он с неслыханной скромностью предложил: — Хочешь, ты иди досевай, там чуть-чуть осталось, а я буду бороновать.

Ребята, делавшие калитку, заметили Тимаева:

— Смотри, хорошо сделали? Лучше плотников. Это у нас «Санькострой» называется, потому что он все затеял: и лесу он достал, и гвоздей, и траву сеять — все он.

Саня кончил рассевать и тоже подошел. Он как будто оправдываться начал:

— Ты сам сказал, отгородить. И траву... они, наверно, любят, пчелы.

— Да кто тебе говорит чего? Хорошо сделали, прямо лучше не надо. Теперь только поливать... А где ты лесу взял?

— На стройке. Он ведь обещал заплатить. Я сказал, денег нам не надо, лучше для пасеки дайте гвоздей и лесу.

Через полчаса вся огороженная и засеянная площадка была готова. В середине ее, под грушей, вбили четыре колышка, на них поставили дно и первый ящик, «гнездо», пока еще пустое. Тимаев опять сделался полновластным распорядителем кружка толковых и послушных ребят. Они все понимали с намека и делали все быстро и акуратно. Попросит он гвоздочков — гвозди вырастают как из-под земли. Оглянется за молотком — молоток уже под руками. Начал сбивать планки — они только взглянули, и через десять минут вся груда планок превратилась в готовые рамки. С такой же быстротой во всех рамках были пробиты гвоздями дырочки и туго натянуты поперечные проволоки. Как с неба, свалилось несколько ножниц, всю вощину разрезали на куски как раз по рамкам.

С наващиванием чуть не разгорелась крупная ссора. Каточек был один. Всем хотелось подержать в руках эту чудес-

ную вещицу, похожую на зажигалку, с таким же рубчатым колесиком на конце. И не только подержать, а еще и раскалить ее на лампе, осторожно надавливая, прокатить вдоль проволоки, впаять эту проволоку в мягкий воск. Каток поочереди переходил из рук в руки. Многие подпалили себе пальцы, зато ни один кусок вощины не был испорчен.

Саню еще никогда не видали таким вежливым и добродушным, как в этот раз. Даже Тимаев часто поглядывал на него с удивлением. Когда подошла его очередь наващивать, он вдруг вспомнил:

— Погодите, а часовой-то? Ему ведь тоже интересно. Смените его, а я уступлю ему каток. Я это сколько раз делал. Да постойте, я сам сменю.

Но двое ребят уже поскакали к часовому. Остальные во все глаза смотрели на Саню: что это с ним приключилось сегодня? Но тут кто-то, навощив свою рамку, попробовал наступить на ногу Тимаеву.

— Вот. А ты говорил, трудно. Да это кто хочешь сделает. Мы бы и без тебя...

Ух, как Саня налетел на него!

— Без тебя, да? Без тебя? А что ты смыслишь в этом деле? Тебе показали, вот ты и делаешь, как мартышка. Так-то, конечно, легко. А что бы ты стал один, сам? Ну вот скажи сейчас, что дальше делать?

13

Все приготовления закончены: гнездо собрано и установлено на место, из шести рамок в нем две в самом центре, с готовыми сотами; готовый магазин и крышка стоят рядом. Ребята все вышли из ограды. Но им очень хочется все увидеть, поэтому они украдкой, по одному просачиваются обратно в калитку. Саня держит наготове большой уполовник.

Быстро подошел Тимаев с ведром. Он в своей сетке, в пиджаке, но без сапог и рукавиц. Саня передал ему уполовник. Он зашел с другой стороны, примерился, спросил: «Так видно будет?» Ребята сказали: «Видно». Тогда он быстро вдруг сорвал с себя пиджак и сетку. Все замерли, а он голым лицом наклонился к ведру, голой рукой приоткрыл мешковину. Уполовником, как кашу, зачерпнул грудку пчел и высыпал на рамы. Еще и еще зачерпнул. Потом взял ведро руками и рассыпал над гнездом остатки. Тут все заметили, что он схватился за щеку и моментально отнял руку. Не поморщившись, установил сверху магазин, закрыл крышкой:

— Готово!

Никто не пошевелился, не сказал ни слова. Долго так, с минуту. Потом все подбежали к улью, сразу было заговорили и так же сразу умолкли.

— Ничего. Если тихо, то можно,— сказал Тимаев.

Тут неожиданно двое вскрикнули и кинулись бежать. За ними разлетелись и остальные, кроме Тимаева, Миши и Сани.

Да это не пчелы! Дождик!

Посмотрели на небо — верно, дождик. Огромная туча насела почти на самые деревья. Стало темно, как в сумерки. Тяжелые капли закапали чаще, чаще. Ребята попрятались под деревьями. Тимаев тоже пошел было прятаться, но вдруг остановился.

— Эх, постойте, мне надо... недалеко тут... Я сейчас приду.

Саня заметил у него на лице испуг:

— Куда ты, Киря? Пойдем вместе.

— Да нет, мне далеко.

— Ну что же, все равно.

Туча разразилась ужасающим ливнем. Казалось, что падают не капли, а сплошной поток воды. Тимаев на бегу крепко сжимал подмышкой свой пиджак, свернутый в тугой жгут. Это было смешно: по нему самому вода лилась уже ручьями.

— Зачем ты пиджак взял? — крикнул Саня.— Тогда хоть прикройся.

— Ничего, мне нехолодно.

В лощине дождь стал как будто стихать, зато ударил гром, засверкали молнии — того и гляди убьет. Саня остался на дороге. Тимаев, раздвигая колосья, осторожно полез в пшеницу. Он достал из куста большую бордовую книгу, вытер ее и акуратно завернул в пиджак. Саня при всей своей мягкости сегодняшней обозлился:

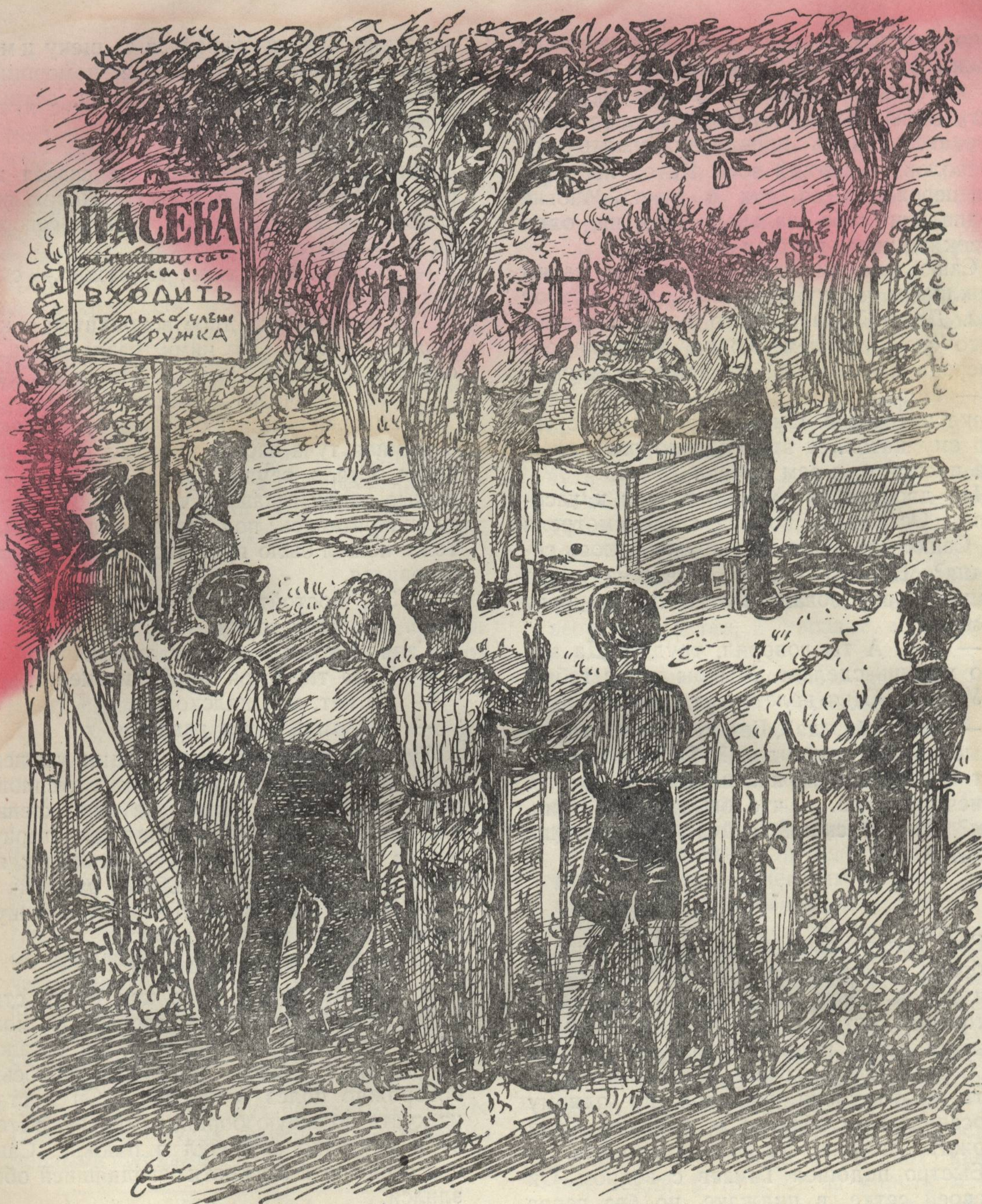
— Это ты из-за книжки?! Я думал, правда, что-нибудь...

— Хы! Это, брат, знаешь, какая книжка?

— Да все равно, какая бы ни была. Если бы знал, ни за что бы не пошел.

— Хы! Погоди, брат, ты еще по-другому заговоришь. Вот только дождь скорее прошел бы.

Дождь и в самом деле прошел скоро: когда они вернулись в школу, на небе



Потом Тимаев взял ведро руками и рассыпал над гнездом остатки.

уже сияло горячее солнце. Но в саду никого не осталось. Они посмотрели улей, потом уселись на зеленой скамейке. Тимаев развернул книгу. Она была немного запачкана. Нижняя крышка, еще влажная, начала коробиться. Тимаев посидел на ней, чтобы выровнять, отчистил, как сумел, грязь:

— Так. Ты, значит, говоришь, барахло? — В голосе и в улыбке его чувствовалось, что он заранее торжествует. Саня тоже улыбался насмешливо. На крышках не было никакой надписи. Тимаев нашел 25-ю страницу, закрыл буквы и спросил:— По-твоему, вот это что такое?

Саня заинтересовался картинками. Он долго рассматривал их, но никак не мог понять, что они изображают.

Тогда Тимаев пододвинул Сане книгу:

— Вот. Тут все описано.

Саня нагнулся, пробежал несколько строк:

— Эх, правда, здорово... Смотри, вот интересно! Недаром говорят, что они умные.

Тимаев, довольно посмеиваясь, переворачивал страницы, а Саня вслух читал: как пчела выпускает из брюшка воск, как она строит соты, делает мед. Для ребят это было настоящим откровением, и они читали, не замечая, как идет время.

В одном месте рассказывалось, как некоторые хозяева нарочно поят пчел водой, смешанной с водкой. Пчелы пьянеют и становятся буйными. Они нападают на чужие пасеки, бьют и крушат чужих пчел, грабят ульи, растаскивают мед. Это считается преступлением, и хозяину за такие штуки влетает.

Страниц через двадцать прочитали о том, как пчела переносит с одного цветка на другой пыльцу и от этого потом зарождаются маленькие арбузы, яблоки, груши, сливы — все самые вкусные вещи. Тимаев лихорадочно перевернул еще несколько страниц, но Саня захлопнул книгу:

— Нет, так не годится. Давай по порядку. Нам же и другим надо рассказать.

Только начали по порядку — наступил вечер. Это было так удивительно, что они долго смотрели на небо, не набежала ли опять туча? Нет, к сожалению, вечер, самый настоящий. Нехотя пошли домой с уговором, что завтра, как можно раньше, опять придут в сад. У своего проулка Саня вспомнил:

— Подожди, ведь пыльник, тычинка, пестик — мы и раньше про это слыхали. Помнишь, Антонина Петровна рассказывала? И в ботанике это есть. Знаешь что? Ты завтра эту приноси, а я захвачу ботанику, на всякий случай.

14

Купанье и речка, сладкие ягоды в лесу, утиные выводки на болотах, игры на улице — все перестало существовать на свете. Остались одни пчелы да зеленая поляна в лесу, да чудесная бордовая книга, немножко покоробленная дождем. Ей на помощь привлекалось все, что попадало под руку: дед, молодой пчеловод, все домашние, товарищи и даже самые обыкновенные книжки, которые проходили в классе.

Целый день, с утра до ночи, Тимаев с Саней проводили в школьном саду. Они приходили раньше всех и уходили позже всех. Дома считали, что к ним правда приходят учителя, и заботливо приготовляли с вечера узелки с едой. Несколько раз к ним в сад прокрадывался брат Тимаева, Ванька. Каждый раз они либо прилежно читали книгу либо возились у улья, а книги лежали рядом, открытые, стало быть, верно учились.

Посев в ограде взошел—пышная ярко-зеленая трава покрыла всю площадку. Миша Карасев торопил с открытием кружка, чтобы на него пригласить Антонину Петровну и старшеклассников. Тимаев с Саней изо всех сил старались оттянуть этот день: им казалось, что на открытии от них потребуют каких-то объяснений, как от учителей. Из-за этого чуть не распался весь кружок.

Пчелы то улетали, то прилетали. Снаружи видно было только, как они садятся на леток или выходят из улья. Вся их работа проходила внутри, но как раз внутрь заглядывать часто не полагалось: пчелы не любят, чтобы их беспокоили зря. Ребятам стало скучно. Многие стали ходить через день, потом через два, три дня, а потом и вовсе бросили.

На открытие пришло только семь человек да четверо случайных. Зато, когда кружок собрался идти на экскурсию знакомиться с растениями — медоносами,— желающих нашлось много. После экскурсии Антонина Петровна показывала в микроскоп части разных цветов. Всем очень понравилось. Пылинка тыквы была в микроскопе похожа на арбуз, весь утыканный шипами, как шишка богатырского кистеня. Стали говорить об опылении, Тимаев с Саней разошлись и очень хорошо все объяснили. Антонина Петровна даже руками развела:

— Вот тебе раз! Да вы отлично знаете. Что же вы на испытании молчали?

Вскоре после этого Тимаев привел в сад дедушку с пчельника. Он при всех ребятах снял крышку, поглядел в магазин:

— Ух ты, батюшки! Ну, ребята, счастье вам: семья, видно, попалась вам богатая. Вперед хвастать нечего, ну, однако, будете вы с медом. Взяток нынче сильный, одного магазина не хватит. Дня через два

приходите, я вам подберу новый. У меня много суши.

Ребята не поняли, и он рассказал: когда начинается главный взяток, пчелы приносят в день четыре—пять килограммов меду; специальная кладовая для меда — магазин — заполняется в два—три дня; раз больше некуда складывать, пчелы-сборщицы садятся и ничего не делают; значит, им надо приготовить новый магазин; если поставить вощину, тогда пчелы-строительницы будут отстраивать сотов на одну—полторы рамки в день, а сборщицы будут приносить меду на четыре—пять рамок — опять выйдет ерунда; стало быть, надо ставить рамки с готовыми сотами, тогда только можно ожидать большого выхода меда.

— Дедушка, а сколько они могут запасти за все лето?

— Я же говорю, раньше времени хвастать нечего. Всяко бывает. Были случаи — по двадцать пудов собирали, а бывает...

— О-е-ей, двадцать пудов! Это сколько? Триста двадцать килограммов. Вот интересно: сейчас там уже есть мед?

— Дедушка, ты сказал, сборщицы и строительницы. А еще у них кто есть?

— А матка у них как вождь или только что мать? Она что делает?

Дедушка задержался на два часа. Ребята слушали его и только просили: еще, еще расскажи. Тимаев сиял, как будто это он сам так интересно рассказывал. Еще больше он просиял, когда в кружок записалось сразу девять новых членов. Потом как-то вечером пришел молодой пчеловод с дымарем. В дымарь заложили коровяку и зажгли. Саня пускал дым, пчеловод вынимал тяжелые, пахнущие липой рамки и стряхивал с них пчел, а Тимаев ставил их в запасной магазин. Это был праздник не только для одного кружка: в сад набилось человек семьдесят: директор, учителя, посторонние; они стояли за оградой и издали следили за каждым шагом. Рамки отправили на пчельник, в медогонку, из них вышло десять килограммов чистого меда. А через три дня пришлось снимать новый магазин.

Но тут опять зачудил Саня. Сперва он только хмурился и молчал, потом стал злиться, ко всем приставать, лезть в драку. Этого с ним давно не было — с того дня, как привезли улей. Тимаев пробовал расспрашивать его, он молчит. Молчал, молчал, потом вдруг сам спросил:

— А ты про Москву забыл уже?

— Да нет, ведь мы же... Я думал...

— Чего думал? Не беспокойся, осенью все равно выгонят. Да и эти тоже, думаешь, они всегда с тобой так няньчиться будут? Держи карман! Вот научатся немного и выберут другого. Люди всегда так: пока нужен, они перед тобой на задних лапках, а как ненужен стал — скорей спину показывают.

— Это ты про кого, про Мишу думаешь?

— Не про Мишу! Все они такие.

Тимаев напомнил ему, как ребята обрадовались пчелам, как они выхлопотали у директора деньги, как работали на площадке, как все время помогают и делают все наравне с ними. Но Саня ничего не хотел признавать.

15

Утром Тимаева задержали дома, и он пришел в сад часов в восемь. Недалеко от ограды стояло человек десять ребят. Они все кого-то ругали:

— Он всегда такой был. Вечно злится, смотрит волком на всех.

— Так, с виду-то он тихоня, а чуть загляделся, обязательно пакость какую-нибудь устроит.

— Давно бы выгнать такого! Сколько он в классе вредил!

— Главное, хитрый: пораньше пришел, думал, никого не будет.

Тимаев догадался, о ком идет речь. Он подошел и спросил, что случилось.

— Что?.. Улей наш сожгли было! Дружок твой, Санечка.

— Да что вы брешете! Как это он мог сжечь? Что он, с ума спятил?

Тимаев покраснел и нагнул голову, как бычок, готовый ринуться в бой. Он забыл вчерашний спор и думал только об одном: Саня попал в беду, надо как-нибудь выручать его. Но выручать было трудно. Ребята рассказали, как было дело: рано утром один кружковец с двумя товарищами пошел на рыбалку. За углом, у садовой решотки, они увидели Саню. Он как-то слишком уж быстро юркнул в дыру. Они прошли как будто дальше, а сами спрятались. Смотрят: он еще раз выглянул. Значит, дело нечисто. Они перелезли через забор и выследили его. Как только он подложил все под улей, они выскочили: «Ты чего делаешь!» Хотели схватить за руки, он как даст одному — и бежать.

— Может, он хотел пчел выкурить?

— Какой там выкурить! Посмотри, что под ульем: одни дрова. Разве так выкуривают?

Тимаев совсем потерялся. Вряд ли когда-нибудь лицо его было так похоже на мертвую, каменную маску: глаза вытаращены и не мигают, рот полуоткрыт, смешной чуб колышком торчит кверху. Постоял так немного, потом тихо спросил:

— Чего же вы собираетесь делать теперь?

— Пошли за Мишей. Как он придет, так, наверно, к директору пойдем. Нельзя же так оставлять этого: он тогда всю школу сожжет.

На аллее показался Миша. Он спешил. Лицо у него было очень серьезное. Тогда каменная маска зашевелилась, Тимаев со слезами в голосе начал просить:

— Ребята, подождите ходить к директору. Я знаю, это он не против вас сделал. Только мне нельзя сказать. Вот подождите немного, я приведу его, пусть он сам скажет.

Миша подумал и согласился. Остальные тоже сказали, что подождут. Тимаев засуетился, три раза спасибо всем сказал.

— Только вы обязательно подождите! Я еще не знаю, где разыскать его.

Он бегом умчался из сада и пропал. Подождали час, другой, третий — его все нет. Двое собрались уходить на речку, Миша не пустил их. Он ручался, что Тимаев с Саней придут непременно.

Миша четыре раза выбегал на улицу, смотрел. В пятый раз выбежал и у самой дыры столкнулся с Тимаевым. Теперь ни в лице, ни в фигуре у него не осталось ничего каменного. Он весь был, как плохо надутый резиновый мешок; дотронься пальцем — он мягко повалится. Сани с ним не было.

— Ну что? — спросил Миша.

— Не придет он.

— Как же теперь?

— Не знаю. Как хотите.

Миша медленно полез обратно в сад. Когда он был уже на той стороне, Тимаев тихо позвал его.

— Ты никому не скажешь! Смотри! Тогда мне Саня... — Он тоже перелез в сад и шопотом, воровато оглянувшись, сказал: — У них мать уезжает, совсем. Не хочет больше с ними.

Миша молчал: то ли ждал, что он еще скажет, то ли обдумывал, как теперь быть.

— Это он знаешь, зачем улей поджигал? Хотел, чтобы мы вместе убежали в Москву. Он и раньше, давно уже... Думаешь, это легко, когда мать уходит...

— Надо с ребятами поговорить.

— Что ты, что ты! — Тимаев даже руками замахал.— Разве можно? Тут самое главное, чтобы никто не узнал.

— Да ведь все равно узнают. Соседи же не слепые.

16

Миша отправился к ребятам, а Тимаев сел на зеленой скамейке. Ему никуда не хотелось идти, ни с кем не хотелось разговаривать. Теперь он жалел, что сказал Мише. Сейчас там подымется крик, споры. Одни будут ругать Саню, другие защищать. А потом решат: «Кулагин поступил не как пионер... Должен был придти и сказать: «Товарищи, со мной случилось несчастье...»

Но крика не было. Минут через пять ребята тихо разошлись из сада. И хорошо. По крайней мере, хоть одному посидеть можно. Наверно, Миша ничего не сказал им. Нет, он все-таки ничего, хороший парень. Тимаев всегда говорил Сане: «Если бы все такие были...»

Но скоро они опять стали сходиться. Пришли все кружковцы. Пришел Миша с бумагой. Зина Медкова с тремя девочками. Ага, значит, весь класс собирают. Вот когда они зашумят! И кто только его за язык тянул! Правда, что дурачок. Тоже еще, берется за других хлопотать. Раз не можешь ничего сделать, так сиди и помалкивай.

Прибежали звать его на собрание. Он даже головы не повернул:

— Отстаньте вы от меня! Ну чего пристали? Не хочу я никуда идти!

И снова все затихло. Примерно через час вышли Зина, Миша и еще один мальчик. Миша протянул Тимаеву два листа бумаги:

— Ты не бойся. Ребята честное слово дали, что никому не будут болтать.

На первом листе было написано: «Ольга Максимовна и Михаил Андреевич! Мы все товарищи вашего Сани, в одном классе учимся. Мы случайно узнали, как вы ссоритесь. Может, это не наше дело, вмешиваться, но так все-таки нехорошо по-

ступать. Если бы еще Саня был маленький, не понимал ничего, тогда пожалуйста, а то ведь ему же стыдно. Вас бы поставить на его место, так небось, вам тоже не понравилось бы. Мы всем классом просим вас, Ольга Максимовна, если вам нетрудно, то, пожалуйста, не уезжайте. Дома же в сто раз лучше, вот увидите. А вас, Михаил Андреевич, мы просим: если вы любите Саню, то не пейте водку. Чем ссориться и разъезжаться, лучше во всем уступайте Ольге Максимовне. Если вы помиритесь, то мы обещаем вам во всем помогать. Что только ни попросите, сейчас все бросим и сделаем с удовольствием. Пожалуйста, помиритесь!»

Дальше шли подписи. Тимаев читал и на глазах оживал, как в кинокартине цветы утром. Кончив первый листок, он вскочил на ноги.

— А что, правда! Вот пойдем сейчас и прочитаем им. Все пойдем, весь класс?

— Нет, лучше трое вот.

— Ага. Только я вперед побегу. Посмотрю, как там у них. Если ругаются, тогда подождем.

Во втором письме ребята горячо просили Саню никуда не уезжать, обещали свою дружбу и поддержку на веки вечные, предлагали только выбрать, у кого он хочет жить, а там уже он увидит. Было еще насчет того, чтобы плевать на всякие неприятности, и про улей, что о нем уже все забыли давно. Но Тимаев не дочитал до конца.

— Этого не надо,— сказал он.— Если все обойдется, мы лучше так ему покажем, делом. А то он обидится. Все равно его сейчас нет дома.

Весь класс остался в саду ждать, а делегаты отправились к Кулагиным. Тимаев побежал вперед с чудовищной быстротой: они только еще вышли на улицу, а его уж и след простыл. Когда они пришли в узенький проулок, он с сияющим лицом выбежал из ворот и руками, глазами, чубом — всем, чем только мог, начал делать им знаки уйти, скрыться. Они повернули назад, и немного погодя он догнал их.

— Готово! Уже помирились, сами. И Санька там. Вот сумасшедшие! Я пришел, они...

Я не был в этом селе три года. Недавно мне оттуда прислали письмо. Пишут, что Тимаев с Саней перешли в десятый класс. Учатся они хорошо. Саня обогнал даже Зину Медкову. Школьная пасека разрослась до семи ульев. Кружок пчеловодов самый многочисленный. Ребята в нем работают как настоящие хозяева. И сами они и учителя говорят, что это не только не мешает урокам, но даже, наоборот, сильно помогает.

На пороге новой жизни

Я. Хелемский

Зарисовки Б. Васильева

Безработные

В городе Белостоке, на тихой Варшавской улице, где стены домов увиты плющем, а тротуары усыпаны золотой листвой каштана, я увидел толпу людей.

Они стояли у дома № 19. Там помещается отдел труда временного управления.

Людей разных профессий: ткачей, конторщиков, инженеров, врачей, железнодорожников—объединила одна судьба. Руки их, привыкшие управлять машинами, производить опыты, делать сложнейшие операции,—умелые руки—бездействовали много лет.

Я увидел безработных.

Безработный!

Можно объездить вдоль и поперек нашу необъятную страну, и все равно не найдешь человека, который не имеет возможности трудиться. У нас нет и никогда не будет таких людей.

Не будет их и в Белостоке. Ведь этот город волей народа стал советским.

У регистрационного стола я познакомился с Наумом Франкфуртом, архитектором из Варшавы. Он окончил политехнический институт и получил диплом, украшенный орлом. У нас диплом открывает перед молодым человеком широкую дорогу в жизнь. Диплом, который выдали Франкфурту, оказался пустой бумажкой. Это была путевка в нищету.

Франкфурт стал безработным. Он существовал тем, что готовил дипломные работы для панских сынков. Эти бездарные, самодовольные юнцы ничего не смыслили в архитектуре. Они платили Франкфурту деньги, выдавали его проекты за свои и устраивались на государственную службу. Таким образом, Франкфурт сделал дипломные работы десяти человекам. Один из этих фальшивых дипломантов занял высокий государственный пост. Когда Франкфурт пришел к нему с просьбой помочь найти работу, этот негодяй притворился, что видит его впервые.

Наконец Франкфурту повезло. Он устроился в частной проектной конторе. За проект, сделанный Франкфуртом, хозяин получал 50 тысяч злотых. Франкфурту же хозяин платил за проект 250 злотых. Это был открытый грабеж.

Потом опять наступила безработица.

И вот архитектор приехал в Белосток, пришел в отдел труда. Он стоял у регистрационного стола в старом дождевике, с рюкзаком за плечами...

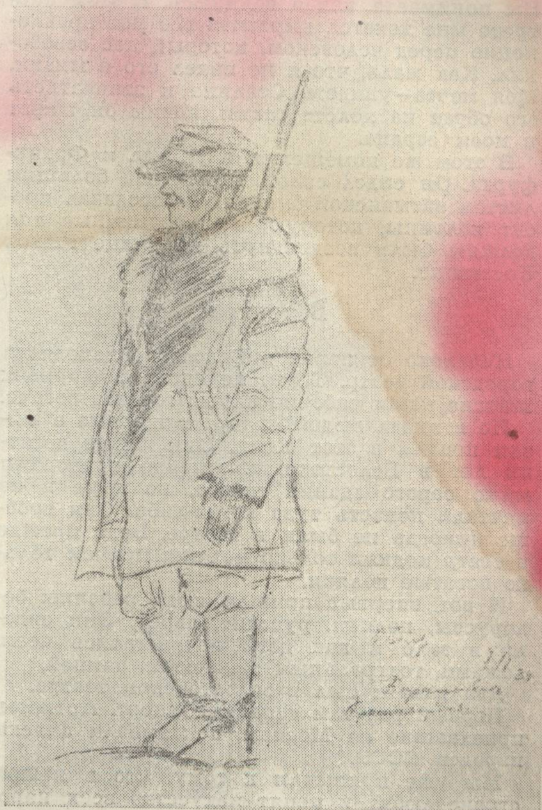
Инженер Матвей Василевский—поляк. Подойдя к регистрационному столу, он сказал:

— Я инженер, но запишите меня лучше как чернорабочего.

— Почему?—удивился регистратор.

Василевский покраснел.

— Простите...—пробормотал он,—я, наверное, сказал глупость... но до сих пор у чернорабочего было больше шансов получить работу, чем у инженера.



Боец рабочей гвардии.

За ним подошел к столу врач Рубинштейн. Он положил на стол свой диплом и научные труды.

— Имею я право работать?—спросил он.

— Конечно,—ответили ему,—разве это мыслимо, чтобы врач не имел права работать.

— Так было,—ответил Рубинштейн и показал свой паспорт.

На паспорте стоял штемпель белостокского магистрата, который означал, что Рубинштейн не имел права работать в Польше, так как он окончил университет заграницей.

— Все это, главным образом, потому, что я еврей,—объяснил Рубинштейн.

На другой день я проходил мимо гостиницы «Риц». В нижнем этаже гостиницы, в просторном помещении работали художники. Это тоже были вчерашние безработные. Они рисовали портреты Сталина, Молотова, Ворошилова. Они не спали уже вторую ночь, но не чувствовали утомления. Глаза их светились необычайной теплотой.

— Похож?—взволнованно спросил пожилой человек, рисовавший портрет Сталина.

Он отошел на несколько шагов и прищурил глаз.

— Вы знаете,—продолжал он,—я уже много лет занимаюсь чем угодно, только не живописью. Я был сторожем, официантом, курьером. Наконец, мне снова дали в руки кисть. И первая моя работа—этот портрет. Вы понимаете, как я волнуюсь. В этом портрете мне хочется выразить все мое преклонение перед человеком, который нас освободил. Как жаль, что я не видел его в жизни. Моя мечта—увидеть Сталина и запечатлеть его образ на холсте таким, каким он живет в моем сердце.

В этом же помещении я увидел и Франкфурта. Он сидел склонившись над большим листом ватманской бумаги. Он создавал проект колонны, которую в праздничные дни должны были воздвигнуть на улице Рынок Костюшко.

В театре

Недалеко от парка в Белостоке находится городской театр. Театр не очень шикарный. Многие наши рабочие клубы гораздо богаче.

Но я видел людей, которые впервые в жизни попали в этот театр. Они живут десятки лет в Белостоке, ежедневно проходили мимо серого здания театра, но даже и не мечтали попасть туда когда-либо. Они вообще никогда не были в театре. Ведь прежде в театр ходили только поляки, причем только богатые поляки.

И вот впервые пришли сюда рабочие: белоруссы, поляки, русские, евреи. Они сидели в зале и как дети восхищались всем: ложами, театральным занавесом, рампой.

Два раза я был в белостокском театре.

Первый раз там давали концерт. Артисты, приехавшие из Москвы, показывали пляски народов СССР.

Мы уже привыкли к тому, что в нашей стране любят и ценят искусство всех народов. Мы привыкли видеть на сцене Большого театра в Москве артистов Грузии, Армении, Киргизии, Казахстана.

В Белостоке это всех ошеломило.

Первый танец, который увидели зрители, была «Лявониха». Белорусский танец на сцене белостокского театра, в городе, где даже белорусское слово было под строжайшим запретом!

И когда раскрылся занавес, когда парни и девушки, в расшитых сорочках, под веселые звуки оркестра выбежали на сцену, весь зал встал. Овация потрясла театр. Люди запели «Интернационал», заглушая звуки оркестра.

А потом они увидели танцы украинцев и татар, узбеков и чукчей. Люди смотрели на сцену и плакали, не стыдясь своих слез.

В другой раз рабочие Белостока встретились в театре с советскими артистами, которых знает у нас каждый школьник. Это были орденоносцы Бабочкин и Черкасов.

Бабочкин читал стихи Маяковского о советском паспорте. Его жадно слушали, и гордость советского гражданина, которая звучит в этих великолепных стихах, передавалась зрителям.

Но самое замечательное было, когда Бабочкин прочел строки о Польше, о польском паспорте:

«На польский—
    глядят,
        как в афишу коза,
На польский—
    выпяливают глаза
В тугой
    полицейской слоновости—
Откуда, мол,
    и что это за
Географические новости?»

В этом месте весь зал дружно засмеялся. Люди горячо зааплодировали. Эти строки запомнили. Потом в антракте двое молодых рабочих ходили в обнимку и повторяли: «Откуда, мол, и что это за географические новости?». Они смеялись и весело хлопали друг друга по плечу.

Так прозвучал Маяковский в Белостоке.

Народный герой

Во временное управление пришел молодой человек. Он был худощав, у него было открытое лицо и светлые умные глаза.

Среди посетителей управления послышались радостные голоса:

— Сергей вернулся!

— Сергей!

Люди кинулись обнимать парня, они целовали его, пожимали ему руки.

Сергей Притыцкий пришел во временное управление прямо из тюрьмы. Он просидел несколько лет в одиночке, имя его знакомо всем рабочим Польши: это народный герой.

Рабочий-пильщик, пламенный революционер, он совершил замечательный подвиг.

Среди революционеров-подпольщиков один человек, по фамилии Стрельчук, оказался провокатором. Он стал выдавать полиции десятки товарищей.

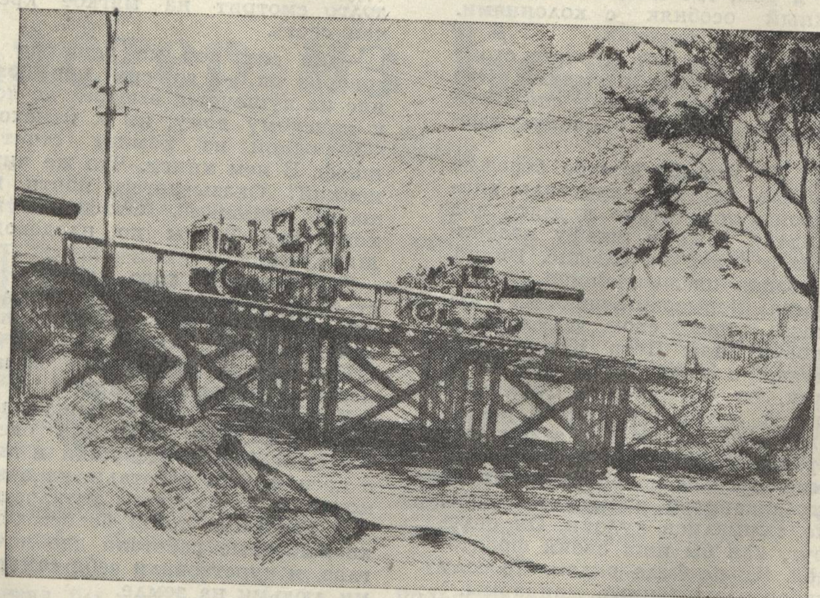
В Вильно на «процессе семнадцати» Стрельчук выступал свидетелем обвинения. Он тыкал своими короткими пальцами в подсудимых, рассказывая о своих встречах с ними, об их работе.

В зале, среди зрителей, сидел Притыцкий. Он сжимал в руках два револьвера. Стрельчук мог провалить всю организацию до одного человека. Этого нельзя допустить. Сергей посмотрел на товарищей, которые сидели за барьером на скамье подсудимых, и решился на подвиг: здесь, в зале суда, он убил провокатора. Он выстрелил в него, не дав ему закончить подлый донос. За Сергеем погнались полицейские. Ему прострелили живот. Когда Сергея сажали в тюремную карету, он, раненый, истекая кровью, крикнул, обращаясь к толпе рабочих: «Долой провокаторов! Смерть панам!»

Притыцкий был при смерти. Но тюремные врачи приложили все усилия и вылечили его. Сергея подняли на ноги для того, чтобы повесить на том же самом плацу, где когда-то повесили Кастуся Калиновского—героя белорусского народа.

Тогда все рабочие поднялись на его защиту. Многотысячные демонстрации проходили во всех городах Польши. В Вильно комсо-

Нищая земля, изрезанная межами.



Советская артиллерия переходит реку.

мольцы срывали таблички с названиями улиц и называли эти улицы именем Притыцкого.

Паны испугались. Они заменили смертную казнь пожизненной каторгой.

И вот Красная Армия освободила Притыцкого из тюрьмы.

Люди обступили освобожденного героя. Они ощупывали его, не веря, что вот он здесь, среди них, целый, живой. А он стоял, скромный парень, в потертом пиджаке и растерянно улыбался.

Сергей Осипович Притыцкий был потом избран в Народное Собрание. Он выступал в Москве в Большом зале Кремлевского дворца перед депутатами 5-й сессии Верховного Совета СССР.

В имении пана Чарноцкого

Из города Барановичей мы выехали на малолитражке «фиат» в имение пана Чарноцкого. Автомобиль этот «варшавского производства», но строили его на заводе итальянской фирмы. Сами делать автомобили паны не умели.

Мы едем по шоссе. Дождь. Почерневшие избушки по сторонам. Голые березы.

Навстречу движется большой крестьянский обоз. На первой телеге красное знамя. Крестьяне села Забеличей везут в город муку, картофель, овощи.

Едем дальше. Широкая аллея, по сторонам которой высятся столетние дубы, ведет в имение. Вот и дом, где жил пан Чарноцкий,—двухэтажный особняк с колоннами. Перед домом огромный цветник.

Заходим в дом. В большой комнате стоят белые кровати с пуховыми перинами. Это панские кровати, а теперь на них спят бойцы рабочей гвардии, которые охраняют имение.

Пан убежал. Но все имущество бережно охраняется. Мебель, картины, хрусталь, книги—все это учтено, подсчитано и взято под замок. Мы увидели даже в шкафу недопитый стакан чаю и сахар на блюдце. Видно, пан удрал, не закончив чаепития.

В комнату зашел невысокий человек в тулупе. Он показал нам свою «служебную книжку красноармейца»: Петр Корнилович Куликов, бедняк, в 1920 году служил в Красной Армии, он сражался в Сибири и под Перекопом. А потом его демобилизовали, Он вернулся в родное село и затем оказался на территории панской Польши. Это был другой мир—тесный и несправедливый. Вчерашний красноармеец задыхался здесь, у него гневно сжимались кулаки. Он оглядывался вокруг, как бы ища своих фронтовых товарищей. Их не было рядом. По селу бродили до зубов вооруженные жандармы.

И хотя Куликов свободно ходил по улицам, смотрел на солнце, на траву, дышал воздухом, ему казалось, что он в тюрьме.

Друзья посоветовали ему уничтожить красноармейскую книжку: если бы ее нашли, Куликов попал бы в настоящую польскую тюрьму. Но он не мог уничтожить эту книжку. Он бережно завернул ее в бумагу, положил в железную коробочку и закопал.

20 лет она лежала в земле. И вот теперь он извлек ее на свет. Мы держим ее в руках, служебную книжку красноармейца. Листки серой оберточной бумаги чуть пожелтели. Книжка свидетельствует о том, что Петр Корнилович Куликов был бойцом 17-й саперной роты 187-го полка.

Теперь Петр Корнилович—член рабочей гвардии. Он охраняет имение. Мы идем с ним осматривать дом. Высокие комнаты, танцовальные залы, зимний сад.

Хорошо жил пан Чарноцкий.

Потом мы идем в барак, где жили батраки. Мы входим в узенькую дверь и сразу проваливаемся в черную яму. Земляной пол. По бокам фанерные перегородки. Это «покои» батраков. Заходим в одну из клетушек. Темно, сыро, железная печурка, угар. На куче тряпья плачет грудной ребенок.

Мы выходим на улицу. Достаточно только осмотреть панские хоромы и потом хибарки батраков, чтобы понять, чем была панская Польша для трудящихся.

Мы встречаем обитателя батрацкого жилья — Семена Зеленко. Он теперь член крестьянского комитета. Получил четыре с половиной гектара земли и корову. Его дети впервые узнали вкус молока. Его дочь начала бесплатно обучаться в школе.

Заходим снова в помещичий дом. Зеленко долго смотрит на мягкое кресло, прежде чем сесть.

— До сих пор не решаюсь садиться, — говорит он, — до сих пор боязно, — ведь нас на пушечный выстрел не подпускали ни к панскому дому, ни к панскому саду.

В одной из комнат стоит раскрытый шкаф. В нем книги. Что же читал пан Чарноцкий? Оказывается, почти все книги в шкафу советские. Это книги по сельскому хозяйству. Труды по плодоводству. Труды Мичурина.

Пан знал, у кого учиться. И хотя крестьянам он рассказывал небылицы о Советском Союзе ,— сам украдкой учился у советских людей.

Ну что ж, библиотека пана пригодится новым хозяевам имения!

Когда мы уезжали, наша машина прошла мимо тока. Там молотили овес для коней Красной Армии. Девушки и парни работали с песней. Они работали, не считаясь со временем и не чувствуя усталости.

Я вспомнил тогда белостокских художников, которые работали две ночи, не смыкая глаз, и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на земле.

Освобожденные люди: и художники, и ткачи, и крестьяне—впервые поняли, что труд не на помещика, не на хозяина, а для себя, для народа — это самая большая радость, какая только доступна человеку.

Общественные здания XIV века на площади Болоньи — родного города Аристотеля Фиораванти

Мастер из Болоньи

Д. Михайлов

1. Путешествие Талбузина

В весенний день 1474 года выехал из Москвы посол великого князя Ивана III дьяк Семен Талбузин. Ему предстоял долгий путь — через Литву, Польшу и немецкие земли в столицу Венецейской республики — город Венецию.

Накануне Талбузина долго напутствовали в посольской избе. Чтобы не уронил своей веры и княжеского имени в чужих странах. Не разевал бы рта, не дивился как дитё, какие бы чудеса ему ни пришлось увидеть. Пусть помнит: не московский великий князь нуждается в дуке[1] венецейском, а венецейский дука — в московской помощи.

И если будет ему, Семену, удача, если договорится с венецианцами, пусть выпросит у них подарок: пусть дука отпустит в Москву живущего у него строителя, мастера архитектуры и инженерных искусств, Аристотеля Фиораванти из города Болоньи.

Талбузин, трясясь в своем возке и вспоминая княжеские наставления, по церковным книгам и рассказам греческих монахов пытался представить себе чудеса, которые его ожидали в пути.

Но чудеса не показывались. Литовские, польские и немецкие деревни были привычно бедны, избы черны, мужики худы. Лишь города отличались от московских крепостью своих стен, высотой каменных церквей.

На пороге страны, где жил Аристотель Фиораванти, встали горы. А за горами лежала Италия — удивительная страна. Теперь Талбузину часто приходилось закры-

[1] Так в Москве называли главу венецианского правительства — дожа.

4*

Венеция во времена Аристотеля Фиораванти. С картины художника XV века.

вать глаза, чтобы ребячьим своим удивлением не посрамить своего князя.

Городов здесь было столько, что за день пути проезжали два и три раза через городские ворота. В каждом городе была крепость. В каждом были каменные стены, и церкви, и княжеский дворец — все из камня же. И не только князья, но и дворяне и даже богатые купцы строили себе каменные палаты. Полсотни и целую сотню лет стояли те палаты и церкви и ни разу не погорали.

На городских площадях были пруды, выложенные мрамором. Вода стекала в них из чугунных львиных морд. А в тех прудах бабы стирали исподнее белье.

Талбузин справлялся:

— Не Аристотель ли, болонец, строил эти диковины?

— Нет,— говорили,— не он.

И слава Аристотеля росла в глазах Талбузина. Коли такие пруды, такие палаты строили малые, неизвестные московскому князю мастера, на что же способен великий Аристотель?! Где предел его искусства?

Предел строительного искусства Талбузин увидел в самом том городе, где жил Аристотель,—в Венеции.

Здесь кончалась земля. Здесь коню негде было ступить копытом. И прямо из воды возвышались палаты и храмы невиданной красоты. Такие палаты, решил Талбузин, уже, конечно, никто, кроме Аристотеля, выстроить не может.

2. Встреча

Скоро в зале великолепного дома Аристотеля Талбузин увидел и самого строителя.

Талбузин долго говорил напыщенную речь, считывая по списку длинный титул московского князя.

— Великий князь, — говорил Талбузин, — жалует мастера Аристотеля милостью: зовет к себе на Москву. А служба ему, Аристотелю, такая на Москве: выстроить в Кремле церковь каменну, светлу и просторну наподобие Успенского собора в городе Владимире и по другому всякому городовому, палатному и пушечному делу служить неустанно.

Аристотель сидел неподвижно, равнодушно привставая при произнесении титула великого князя и имени светлейшей республики Венецейской, и, подняв седую голову, в упор рассматривал московского посла. Он должен был сейчас принять самое важное решение во всей своей жизни.

Ему минуло уже шестьдесят лет. Пора уже думать о том, чтобы спокойно прожить последние годы. Что ему еще нужно от жизни? Он видел на своем веку столько, сколько раньше не видели люди за сотни лет. Он совершил такие дела, о которых раньше люди и мечтать не могли. Он видел, как расцветали города его страны, освободясь от власти попов и баронов, как на древних их улицах вырастали новые каменные дома, светлые, просторные и гостеприимные.

И сам он был не последним человеком своего замечательного времени. В молодости он в своем родном городе—Болонье—лил колокола и пушки, строил городские общественные здания. В Риме раскопал остатки древнего храма. В Милане строил каналы и шлюзы, водопровод и фонтаны, городские стены и крепость. В Венгрии создал целую систему крепостей против турок. В Неаполе при помощи изобретенного им прибора достал со дна моря утонувший ящик с драгоценностями. В Болонье был собор с высокой колокольней. Она стояла на неудобном месте. Аристотель взялся ее передвинуть. Подкопал фундамент башни, подвел под него тележки и с помощью лебедок перетащил колокольню целиком со всеми ее колоколами на расстояние в двадцать метров.

В соседнем с Болоньей городе колокольня покосилась, так что вершина ее отклонилась почти на два метра в сторону. Не вынимая ни одного кирпича, он выпрямил башню. Таких дел не совершал никто из людей, живших до него. За свою жизнь он был литейщиком, пушечным мастером, инженером-строителем, археологом, гидротехником, водолазом, скульптором, архитектором.

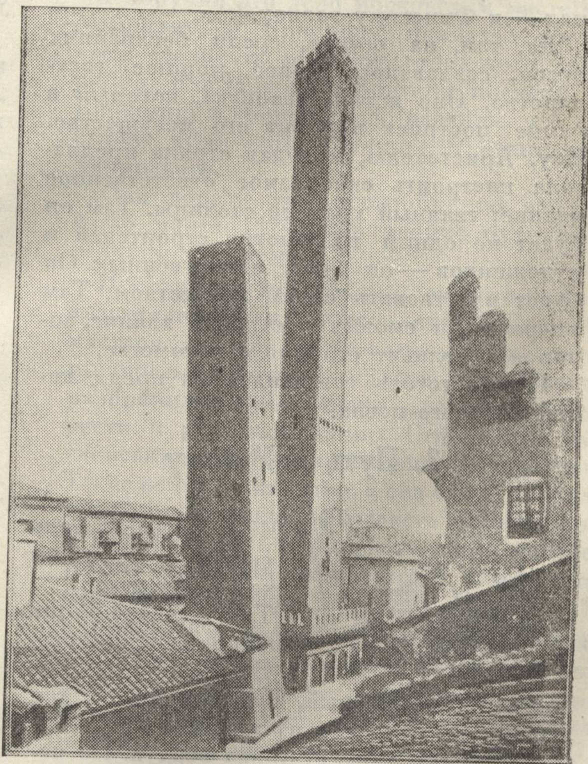
Что ему еще нужно? Зачем он так внимательно слушает этого посла?

Талбузин говорил:

— А за службу его, мастера Аристотеля, великий князь жалует деньгами — по десяти рублей в месяц да дворцом в Москве со всем домашним обиходом. А в том его доме клетей теплых три, да сени, да сараев два...

Аристотель рассеянно слушал. Нет, ему рано идти на покой. Самого главного дела своей жизни он не сделал. Имя его умрет вместе с ним. Он, архитектор, не создал ни одного великого произведения своего искусства. И не сможет никогда создать его, живя в Италии. Здесь есть другие, более молодые мастера, уже прославленные великими постройками. Если бы кто-нибудь из итальянских князей или городских республик и поручил ему строительство какого-нибудь государственного здания, ни у кого из них не хватило бы ни средств, ни смелости на такие постройки, о которых мечтал Аристотель.

И Аристотель не прерывал Талбузина. Он внимательно всматривался в борода-



Старинные, наклонившиеся от времени башни в Болонье.

тое лицо русского посла. Перед ним стоял представитель страны более таинственной чем Китай и далекая Индия. О Московии и обитателях ее знали в Европе так же мало, как о далеких странах Азии. Но не это было удивительно. Почти каждый год тогда открывали новые страны. Удивительно было то, как неожиданно и властно эта полуазиатская страна заявила о себе всей Европе. Ее вдруг заметили в Риме и в Венеции, в Швеции и в Германии. И сразу оказалось, что эта новая страна всем нужна, что без нее европейские государства никак не могут сладить своих дел. Венецианцы рассчитывали на нее для борьбы с турками, германский император надеялся на помощь Москвы в борьбе с Польшей и Литвой. Римский папа старался добиться признания в этой огромной стране, чтобы укрепить свою шатающуюся власть.

Все они старались задарить и задобрить московского князя.

Но москвичи вели свою собственную, самостоятельную политику: добивались объединения вокруг Москвы всех русских земель, упорно пробивали себе путь на запад — к Финскому заливу.

Да, там, на севере, среди бескрайних лесов, создавалось новое, мощное государство. Оно ждало человека, который в камне построек выразит его могущество. Ему, Аристотелю, молодая страна предлагала построить свое самое ответственное здание: главный храм ее столицы. Там он будет не одним из многих строителей и художников — он будет единственным. Он будет властвовать своим искусством. Там впервые он сможет построить здание, которое прославит его имя в потомстве.

И Аристотель согласился на предложение русского посла.

3. Путь в Москву

Зимой Аристотель с сыном и учеником уехал в Москву.

Три месяца они пробирались на север.

На границах Литвы встал нехоженый, путаный лес. С тех пор он не отпускал путников.

Мороз все туже стягивал воздух. По ночам выли волки. Зарево пожаров кровавым платком расстилалось по снегу. Аристотель зорко вглядывался в лес, жадно глотал морозный воздух, по ночам дежурил у костра. Среди этих лесов ему предстояло доживать старческие годы, в такие холода месить известь для стройки, в такие мертвые ночи не поддаваться тоске по родине.

Выдержит ли он это последнее, самое суровое испытание своей жизни? Он, сумевший подсмотреть у природы законы равновесия, сумевший победить вросшую в землю тяжесть высокой колокольни, в глубине моря открыть потонувший клад и в земле — остатки умерших зданий, сумеет ли он понять судьбу таинственного города, окруженного тысячеверстной крепостью лесов, сумеет ли он выразить ее в камнях своей постройки?

4. Москва

В солнечное утро 26 марта 1475 года он увидел ее внезапно всю с высоты Воробьевых гор.

Перед ним, очерченное лесом, лежало огромное пространство, застроенное деревянными зданиями.

То был не город: тут не было городских стен и ворот. То была и не деревня: она была слишком велика, больше Флоренции и Милана и любого итальянского города, кроме Рима. Это был не город и не деревня, а огромный лес среди леса; лес, где деревья не стояли, а лежали, сложенные друг на друга. Светлые, некрашеные, неодетые бревна, положенные друг на друга, складывались в дома. Дома были высоки, разнообразны и разбросаны без всякого порядка, как деревья в московских лесах.

В этом лесном становище не было ни улиц, ни площадей. Вместо улиц были случайные пустоты между домами. Вместо площадей — рощи, поля, пастбища, окружавшие отдельные деревни, из которых сложилась Москва.

Резкий, пьянящий запах смолы, разогретой первым весенним солнцем, подымался над Москвой.

Дороги со всех сторон, как просеки, лучами сходились к центру города, где на холме, между двумя реками, возвышалась крепость Москвы.

Москвичи называли ее «Кремником», «Кремлем» и просто «городом». Она росла и крепла вместе со всем русским государством.

Великий князь Иван Калита, первый собиратель русских земель вокруг Москвы, на месте древнего укрепления построил неприступную крепость из колоссальных дубовых бревен. Его сын Дмитрий Иванович Донской на месте дубовой крепости заложил каменный Кремль, славившийся своей красотой и прочностью.

Но ко времени приезда Аристотеля кремлевские укрепления пришли в упадок.

Перед стенами Кремля простирался большой пустырь. На стаявшем снегу чернели остатки сгоревших зданий. Москвичи так и называли это место «Пожаром».[1] Кое-где торчали сараи, амбары, деревянные церквушки, полусгнившие могильные кресты. Часть пустыря была занята грубо сколоченными ларьками. Перед ними толпился народ. Через ров, отделявший стены Кремля от площади, был перекинут мост. Из глубины рва шел нестерпимый запах от сваленных здесь нечистот.

Стены крепости были ветхи, сплошь заплатаны лесом и подперты бревнами. В некоторых местах через развороченные бревна выступали искрошенные глыбы первоначальной каменной кладки. Всюду виднелись следы пожаров.

Все пространство внутри стен Кремля было тесно застроено домами, амбарами, сараями, часовнями. В некоторых местах крыши домов соприкасались друг с другом.

А в самой середине крепости, на площади, заваленной мусором, торчали развалины какого-то большого каменного здания.

Аристотель искал глазами великокняжеский дворец. Ему указали на группу изб, самая большая и нарядная из которых выходила каменным крыльцом на площадь. Но и она мало отличалась от домов других москвичей. Все постройки этого «дворца» были ветхи и запущены. С крылец, столбиков и вышек слезла позолота.

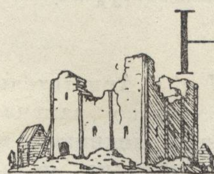
Удивительно было видеть эту большую крепость, этот ветхий дворец в городе, прославленном своими военными победами и неограниченной властью повелителя. На родине Аристотеля самый маленький город строил себе каменную крепость, самый ничтожный князь и даже крупный помещик прятались в каменном неприступном замке.

[1] Площадь «Пожар» была в XVII веке переименована в «Красную площадь».

Спутники Аристотеля вели его извилистыми переходами между домами, церквами и складами. Наконец, открылись ворота бревенчатого, высокого дома — будущего жилища строителя.

Иностранцев провели в пустую комнату с низким потолком и оставили одних.

5. Рухнувший собор



На следующий же день после приема у великого князя Аристотель отправился к месту своей новой постройки. Его привели к рухнувшим стенам большого каменного здания, которое он уже видел, подходя к Кремлю.

Здесь его ждали смущенные московские мастера. Отдельно стояли, весело ухмыляясь, псковские строители.

Аристотелю рассказали историю постройки.

Иван III решил заново выстроить ветхий собор, созданный Дмитрием Донским. Он поручил это дело московским мастерам Мышкину и Кривцову, приказав им во всем следовать примеру городского собора во Владимире. Строители поехали во Владимир и, вернувшись, заявили, что выстроят храм еще обширнее и выше владимирского.

Они довели уже постройку до сводов. А 25 марта 1474 года здание рухнуло с великим грохотом.

Послали за псковскими, самыми знаменитыми на Руси, строителями. Псковские мастера осмотрели развалины, похвалили гладкость каменной кладки, но известь разбранили: из-за плохо замешенной извести и рухнуло здание. Строить на московских развалинах псковичи отказались. Тогда великая княгиня, а она была племянницей последнего греческого императора и воспитывалась у римского папы, посоветовала призвать Аристотеля, с которым познакомилась еще в Риме.

Аристотель подробно осмотрел развалины и подтвердил приговор псковичей: все дело было в неумело приготовленной извести. Строить далее, по плану Мышкина и Кривцова, он наотрез отказался и немедленно велел рушить оставшиеся стены.

Затем Аристотель построил под Москвой кирпичный завод. Здесь он учил москвичей обжигать кирпичи.

Известь стали приготовлять по итальянскому способу, она оказалась замечательной: «Как засохнет,— говорит летописец,— ее на следующее утро и ножами не расколупить».

В начале июня вокруг рухнувшей постройки Мышкина и Кривцова стали копать рвы и вбивать в них сваи для фундамента нового здания.

6. В поисках архитектуры

Если бы Аристотель был только замечательным техником и честолюбивым человеком, он мог бы быстро и без особого труда довести до конца так блестяще начатое дело.

Он мог бы выстроить новый храм по образцу одной из древних русских церквей, как того хотел великий князь. Он мог бы поразить москвичей зданием наподобие итальянских церквей.

Это было очень соблазнительно.

Но Аристотель был большим художником. Поэтому он не сделал ни того, ни другого.

Он знал, что произведения архитектуры нельзя перемещать готовыми из одной страны в другую, что нельзя в точности повторять древние, даже самые прекрасные постройки.

Он знал, что всякое значительное произведение архитектуры вырастает из жизни, быта, обычаев, истории того места, где оно создается, того народа, который его строит.

Желание заказчика — великого князя — было ему ясно: иметь здание просторное и каменное.

XV век был во всей Европе временем перехода от деревянного к каменному строительству. Только что переоделись в камень города Италии. Во Франции вслед за городскими церквами, дворцами и общественными зданиями стали возникать и каменные дома простых граждан. В Германии начали строить первые каменные здания городских управлений.

Для людей того времени переход из деревянного здания в каменное означал не только замену непрочного, горючего строительного материала другим, более долговечным: каменная постройка для них была знаком прочной, спокойной жизни, рассчитанной на детей и внуков, произведением богатых городов, подчинивших себе деревянные деревни, созданием государства, собравшего вокруг себя разрозненные области и поместья.

Только каменным могло быть поэтому главное здание молодого московского государства и обширным, как дворцы, общественные здания и церкви итальянских городов.

Так и спланировал Аристотель новый московский собор.

Но как строить дальше? Как вырастить здание на заложенном фундаменте? Как вывести его стены и кровлю? Как выразить в его каменных формах спокойное величие Московского государства, защитившего Европу от нашествия татар, упорно и цепко притягивающего к себе разрозненные русские области?

Этого Аристотель не знал.

Страх и беспокойство, невидимые москвичам, скрывались за его стремительной, уверенной деятельностью.

Он бегал по улицам Москвы, осматривал ее дома, надеясь найти в их архитектуре указания для своей постройки.

И ничего не находил.

Он оказался в положении рисовальщика по фарфору, который попал бы в город, где население употребляет только посуду из прессованной бумаги и выбрасывает ее после еды. Таким «бросовым» товаром в Москве были дома. Они строились до очередного пожара, не больше чем на пять—десять лет. Потому что через каждые десять лет Москва выгорала целиком.

Сруб с дверью, окнами и крышей назывался клетью. Жилая клеть — избою. Изба могла состоять и из нескольких клетей, связанных одной крышей. Москвичи срубали ее в несколько дней. Те, кто не хотел или не мог сам себе построить дом, могли купить его готовым. В Москве был специальный рынок домов: «Скородом». Там продавались срубы и целые избы. Дома были дешовым рыночным товаром, сменяемым после каждого пожара. Основой каждого дома, и бедняка, и боярина, и великого князя, была клеть.

Чтобы построить большой дом, ставили рядом несколько клетей. Так создавались избы в две, три и четыре клети. Очень богатые и властные люди строили себе дома из целого ряда изб, соединенных переходами и галереями. Таким был дворец

великого князя. Он состоял из десятка разнообразных построек.

Забота москвича о своем доме сказывалась не в самой постройке, а в ее украшении, в ее внешнем наряде. Москвичи «обряжали» дом, надевали на него украшения, как на человека. Купив или наскоро срубив себе клеть, они вешали на голые бревенчатые стены горницы чистые полотенца, куски ткани, вышитые и вытканные с любовью и большим искусством. Такие же украшения они накладывали на дома снаружи, только не вышитые и не тканые, а вырезанные из дерева.

Аристотель с изумлением увидел даже в каменных церквах московского Кремля колонки, завязанные и перевитые, как куски ткани, каменные украшения на сводах, свисавшие как полотенца в избах.

Дом москвича был не городским домом: он был создан деревней и целиком приноровлен для деревенской жизни. Как же вырастить из такого города здание обширное, просторное, долговечное — общественное здание, заказанное Аристотелю?

7. Остатки городов

Летом, едва выведя свою постройку из-под земли, Аристотель уехал из Москвы.

Он посетил Суздаль, Ростов, Владимир — древние русские города, бывшие столицы русской земли.

Когда-то они были центрами торговли, связывающими новгородский и европейский Запад с восточными странами. Западноевропейские купцы здесь встречались с арабами и персами, приплывавшими вверх по Волге.

Теперь и Владимир, и Ростов, и Суздаль доживали свой век на службе у Москвы. Разоренные татарами, униженные московскими князьями, растерявшие нити своей обширной торговли, они боязливо жались в своих дряхлеющих стенах.

Но в общественных зданиях этих городов, полуразрушенных татарами и княжескими усобицами, Аристотель увидел подлинную городскую архитектуру. В них связывались западная стройность с узорностью, любимой на Востоке. Белокаменные простые и мощные стены были покрыты удивительной каменной резьбой — фантастическими узорами и животными, вырезанными из камня.

Глядя на эти постройки, Аристотель почувствовал себя так, будто впервые после своего отъезда из Италии глотнул городской воздух.

А когда он увидел владимирский собор, он сказал:

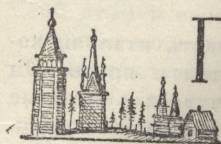
Успенский собор во Владимире.

— Это — дело каких-то наших мастеров.

Он ошибался. Итальянский мастер не мог себе представить, что такое прекрасное, стройное городское здание мог построить кто-либо иной, кроме его соотечественников.

Теперь он понял, почему великий князь приказал ему строить московский собор по образцу владимирского.

8. „Гиперборейский“ океан



Приехав в Москву из Владимира, Аристотель поручил постройку собора своему сыну и ученику и отправился в дальнее странствование. Он проехал и прошел около 3 тысяч километров, двигаясь на север, неделями не встречая человеческого жилья, ночуя в лесных сторожках и под деревьями. Он побывал в Соловках, прошел по

Мурманскому побережью. Обратно он ехал озерной дорогой по Онежскому и Ладожскому озерам, Неве, Волхову.

В архиве города Милана найдено его письмо миланскому герцогу Галеаццо, написанное после возвращения в Москву.

Это письмо — единственный свидетель удивительного путешествия Аристотеля. Но рассказано в нем очень мало. Причину этой сдержанности указывает в письме сам Аристотель: «О вещах, которые истинны, но кажутся ложью, лучше молчать, чтобы избегнуть безвинного позора».

При дворе миланского герцога о северных странах знали только по рассказам монастырских «космографий». От путешественника ждали описаний вечной, «гиперборейской», ночи. Ждали рассказов о величайших в мире горах, из которых вытекают русские реки Волга и Днепр, о лапландцах, живущих в пнях и небольших пещерах.

Старинный погост на Мезени.

Не мог же он разочаровать итальянского герцога. Но он не хотел и врать. Он старательно описал все «чудеса», которые ему пришлось увидеть: незаходящее солнце и зверей, прячущихся в воду, очевидно, белых медведей.

Но о настоящих чудесах, открытых на русском севере, он не написал, чтобы «избегнуть безвинного позора».

Не мог же он написать итальянцам, что в этой «гиперборейской» стране, где, по самым «научным» сведениям того времени, полулюди-полуобезьяны жили в пещерах и пнях, он, прославленный итальянский архитектор, увидел замечательную, единственную в мире архитектуру.

Материалом ее было дерево — необработанное бревно.

Но художники, неизвестные Аристотелю, сумели создать из дерева произведения искусства.

На высотах водоразделов, над озерами и лесами, на длинных мысах, врезавшихся в воду, высились видные издалека высокие башни. Необтесанные огромные бревна, из которых они сложены, прочны и суровы, но легко и стройно поднимается в прозрачный северный воздух сжатая, взлетающая постройка.

В постройках этих крошечных деревень, состоящих из 3—4 дворов, не было и следа деревенской приниженности, деревенского страха и одиночества. Острые башни деревенских храмов гордо возвышались над глухими лесами, над дикими просторами озер. Их видел и охотник, потерянный в лесах, и одинокий рыбак с озера и моря. Они видели, как над лесами и водами высятся создания человеческой воли, человеческого труда.

Эти деревянные строения были для них знаком победы над лесом с его дикими зверями, над морем с его бурями, над голодом и зимним мраком. Они были разнообразны и причудливы, как мысли охотников, рыбаков и крестьян, раскиданных поодиночке и мелкими группками по бескрайним северным просторам, и все же похожи, как строившие их люди, связанные общей борьбой с полярной природой.

В крае, по которому странствовал Аристотель, рождались и жили сказки.

Северные церкви — те же сказки, только не сказанные, а построенные. Такими же необычными, чудесными, как образы сказок, кажутся нам помещения с шестью, восьмью и даже двадцатью стенами, высокие крыльца с наружными крытыми лестницами, удивительные формы кровель:

острые как шпиль башен, круглые как головы, бочкообразные, сердцевидные.

Но вместе с тем все в северной постройке, как и в сказке, просто, понятно, разумно.

И, как в сказке, все наделено здесь человеческими чертами.

Купол над кровлей назывался «главою», узкий барабан между кровлей и куполом — «шеей». Пространство между скатами крыш — «челом» или «очельем» (т. е. лбом). Верхняя балка кровли, господствующая над зданием, носила название «князя».

Глядя на эти постройки, Аристотель не мог сказать, как перед владимирским собором: «Это — дело наших мастеров». Никто из итальянцев не мог построить эти здания, никто не мог научить такому строительству русских мастеров.

Суровая природа, умирающая на две трети года, заградила путь в эти края западноевропейской и восточной культуре. Но она же оградила жителей севера от монгольских нашествий, от притязаний князей, от фанатизма греческих и русских попов.

Создатели этих церквей работали не на князей, как Аристотель и его товарищи в Италии. Заказчиками северных строителей были их односельчане. Да и сами строители жили, рыбачили и охотились вместе со своими соседями по деревне.

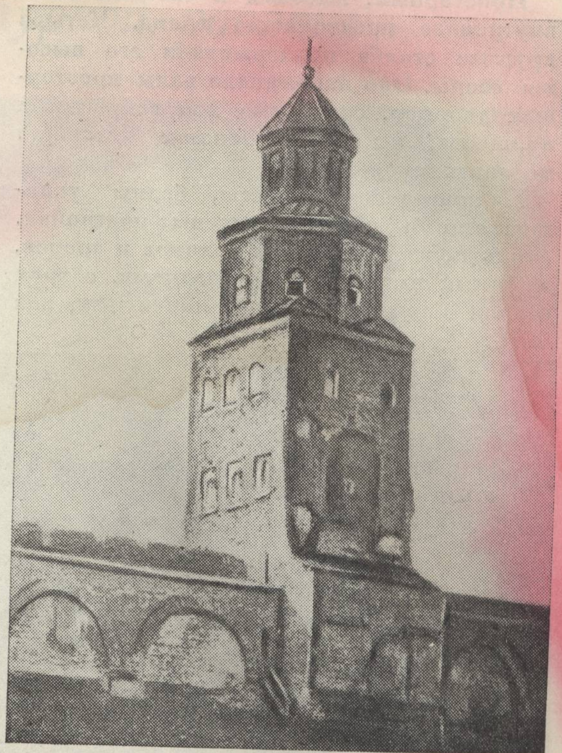
Здесь, в России, как когда-то в древней Греции, создавалась народная архитектура, незнакомая ни Аристотелю, ни его заказчикам.

Обратный путь Аристотеля вел его через Великий Новгород. Подобно Владимиру он уже пережил время своего могущества. Когда-то это был величайший торговый город, сторож русских земель на рубеже с западными странами.

В торговле, обнимающей весь тогдашний мир, в борьбе с иноземными завоевателями сложился его вольный городской строй, его замечательное каменное строительство.

Теперь Новгород переживал глубокий упадок. Лишь в памятниках прошлого — крепости-детинце с его каменными церквами — Новгород хранил память о своем великом прошлом.

Новгородские церкви были стройны, просты и суровы. Боевой шлем русских воинов увенчивал их главы. Не было ни одного лишнего украшения, ни одной лишней части в их крепком высоком теле.



Одна из башен новгородских укреплений.

Они были подтянуты и снаряжены как воины перед боем.

Но обо всем этом: о деревянных сказках севера, о воинственных соборах Новгорода — Аристотель не мог написать своему герцогу. Его бы все равно не поняли.

9. Успенский собор

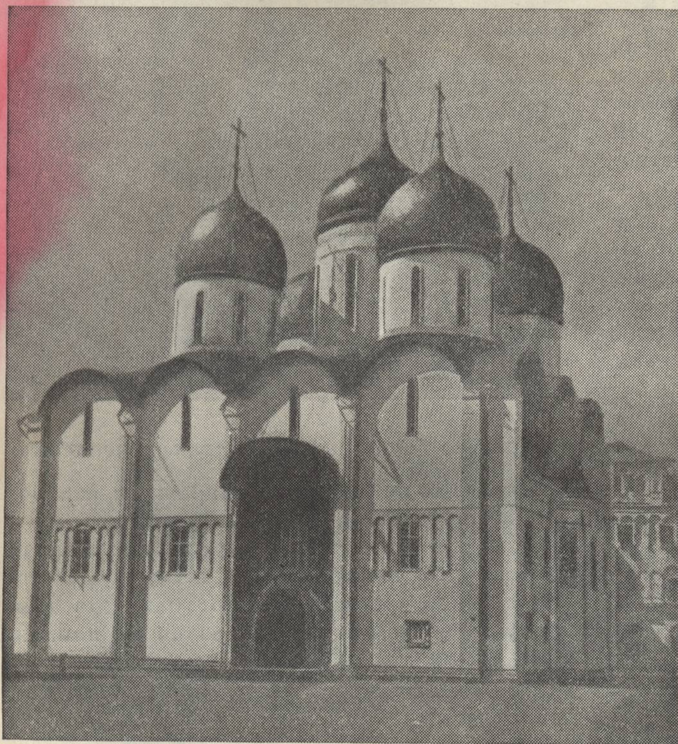
О том, что увидел Аристотель в городах Владимире, Новгороде и на русском севере, он нигде не написал. Он рассказал об этом в своей постройке — в Успенском соборе московского Кремля.

Немедленно после возвращения с севера он стал во главе строительства. И удивил москвичей своей необычайной техникой. Он устроил машину для подъема на стены кирпича и бревен, систему колес-блоков, по которым на веревках втягивали вверх все тяжести.

В 1479 году постройка была готова. Это было высокое обширное здание, увенчанное пятью куполами-шлемами.

Просторным, высоким и светлым было внутреннее пространство храма. Четыре круглые столба поддерживали его высокие своды. Оно напоминало залы просторных дворцов, созданные для собраний и пиршеств, а не деревенские клетушки московских церквей.

По-новгородски просты, бедны украшениями были белые стены постройки. Лишь поясок из тонких колонок и арочек, любимый владимирскими зодчими, с трех сторон окружал собор. Колонки эти, как



Успенский собор в Москве, построенный Аристотелем.

в старых московских церквах, были перевязаны посередине, как куски ткани.

Широкое, богато украшенное крыльцо выходило на площадь. Только в Италии строили такие крыльца-террасы — гостеприимные, резко выделяющие вход в здание.

В своей постройке Аристотель соединил черты разных архитектур, созданных разными народами, культурами, разными укладами быта, мыслей и чувств. Он внес в нее привычные ему образы итальянских городов. Он рассказал в ней о том, что видел во время своих странствий по русским землям.

Суровую и вместе с тем изящную простоту северорусских построек, воинственную собранность новгородских храмов он сочетал с украшениями, любимыми владимирскими зодчими, с «нарядом» московских изб и церквей. И слил все эти черты в одно неразрывное целое.

Из различных черт новгородских, владимирских, московских, северорусских, итальянских построек он создал первый памятник общерусской архитектуры.

Талантливый мастер самой передовой страны того времени вложил в нее дух разнообразной, взволнованной жизни итальянских городов, живой дух эпохи Возрождения, незнакомый Москве.

Москвичи жили в тесных избах, Аристотель создал для них свободное, обширное пространство городского общественного здания.

Москвичи наглухо запирались в своих домах. Вход в здание был узок, тесен, неудобен. Его прятали и защищали, как в те времена, когда дверь была самым уязвимым, самым опасным местом дома. Аристотель построил широкое крыльцо, издали зовущее войти в здание.

Сами москвичи оценили постройку Аристотеля. «Чудна величеством и высотою и светлостью и звоностью и пространством», — пишет летопись о новой церкви.

Аристотель совершил дело, ради которого покинул свою родину и приехал в далекую, незнакомую страну. Здесь он достиг того, чего никогда не мог бы добиться в Италии. Великий народ, с напряжением всех сил строивший свое государство, народ, выразивший свои мысли и чувства в прекрасных памятниках владимирских, новгородских, северорусских построек, в «наряде» московских домов, в гениальной живописи Андрея Рублева, в былинах и сказках, помог Аристотелю создать величайшее произведение его жизни — Успенский собор.

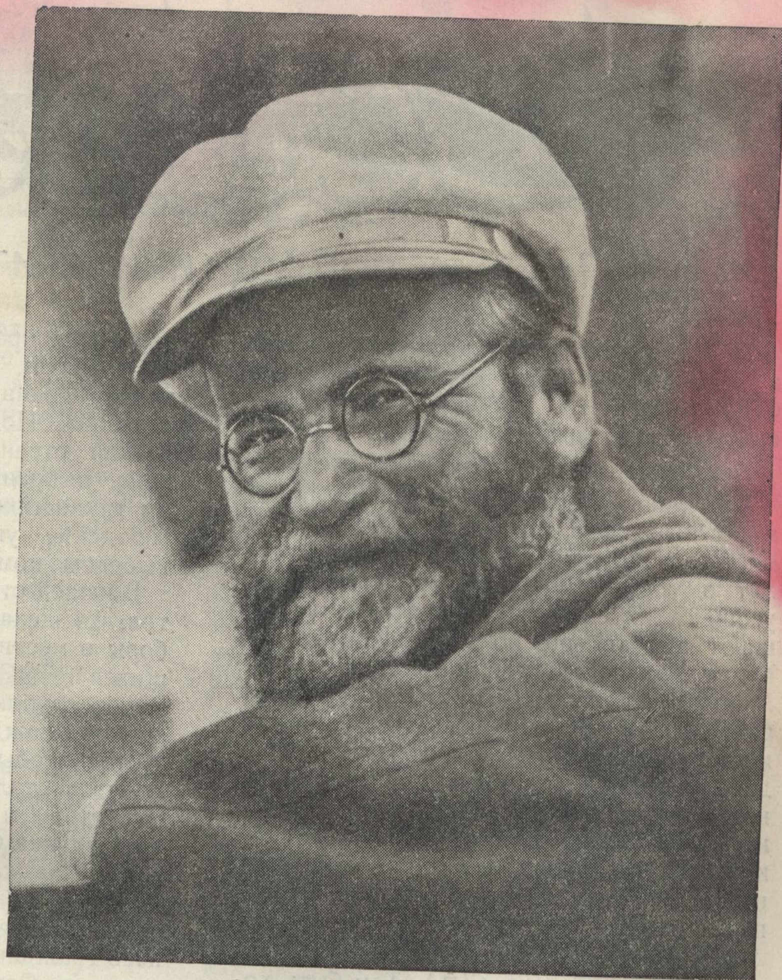
40 лет литературной работы

Сергей Григорьев справляет славный юбилей — сорок лет литературной работы. Из этих сорока трудовых лет пятнадцать лет писатель отдал советскому юношеству, советским детям.

Его первая детская книга «С мешком за смертью» вышла в 1924 году. Какое странное название дал писатель своей книге! На самом же деле все очень просто. В голодные годы Марк Гаев едет с отцом за мукой. Отец надел сыну мешок на плечи и не велел с ним расставаться. На мешке красной краской нарисованы были череп и кости. С такой приметой не пропадешь! И все подшучивали над мальчиком, говоря, что он едет «с мешком за смертью».

Это была повесть о тяжелом времени и добрых, мужественных людях, книга увлекательная и новая по материалу.

Сергей Григорьев был одним из зачинателей советской детской литературы. Он начал писать тогда, когда старая детская книжка умерла, а новая еще только зарождалась. Мы привыкли называть пионерами смелых путешественников, открывателей новых земель. Сергей Григорьев был пионером нашей детской литературы. В советской стране росло новое поколение, пытливое и любознательное, и этому поколению нужно было дать новую книгу. Советской литературе нужны были новые герои, о старых пай-мальчиках читать было неинтересно. И Сергей Григорьев своего нового читателя сделал героем своих книг.



Сергей Тимофеевич Григорьев.

«Белый враг», «Красный бакен», «Тонькин танк» — одна за другой появляются книги о гражданской войне. В героях этих книг поколение советских ребят узнавало самого себя, суровую и мужественную жизнь, которая только что была прожита.

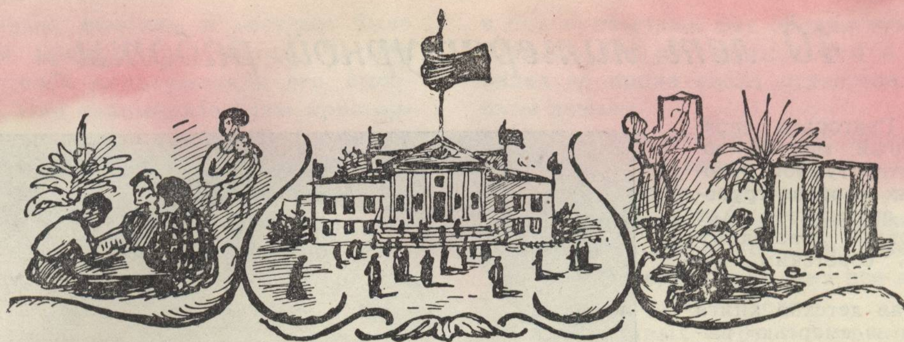
Каждая новая книга Григорьева завоевывала новых читателей, закрепляла позиции советской литературы, заставляла отступать старую, дореволюционную детскую книжку. В литературу пришел человек, который много знает, много видел, человек с большим литературным опытом, и он с первой же книги стал литературным мастером и великолепным рассказчиком.

Сергей Григорьев написал много книг для детей. Они разнообразны. Сын машиниста, он с детства полюбил паровоз, и он рассказывает о технике как о родном деле, как человек заинтересованный. В рассказах его смелость фантазии, смелость новатора и изобретателя сочетается с огромным знанием дела.

Сергей Григорьев — историк. Он показал советским детям прошлое их страны. Его Берко-кантонист — живой обвинитель николаевской монархии. В несуществовавшего человека писатель вдохнул своим талантом жизнь, и он стал существовать.

Последняя книга Григорьева — о Суворове, о любимом герое ребят.

Мы рады приветствовать Сергея Тимофеевича. Он сотрудник «Пионера» с первого года его издания.



Первые помощники агитаторов

Почти одновременно проходят выборы в двух величайших странах мира — в СССР и в США. В обоих государствах выбирают местные органы власти.

Как проходят выборы там, за океаном?

По улицам ведут слона. На его боках висят плакаты с призывом «Голосуйте за мистера такого-то!» Дюжие молодцы водят в трактиры и пивные избирателей, угощают их спиртными напитками и обещают выдать еще по доллару, если они будут голосовать за мистера такого-то. Мастера на фабрике с угрозой говорят рабочим: «Если не будешь голосовать за мистера такого-то, — можешь не приходить на работу. А уж мы будем знать, за кого ты голосовал...» В негритянских кварталах белые хулиганы грозят неграм кровавой расправой, если они осмелятся пойти голосовать: черные там не имеют права голоса.

Так готовятся к выборам в капиталистической стране — в США. Там быть хозяином города или штата — это значит набить себе карман общественными деньгами. Вот почему кандидаты не жалеют денег на подкуп избирателей: они с лихвой вернут все затраты. Большей частью на выборах проходят те, кто истратил больше денег, кто нанял больше хулиганов и бандитов.

А если рабочие пробуют выставить своих кандидатов, то от них избавляются таким образом: либо запрещают компартии выставлять своих кандидатов (это сделано в штате Нью-Йорк) либо арестовывают кандидатов. Так поступают во всех капиталистических странах. Когда на последних панских выборах в Польше рабочие гор. Львова попытались выставить своего кандидата, то его попросту арестовали и продержали в тюрьме все время выборов. Французская буржуазия называет Францию «самой демократической страной». Но в этой «самой демократической стране» коммунистические депутаты, выбранные почти двумя миллионами трудящихся, посажены в тюрьму. Все городские управления, в которые были выбраны коммунисты, распущены.

В нашей стране, в великой Стране советов, 24 декабря будут проводиться выборы в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР и некоторых других союзных республик. В этот день десятки миллионов граждан придут к избирательным урнам, чтобы отдать свои голоса за кандидатов сталинского блока — союза коммунистов и беспартийных. Два раза трудящиеся СССР уже единодушно голосовали за кандидатов этого блока: при выборах в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик. Теперь граждане Советского Союза выберут местные Советы депутатов трудящихся: краевые, областные, районные, городские, сельские и поселковые. После этих выборов все органы советской власти будут построены так, как указано в Сталинской Конституции, т. е. будут избраны на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. У нас в стране имеют право выбирать и быть избранными все граждане, которым к моменту выборов исполнилось 18 лет.

24 декабря будет выбрано больше миллиона трехсот тысяч депутатов местных Советов. Это будут достойные сыны и дочери советского народа. Они должны быть людьми беспощадными к врагам, правдивыми и честными, любящими свой народ, безгранично преданными делу Ленина—Сталина.

На многих улицах городов, поселков вы видите украшенные флагами и плакатами дома. На них написано «Агитационный пункт».

Сюда приходят избиратели. Они расспрашивают дежурных, как будут проходить выборы, скольких депутатов надо выбирать, какого цвета будут избирательные бюллетени, проверяют, правильно ли занесли их в списки избирателей. Агитаторы объясняют избирателям, как будут проходить выборы, рассказывают о лучших людях, выдвинутых на собраниях кандидатами в депутаты Советов.

Часто в агитационные пункты заходят и пионеры. Конечно, участвовать в выборах как избиратели они еще не могут, но быть хорошими помощниками агитаторов и избирательных комиссий—это почетный долг каждого пионера.

Надежда Константиновна Крупская в письме к пионерам «Будьте общественниками» писала:

«Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать... Будьте помощниками общественников взрослых, и тогда вы на этой работе вырастете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина—Сталина!»

Многие пионеры очень хорошо помогали общественникам-взрослым во время выборов в Верховные Советы. А когда Президиум Верховного Совета РСФСР установил день выборов в местные Советы, некоторые пионеры сразу же принялись помогать избирательным комиссиям и агитаторам.

Пионеры 24-й школы Ленинграда зашли в агитпункт. Их попросили разнести брошюры о выборах по квартирам избирателей. Раздавая брошюры и беседуя с домохозяйками, ребята нашли для себя много интересных дел. Аня Басс и Валя Павленко узнали, что домохозяйка Сысоева малограмотна: умеет читать только по складам. Пионерки договорились позаниматься с ней. Домохозяйки попросили пионеров помочь выпустить домовую стенную газету. Пионеры на сборе выбрали редколлегию, и она на другой же день вместе с жильцами дома выпустила первую стенную газету.

Пионеры 75-й школы Ростова на Дону взялись украсить комнаты избирательного участка. Ребята достали цветы, нарисовали плакаты, лозунги, очень красиво убрали все помещение.

В день выборов часть пионеров будет забавлять малышей в детской комнате избирательного участка.

Зина Паршинцева, пионерка 1-й школы Красноярска, рассказывает, как она занимается со своей мамой:

«Прошлой зимой я учила маму грамоте. Теперь она умеет читать по складам и писать свою фамилию. Этот год я тоже хотела заниматься с мамой, но она ходит учиться в школу взрослых. Сейчас мы вместе готовим домашние задания. Я показываю ей, как нужно правильно писать и решать задачи. Когда сделаем заданные уроки, беру свежую газету и читаю вслух, а мама слушает.

Я купила брошюры: Речь товарища Молотова по радио и Положение о выборах в местные Советы, — чтобы прочесть их маме.

Ко дню выборов постараюсь хорошо ознакомить маму с Положением о выборах».

Ребята, поговорите со своим звеном: что каждый из пионеров делает у себя дома, как он помогает проводить кампанию по выборам. Сходите всем звеном на агитационный пункт, предложите свои услуги— для вас найдут интересную работу.

К вам во двор, в квартиру приходят агитаторы. Познакомьтесь с ними, узнайте, чем вы можете им помочь.

Напишите нам, что вы сделали в помощь общественникам-взрослым.

★ ★ ★

Это Марьяна Владимирова — председатель отряда 6-го класса «А» 266-й школы Ростокинского района Москвы. Мара — уже третий год председатель. В нынешнем году, когда ребята выбрали ее в третий раз, Мара решила, что отряд будет работать еще лучше чем раньше. А он и раньше работал хорошо.

Здесь Мара рассказывает о случаях из жизни своего отряда и о планах ребят.

НАША ЖИЗНЬ

Рассказ председателя отряда

О том, как Толя Громов обидел звено

Первое звено было действительно первым: и по учебе, и по дисциплине, и по дружной пионерской работе. Не хуже других ребят в звене был Толя Громов: он товарищ неплохой, учился с хорошими и отличными отметками. Правда, по своим способностям он мог бы иметь круглое «отлично», если бы занимался прилежно, но не об этом я хочу рассказать, а о том, как произошел с ним такой случай.

Однажды в столовой у него увидели резинку. Нужно сказать, что до этого он никогда особенно не увлекался резинкой, хотя у многих наших мальчиков они были, и в стенгазетах наших то и делю появлялись карикатуры на лихих «стрелков».

Но в этот раз Толя держал резинку. Ее заметила Марья Алексеевна, наш классный руководитель.

— Немедленно дай сюда резинку!

Толя молчал.

— Громов, ты слышишь, что я сказала?

Толя снова молчит.

Ребята напряженно смотрят, чем кончится дело, особенно пионеры первого звена.

Марья Алексеевна повела Толю к Василию Михайловичу.

Идти до двери с надписью «Кабинет заведующего учебной частью» не очень далеко, но мы все же предпочитаем любой другой маршрут.

Ведь зря туда не приглашают, обязательно уж за какое-нибудь «художество», и кончается это либо вызовом родителей либо длинным разговором с Василием Михайловичем. А когда Василий Михайлович начнет отчитывать, становится так совестно, что провинившийся готов сквозь землю провалиться.

На этот раз и Василий Михайлович не помог. Толю словно заколдовали. Он уперся и не отдавал резинки. В конце концов ее взяли силой. После этого в толином дневнике, в графе «дисциплина», стояло «плохо».

Ребята сердились на Толю за то, что он подводит звено. Ведь эдак и с первого места недолго съехать! Главное, непонятно было, что произошло с Толей. Его раньше никогда не видели таким.

Но ребята молчали, никто не упрекал Толю, хотя звено некоторое время с беспокойством следило за ним: а вдруг у него дальше будет такое повторяться? Толя был таким, как всегда, будто ничего не произошло, не было никакой истории с резинкой. Мало-помалу тревога улеглась. Сейчас, когда все это — дело прошлое, в дружеском, откровенном разговоре Толя скажет, что он всегда был немножко упрямым, что резинка была ему не так уж нужна, что в тот раз на него нашло такое упрямство, что он ничего не мог поделать,— словно за него действовал какой-то другой человек.

И еще он скажет, что от резинки отделаться ему было куда легче чем от упрямства. Он крепко взял себя в руки, следил за своими поступками и каждый раз, когда замечал, что готов заупрямиться, вовремя останавливался.

Первое звено так и осталось первым. И теперь я думаю: хорошо сделали ребята, что не ругали Толю, а то он с досады, на зло мог еще чего-нибудь натворить.

Это мы в Сокольниках собираем ветки для «тайги».

Рис. **Толи Громова** и **Бори Соколова**.

Как пришло письмо из Туркмении, и о чем мы написали в ответ

Вожатая Катя принесла на перемене серый конверт с акуратно написанным адресом.

Мы распечатали конверт. Из него выскользнула фотография: сидят пионеры среди елок, только не в лесу, а в комнате. Интересно было рассматривать лица ребят — далеких друзей. Насмотрелись и стали читать:

«Дорогие товарищи! Наш отряд тоже, как и вы, провел сбор «в тайге». Как прошел этот сбор, мы решили рассказать вам в письме. Мы живем очень далеко от вас. В Туркмении, в городе Ташаузе, среди горячих сыпучих песков пустыни Кара-Кум, нам было труднее готовиться к сбору чем вам. Мы не могли, как вы, набрать за городом листьев, веток и мха, чтобы устроить на сборе «тайгу». Ведь в пустыне Кара-Кум не растут леса, как у вас под Москвой! Нас выручили новогодние елки, привезенные из более северных мест СССР. Мы со всего города собрали их, разместили в комнате, где должен был проходить сбор. Из биологического кабинета школы мы взяли чучела зверьков и птиц тайги. На географической карте начертили путь самолета «Родина».

Вот как мы подготовились к сбору. Он прошел очень оживленно. Вова Остробородов сделал доклад о женщинах-героинях. Надя Щербинина, Клава Климова и Тося Саломатина рассказали биографии трех летчиц, а Оля Сабокарева — о том, как десять дней Марина жила в тайге.

Пели песни, читали стихи о героинях. Потом играли и танцовали, пока горн не подал сигнал «конец сбора».

Шлем горячий пионерский привет. К борьбе за дело Ленина—Сталина будьте готовы!

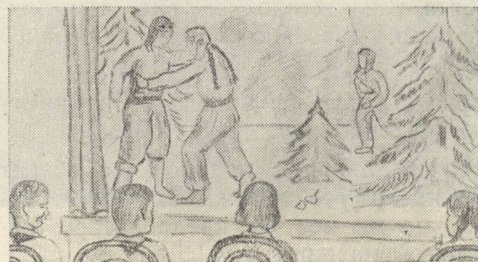
По поручению отряда **А. Файзулин**».

Мы сперва удивились, откуда они узнали, что у нас будет такой сбор. А потом вспомнили, что писали о своем плане в газету «Пионерская правда». В этом письме самое приятное было то, что наша идея пригодилась пионерам из другого отряда, пионерам далекой братской республики.

Это верно, что нам было легче устроить «тайгу». Стоило раза два съездить в Сокольники, и мы запасли сколько нужно «строительных материалов» для «тайги». Да и сбор наш прошел немного по-другому. Главная и самая интересная часть была пьеса «В тайге». Ее сочинила Вера Пожидаева. Я помогала ей писать. Пришлось нам пофантазировать, потому что мы ведь не знали в точности, как говорили между собой Осипенко и Гризодубова, когда ждали Марину.

Отряду пьеса понравилась.

Туркменским ребятам мы послали ответ и рассказали о своем сборе.



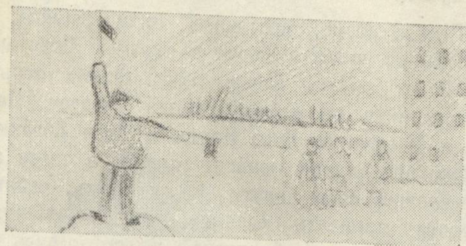
— Марина пришла!—сцена из нашей пьесы «Три героини».

Рис. **Толи Громова** и **Бори Соколова**.

О том, что будет дальше у нас в отряде

Звенья выбрали своих вожатых и составили планы. Трудно сказать, у какого звена самый интересный план. В каждом есть хорошее.

Вот Толя Громов и Боря Соколов нарисовали рисунки. Я расскажу, что они значат.



Быстро мелькают флажки, словно две красные бабочки летают. Каждый взмах — какая-нибудь буква. Из этих букв складываются слова. Их видно издали, а голос на таком расстоянии не слышен. Третье звено хочет получить как можно больше военных знаний. Ребята начнут с изучения семафорной азбуки. Целый месяц все пионеры звена будут тренироваться, пока не научатся быстро вести разговор флажками.

* * *

Не секрет, что часто ребята умеют и плавать, и авиомодели мастерить, и красивые панно вышивать, и картины рисовать, а доведись чулок заштопать или заплату поставить — они беспомощны. Девочки покажут мальчикам, как самим делать мелкую починку одежды. У каждого найдется старый носок или куртка без пуговицы, на которых можно практиковаться. Соберется третье звено и начнет работать иголкой и ниткой.

* * *

Это будет в Останкине. Там хорошее место: кусты, деревья, тропинки. Туда отправится второе звено на военную игру. Будет, наверно, и самодельный пулемет, и храбрый пулеметчик, и ловкие разведчики.

Андрюша Рунов, вожатый второго звена, собирается в этой игре испытать зоркость и наблюдательность своих ребят.

Звено изучит дорожные знаки, и во время игры половина пионеров будет прятаться, оставляя разные метки и указания, а остальные по этим следам — высматривать и разыскивать их. Это очень весело и кроме того развивает наблюдательность.

* * *

По соседству со школой есть три детских сада. Первое звено пойдет в один из них и заведет дружбу с малышами. Будет проводить с ними игры, рассказывать им сказки, устроит для них самодельный концерт или спектакль, смастерит им в подарок игрушки. С игрушек звено и начнет.

* * *

В прошлом году во время выборов в Верховный Совет РСФСР Мая Муратикова провожала хромую старушку, когда ей нужно было идти на избирательный участок. Стыдно, но приходится сознаться, что, кроме нее, никто в отряде не догадался хоть чем-нибудь помочь выборам.

Первое звено, составляя план, решило, что теперь во время выборов в местные Советы, они не будут сидеть сложа руки. Звено посылает разведчиков на избирательный участок. Пойдут Леда Масютина, Лида Кауль и Лора Дробинская и узнают, какая помощь нужна, а тогда звено предложит свои услуги. Может быть, ребят попросят написать лозунги, может, — выпустить стенгазету для избирателей какого-нибудь дома, а может, еще что-нибудь.

История с древним Римом

— В каком году был изгнан Тарквиний Гордый и провозглашена республика?

Леша Полукаров не очень твердо знает урок, и вопрос погружает его в раздумье. Класс молчит, Нина Петровна — тоже. Все надеются, что, подумав, Леша еще ответит.

Но вот кому-то надоела напряженная тишина. Слышится подсказка. Она назойливо лезет в уши Леше. И вместо того, чтобы подумать, он брякнул то, что услышал и... ошибся чуть не на сотню лет.

— Садись, — говорит Нина Петровна.

Всем ясно: «плохо». Если бы Лешу не сбили подсказкой, он, может быть, вспомнил бы сам, что это было в пятьсот десятом году. Так «выручили» его друзья.

Подсказки повторялись и на других уроках. В прошлом году у нас было так: если на истории все ребята без запинок называли даты, — значит, наверняка даты выписаны где-нибудь незаметно для учителя. Если в контрольной по немецкому было мало ошибок, — значит, ребята пустили в ход одно свое изобретение, в результате которого «немке» было трудно следить за списыванием. Что это за изобретение, не скажу, ребятам и так стыдно вспоминать о нем.

Из-за подсказок выходили споры. После звонка, на перемене, я не раз говорила с подсказчиками. Бывали случаи, что ребята, которым подсказывали, рассердятся и сами обрежут не в меру услужливых друзей: «Обойдемся без такой помощи». Толя Громов однажды прямо на уроке заявил: «Не подсказывайте, я хочу сам ответить».

В этом году подсказок, шпаргалок и списываний стало гораздо меньше. Одни думают, что тут подействовали наши разговоры и споры с подсказчиками, другие, — что в этом году учителя строже, а третьи, — что все мы стали старше (уже шестиклассники) и серьезнее относимся к учебе.

Не знаю, кто прав, наверно, и те, и другие, и третьи.

▫▫▫

НАША ЖИЗНЬ

„Пионерская дружба“

Фото Е. Тиханова.

Староста класса Инна Сафронова и члены редколлегии Вова Иванов, Яша Златопольский и Боря Асриев обсуждают новый номер газеты.

К «боям» с нашим школьным сторожем Ильей Алексеевичем мы уже привыкли. Каждый раз, когда приходим мы по вечерам в школу, он неизменно говорит нам: «Пускать никого не велено».

Правда, теперь уж и он привык к нашим посещениям. Поворчит немного для порядка, а потом открывает дверь.

Мы забираемся в свой класс, и работа закипает: выпускаем стенную газету нашего класса! Называется она «П и о н е р с к а я д р у ж б а». Нашей «Пионерской дружбе» три года! За это время ребята привыкли к своей газете. Каждые две недели вывешивается свежий номер, и каждый свежий номер всегда вызывает много толков и споров.

«Пионерская дружба» — газета острая, зубастая. Когда заходит речь о наших классных делах, всем «героям» класса здорово попадает. Но никто не обижается ни на редколлегию, ни на авторов заметок. Все знают, что критикуем мы по-дружески, и все по-дружески же стараются отвечать на критику. Не даром же газета наша называется «Пионерская дружба»!

Чем говорить о нашей газете, лучше познакомим вас с ее содержанием. Прочитайте эту заметку:

«Ф р а н ц у з с к и й я з ы к

27 сентября нам роздали контрольный диктант по французскому языку. 10 «плохо» прибавилось в журнале нашего класса. А ведь мы обязались ликвидировать плохие отметки к 30 сентября...

...Об уроке французского языка мы обычно думаем как о чем-то веселом, шумном. В результате плохие отметки...

НАША ЖИЗНЬ

А ведь французский язык нам нужен. И я уверен, что многие ребята, когда окончат школу, пожалеют о потерянных уроках».

Написал эту заметку Вова Великанов. Вова был прав: на уроках французского языка у нас действительно занимались, кто чем хотел. Но после того как вовина заметка появилась в газете, на французском стало тише.

Учится у нас в классе Лиля Г. Как-то на отрядном сборе она выступила с очень горячей речью. Говорила и о дружбе, и об успеваемости, и о дисциплине. Речь ее произвела на всех сильное впечатление, ребята выбрали ее в совет отряда. И что же сразу приключилось с нашей Лилей? Все, что она говорила, были только слова. Тогда наш классный поэт Боря Иоффе написал в стенгазету эпиграмму:

«Обратился к Лиле Яша:
— Оставайся на совет.
Отвечает Лиля наша:
— До совета дела нет.
Что ж мы думаем, друзья,
Почему ей дела нету?
— Все равно не принесу я
Пользы никакой совету».

Эпиграмма помогла—Лиля подтянулась. В нашей стенгазете есть отделы: «Эпиграммы», «Календарь», «Рекламы».

В «Календаре» мы старательно записываем классные происшествия:

«17 октября Иоффе буянил на собрании.

18 октября был выходной.

19 октября наша группа самозащиты пыталась сбежать с русского языка, но была водворена на место.

20 октября на уроке черчения была подозрительная тишина. Ведется следствие.

21 октября дежурный на большой перемене пытался всех выгнать из класса, но когда был выгнан последний, все изгнанники, собравшись с силами, прорвались обратно в класс».

«Рекламы» выглядят так:

«Великанову и Родионову требуется опытный преподаватель математических наук. Образование не ниже двух классов начальной школы. Обращаться: 3-й этаж, 23-я комната, 8-й класс «А».

Но ребята наши выступают на страницах своей газеты не только с тем, чтобы «протянуть» друг друга.

Илюша Китайгородский, председатель совета отряда, написал серьезную статью об учебе в нашем классе:

«До конца первой четверти осталось не так уж много времени, плохие же отметки не убывают, а, наоборот, прибывают... ...На контрольной работе по алгебре «плохо» получили 15 человек...»

Ребята заволновались. Действительно, очень плохо у нас с успеваемостью... И плохие отметки получают ученики, кото-

Рис. Бори Асриева.

Об уроке французского языка мы думаем как о чем-то веселом и шумном.

НАША ЖИЗНЬ

рые в прошлом году были отличниками. Значит, просто ленятся. И решили подтянуться!!

Взволновала ребят и статья о том, как недостойно вели себя пионеры нашего класса на политической информации. Занимались кто чем хотел:

«Калик и Тилле продолжали беседу о прочитанном недавно романе. Грищенко хлопала партой...»

Мы дали к этой статье примечание от редакции: «Редакция возмущена подобным поведением пионеров на политической информации. Совет отряда должен наладить проведение политической информации так, чтобы ее посещали все пионеры и дисциплина была образцовой».

И мы думаем, заметка эта тоже повлияет на ребят.

С третьего номера нашей газеты мы завели отдел «Уголок вожатого». Вожатый каждого звена должен выступить в газете и рассказать о своем звене. Звеньевой второго звена, член нашей редколлегии Вова Иванов написал:

«Мое звено, так же как и другие звенья, сильно хромает и в учебе и в дисциплине... Я как новый звеньевой знаю еще мало мероприятий, которые можно было бы провести звену. Поэтому я хочу, чтобы другие вожатые звеньев или те, которые раньше были ими, поделились со мной через газету своим опытом».

Не одному Вове нужно поучиться у хороших звеньевых. И мы думаем, что если будем в каждом номере давать «Заметки звеньевого», наши звенья будут работать куда лучше!

В будущем мы собираемся завести отдел, в котором ребята будут делиться впечатлениями о прочитанных книгах. Мы учимся в восьмом классе, через два года кончаем школу... В следующем номере поговорим о выборе профессий, посмотрим, кто кем хочет быть и почему.

Кроме стенгазеты есть у нас в классе и радиогазета. Но ее ведем не мы: Вова Великанов, Боря Иоффе, Толя Гохблит и Илюша Китайгородский — это наши «радиокорреспонденты», а читают газету на большой перемене Нюра Пукова и Толя Гохблит поочереди:

«Внимание, внимание!

Говорит радиостанция первого отряда на самых коротких волнах.

Передаем радиогазету № 1.

Передаем последние известия, дневной выпуск.

Во время второй перемены двое неизвестных пытались нарушить границы всякого благоразумия. Задержанные назвались Ивановым и Литовкиным. Они оказались крупными нарушителями дисциплины 8-го класса «А» 636-й школы...

9 октября 1924 года, пятнадцать с лишним лет тому назад, в Москве родился знаменитый геолог-самоучка Николай Родионов. Его коллеги по работе сделали

Рис. Бори Асриева.

Все спешат скорее «сдуть».

Кое-кто спешит просто улизнуть со сбора

огромную ошибку, забыв о юбилее своего друга и не устроив ему торжественного вечера. Исправляя свою ошибку, друзья объявляют классу об этом юбилее....

Внимание! В нашем классе идет упорная борьба за установление мирового рекорда по количеству записей в дисциплинарную тетрадь. Пока первенство держит Сашко, которая записана четыре раза. Главные конкуренты ее: Литовкин, Родионов и Иоффе (записаны по три раза)...

Объявляется конкурс на быстрейшее исправление всех плохих отметок. Провалившиеся на конкурсе получают от Елизаветы Васильевны бесплатные путевки из 8-го в 7-й класс...»

Перечислять все «радиограммы» здесь не стоит. Ребята из других школ не знают ребят нашего класса, и потому читать о них им будет неинтересно.

Мы только хотим сказать, что радиогазета — очень хорошая вещь. И те, у кого в классе нет ее, пусть заведут.

Стенгазета выходит два раза в месяц, а радиогазета может выходить даже через день. И потому можно быстрей забить тревогу, если надо, и подтянуть ребят.

Правда, есть у нас такая мысль: выпускать нашу стенгазету тоже чаще: не раз в две недели, а каждую декаду. Но тут уж надо, чтобы весь класс нам помог. Будет много заметок — и газету будем выпускать часто. А то ведь раньше просишь, просишь заметки, а ребята только обещают писать. Сейчас лучше: есть у нас восемь пионеров, которые постоянно пишут заметки, а потом мы придумываем темы, просим написать, и ребята берутся.

Мы рассказали о своей стенгазете. Нам очень хочется, чтобы и другие ребята рассказали о своих газетах, поделились своим опытом. Если бы редколлегии стенных газет помогали друг другу, многие стенгазеты стали бы значительно лучше.

Боря Асриев, Яша Златопольский, Вова Иванов, **Москва, 636-я школа, 8-й класс.**

Что случилось в классе?

Обсуждаем письмо Жоры Миллера, напечатанное в № 9 нашего журнала.

Лжетоварищи

Я прочитала в вашем журнале письмо Жоры Миллера, озаглавленное «Что случилось в классе?»

Письмо это глубоко взволновало меня: ведь и у нас в классе было немало таких случаев, о которых рассказывает Жора.

Был такой случай. В школе у нас заведено, что при входе учителя в класс дежурный должен сдать рапорт: сколько в классе человек и кто отсутствует. Дело это серьезное, но многие ученики отнеслись к нему нехорошо. Был урок геометрии. Дежурный ученик сдавал рапорт. Ребята начали стрелять в него из резинок. Когда учительница спросила, кто стрелял, все промолчали. Но раз хватило «смелости» сделать дурной поступок, нужно, чтобы хватило мужества и сознаться в нем. Ученик Я. стрелял больше всех, но он не сознался, а сидел и молчал. По-моему, это низко. Преподаватель может подумать на другого ученика, который невиновен. Бывали даже случаи, когда учитель удалял из класса невиновного ученика, между тем как тот ученик, который виноват, спокойно сидел и молчал.

На этот раз так никто и не сознался. Пропал целый урок. План, который наметила учительница, не был выполнен.

Вам покажется странным, что никто не назвал виновного? Но того стали бы называть подлизой и другими словами. Это доказывает, что у нас сложилось совершенно неправильное мнение о товариществе. У нас думают, что хороший товарищ тот, кто даст списать отстающему домашнюю работу, подскажет ему, кто

покрывает плохие поступки товарищей. Это, по-моему, не товарищ, а лжетоварищ. Такое «товарищество» только вредит дружбе. Много раз с нами проводили беседы на эту тему. Сначала как будто помогало, но проходила неделя — другая, и все шло по-старому.

Был у нас еще такой случай. После пяти уроков в соседней школе должна была состояться беседа о международном положении. На линейке нам объявили, что и мы сможем туда пойти.

На четвертом уроке по классу была пущена записка, в которой говорилось, чтобы все уходили с пятого урока. На пятом уроке, по расписанию, должен быть немецкий язык. Уйти с немецкого — это многим показалось соблазнительным. Как только прозвенел звонок на перемену, ребята выбежали из класса. Осталось всего девять человек. Мы не хотели уходить и не ушли. Но удержать остальных учеников не смогли.

Можно подумать, что наш класс совсем плохой. Нет. У нас висят два знака отличия: один получен за хорошую учебу и дисциплину (в прошлом году у нас не было ни одного второгодника, ни один ученик не получил осенних испытаний), а второй — за лучшие показатели в оборонных соревнованиях.

В этом году в наш класс влилось несколько новых учеников, любителей побаловаться, а то и сорвать урок. Нужно бы было всему классу взяться за их воспитание и повести за собой. Но оказалось наоборот: они повели за собою класс.

Я прошу ответить на вопрос, который меня очень беспокоит: правильно ли мы сделали, что не ушли с урока немецкого языка? После этого случая некоторые ученики не стали с нами разговаривать. Они говорили: «Если бы вы ушли, то ничего бы не было». Я думаю, что это не так. Я прошу совета: что сделать, чтобы исправить дисциплину класса, чтобы все дружно взялись за учебу, чтобы наладить пионерскую работу?

Галя Потурай

Ялта

Разговор с вожатой

После уроков в наш класс пришла старшая вожатая Лида. В руках у нее был журнал «Пионер». Лида стала читать статью Жоры Миллера «Что случилось в классе?»

Прочитав статью, она спросила нас:

— А что, ребята, нет ли у нас таких явлений и таких ребят?

Ребята опустили головы. Говорить было стыдно. Мы молчали и переглядывались.

— Ну, вот что, ребята! Вы здесь почти все пионеры. И пусть каждый, у кого есть резинка, честно, по-пионерски, подойдет и положит ее на стол.

Этого мы не ожидали. Мы думали, что вожатая на нас закричит, начнет ругать. И вдруг услыхали спокойный голос Лиды. Минута замешательства, потом один из учеников встает и кладет резинку на стол. И тут ребята отдали... 22 резинки. Лида попросила посмотреть, не забыл ли кто случайно резинки отдать. Мальчики вывернули карманы. Резинок нет.

— А пульки тоже отдать? — спросил один из мальчиков.

— И пульки, — сказала Лида.

В это время кто-то из учеников кинул бумажку в Лиду.

— Кто это сделал?—спросила Лида.

В классе молчали, и вдруг один из учеников встает и говорит:

— Это сделал я. Извините, Лида.

— Разве я этого заслужила?—спросила Лида.

Видно, Герасимову было очень неприятно: он заплакал.

— Извините Лида, я больше не буду,— повторил он.

После этого было собрание, на котором Браурман, Кирсанов, Канин, Морозов и другие ребята, стрелявшие из резинок в учителей, в учеников, в стекла, пообещали бросить свои глупые и очень неприличные выходки. Мы дали слово держать свой класс в чистоте и серьезно взяться за работу в отряде.

Тамара Косякина, Москва, 335-я школа

Николай Гаврилович Чернышевский

И. Халтурин

19 мая 1864 года пустынная обычно Мытная площадь в Петербурге с раннего утра стала заполняться народом. Люди стекались сюда несмотря на то, что день был непраздничный и небазарный. Все толпились около высокого помоста, выкрашенного в черный цвет. Это был эшафот.

Народ собирался разный. Купцы-лабазники и домашние хозяйки пришли из простого любопытства посмотреть, как будут наказывать какого-то преступника. Много было людей в широкополых шляпах — это были студенты. Они знали, зачем пришли. Известие о том, что будут читать приговор Чернышевскому, было напечатано в «Ведомостях Санкт-Петербургской полиции», в газете, которую мало кто читал. Но слух передавался из уст в уста, и несколько сот молодых людей пришло, чтобы показать своему любимому писателю, что он неодинок.

Войска, выстроенные вокруг эшафота, сдерживали толпу.

Глаза всех были устремлены на эшафот и не сразу заметили подъехавшую карету, охраняемую жандармами с саблями наголо.

«Едут!», «Привезли!» — послышались крики в толпе. Конные жандармы стали оттеснять толпу, хлынувшую было к карете. Оттуда вышел человек в темном пальто с меховым воротником и под конвоем прошел на эшафот. Здесь палач сбросил с него шапку и надел ему на шею деревянную черную доску с белой надписью «Государственный преступник».

Два палача взяли его под руки, и чиновник стал читать приговор. Он читал торопливо и тихо, как бы боясь, что приговор этот услышит толпа. Когда чтение кончилось, палач подвел Чернышевского к позорному столбу и притянул его руки цепями. Все волновались; волновался чиновник, читавший приговор, волновалась публика, смотревшая на это необычайное

Н. Г. Чернышевский.

зрелище. Казалось, спокойным был только человек, над которым проделывали все это. Он обводил публику близорукими глазами, словно искал знакомых. Шел дождь, стекла его очков запотели и, наклонясь вперед, он снял очки. Он протер их пальцами — цепи для этого были достаточно длинны — и быстро надел снова. Взволнованной молодежи это стояние у позорного столба казалось бесконечным. Наконец, палач снял цепи, вывел Чернышевского на середину эшафота и поставил его на колени. Тут лицо узника покривилось, и это заметили все. Палач взял шпагу, подпи-

ленную заранее, и переломил над головой узника.

В этот момент через головы жандармов пролетел букет цветов и упал к ногам Чернышевского. Букет был из крупных красных цветов.

— Кто бросил? Кто бросил? — спросил жандарм бородатого человека в поддевке, с дубинкой в руках, похожего на извозчика.

— Я видел! Он, вот этот, бросил, — громко ответил человек, указывая на сидевшего верхом жандарма. Человек этот был русский писатель Якушкин, известный собиратель сказок. Но среди толпы было много переодетых сыщиков, и один из них заметил девушку, бросившую букет. Ее отделили от толпы, арестовали и в карете увезли прямо в крепость.

Волнение толпы росло. Чернышевского подняли с колен, спешно под руки свели с эшафота, посадили в карету.

«Прощайте! Прощайте!» — раздавались голоса.

Кто-то, кажется, тот же человек в поддевке, громко крикнул дерзкое: «До свидания!» И опять красные букеты полетели в карету. Карета с грохотом тронулась. Человек, сидевший в ней, понял, что те, кто побегут за ней, как только они отделятся от толпы, будут немедленно арестованы.

Он высунулся из окошка, поклонился с веселой улыбкой и шутя погрозил пальцем тем, кто бежал за каретой.

В старые времена судьба сына священника была определена заранее: он становился таким же священником, как отец, как дед. Такая же судьба ждала Николая Чернышевского, сына саратовского протоиерея.

И в самом деле, с восьми лет мальчика отдали в духовное училище, а затем в духовную семинарию. Но Чернышевский переломил свою судьбу.

Способный от природы, с острой памятью и впечатлительным, пылким умом, жадно поглощавшим не только школьное, но и всякое знание, мальчик учился отлично. В восемь лет он уже знал латынь и греческий, а в десять — французский, немецкий, арабский. Интересовал его и татарский язык. И, чтобы утвердить свои знания, мальчик часто останавливал прохожих татар и говорил с ними на их родном наречии.

Что же могла дать юному Чернышевскому школа, в которой он учился? Ректором ее был архимандрит, инспектором — иеромонах, учителями — богословы. Обучали там постаринке, по старым учебникам XVIII века, которые, быть может, еще держал в своих руках Ломоносов.

Семинария напоминала бурсу — школу очень жестокую. Учеников били. Карцер никогда не пустовал. Всегда кто-нибудь сидел в нем и, заслышав шаги инспектора иеромонаха Тихона, человека очень тяжелого на руку, начинал жалобно петь по-церковному:

«Изведи из темницы душу мою...»

На что иеромонах Тихон неизменно отвечал:

«Меня ждут праведники, а ты, дурак, посиди еще».

Могла ли такая школа и такая жизнь удовлетворить одаренного юношу, его пытливость и любознательность — все те качества души и ума, какими обладал Чернышевский? И, сидя на семинарской скамье, он постоянно мечтал о Петербурге, об университете, который казался средоточием знания, храмом науки и мысли, куда стремились все помыслы тогдашних молодых людей.

Мечта его исполнилась, и Николай Чернышевский в почтовой карете на «долгих» отправился из Саратова в Петербург.

Он попрощался с Волгой, с ее раздольем, родившим столько славных легенд, с ее бурлаками, с ее купцами, с ее крепостным и прочим людом, с теми картинами детства, которые он постоянно носил в своей памяти и которые никогда потом не оставляли его.

В Петербурге началась новая жизнь.

Все в столице было иначе. Новые профессора, новые предметы, новые товарищи, не только поповичи, как это было в семинарии, но самые разные люди, которые съехались со всех концов России.

Здесь, в университете, Чернышевский впервые натолкнулся на революционеров, на людей, которые говорили, что крепостное право — это самая большая несправедливость, какая может быть в мире.

Чернышевский уже видел на Волге крепостных, но что происходит во всей стране, видеть не мог.

И только здесь, в общении с новыми товарищами, раздвинулся горизонт перед его глазами, и те картины бесправия народа, нужды и тяжелого труда, которые он хранил в своей памяти с детства, предстали перед ним в ином свете.

На Чернышевского нахлынули новые мысли, новые думы. И книги, которые читали в университете, были совсем другие книги, чем те, по которым его учили в семинарии. Он задумался над самыми основными вопросами жизни: верно ли все то, чему его учили в семинарии.

Выросший в религиозной семье, с детства привыкший верить в бога, Чернышевский с трудом расставался с этой верой.

Его любимым чтением стали книги Фурье и Сен-Симона, этих замечательных социалистов - утопистов, так убедительно показавших, что тот мир, который существует,— мир несправедливый, мир, основанный на угнетении человека человеком. Они искали путей, каким образом сделать все-таки человечество счастливым. Но они их не нашли. Новый мир, который они видели в своих мечтах, был таким прекрасным, таким чудесным, что казалось: стоит только об этом рассказать всем людям— и все заживут хорошо.

Чернышевский и сам в то время был мечтателем. Еще с детства изобретал он одну машину «перпетуум-мобиле» (вечный двигатель) и много лет работал над ней. Он думал, что этой машиной он сможет осчастливить человечество.

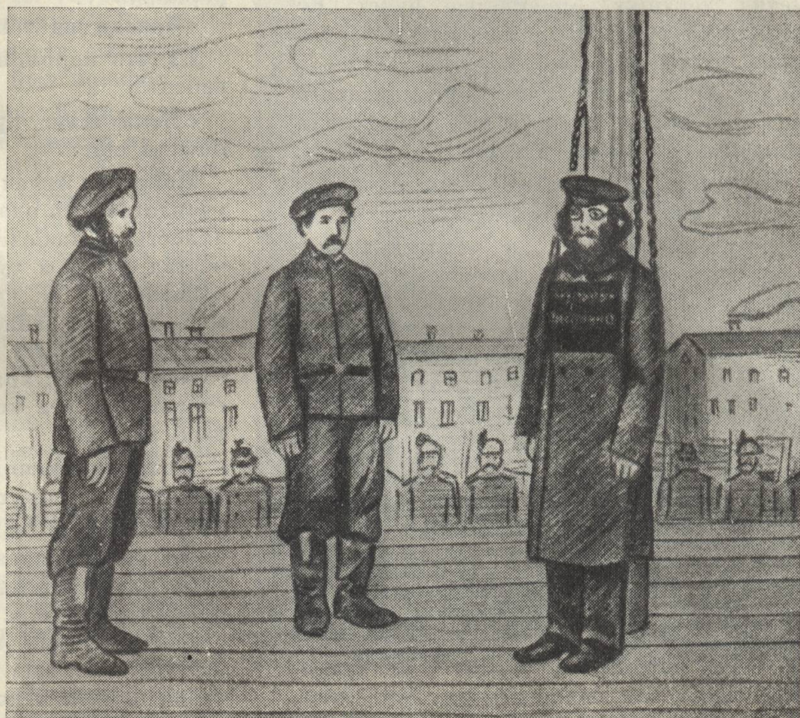
Конечно, он ее не изобрел. Но с годами он приобрел другое: твердое убеждение, что не деньги, не чудо, не перпетуум-мобиле, а только борьба может освободить человечество.

Это убеждение приходило не только из книг, не только из знаний, не только из долгих бесед с новыми друзьями: оно приходило из самой жизни и утверждалось ею.

Во время французской революции 1848 года каждый шаг французских социалистов интересовал Чернышевского, приводил в волнение его душу. Июньское поражение французских рабочих он переживал как собственное горе.

А когда он узнал из газет о разгоне Национального собрания в Германии, он заплакал и долго шагал по улицам Петербурга точно безумный, сам не замечая, как по лицу его текли слезы.

Чернышевский кончил университет молодым, но его мировоззрение уже в основном сложилось. И перед ним встал вопрос:



Чернышевский у позорного столба. *Рисунок очевидца.*

кем же ему быть, чтобы помочь своей родине и своему народу?

Его ждала карьера видного ученого. Но этот путь был узок для него. Что толку, если в России станет одним ученым больше! Будет ли от этого лучше народу?

И Чернышевский пошел по иному пути. Он решил, что главная его задача — быть просветителем, чтобы поставить свои обширные знания на службу народу, на службу его счастью.

Недолгое время он был учителем, но

это казалось ему малым для его сил. Более широкое поле привлекало его.

Журналы в то время играли особую роль в политическом воспитании общества. Газет было мало, да и те находились под жесточайшей цензурой Николая I. И только журналы в какой-то мере могли быть трибуной для писателя, для критика, для политического деятеля.

Чернышевский выбрал путь журналиста, стал сотрудником «Современника». Это тот самый «Современник», который основал Александр Сергеевич Пушкин, в котором работал когда-то «неистовый Виссарион» Белинский и который во времена Чернышевского вел поэт Некрасов. Почти все замечательные русские люди принимали участие в этом журнале: и Лев Николаевич Толстой, и Тургенев, и Григорович, и много других.

Чернышевский становится душой журнала. Ни одно движение общественной жизни и мысли не обходит перо Чернышевского. Философия, критика, политическая экономия — все служит ему для борьбы с самым страшным самодержавием в мире — с русским самодержавием.

Чернышевский становится самым смелым борцом за освобождение крестьян, самым грозным противником царя и помещиков. Он требует не только освобождения крестьянских душ, но освобождения крестьян с землей за счет помещичьих угодий.

Эта борьба не проходит для Чернышевского даром.

В 1862 году он попадает в Петропавловскую крепость и, заключенный в ее казематы, проводит узником целых два года.

Там, в Алексеевском равелине, он написал самую замечательную из своих книг — роман «Что делать?»

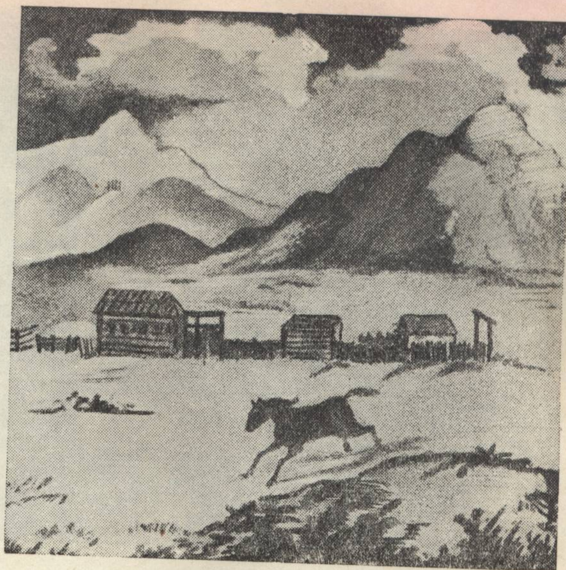
«Что делать,— спрашивал Чернышевский,— когда народ твой несчастен и живет в нищете и рабстве?»

И он отвечал:

«Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно!»

★

На другой день после «гражданской казни» у ворот Петропавловской крепости ждал Чернышевского удобный легкий тарантас. Его купили родные, они заготовили все, что нужно было для дальней дороги. Но жандармы увезли Чернышевского поздно вечером, тайком от всех. Правительство боялось, что по дороге могут



Поселок Кадай.

напасть на конвой и освободить узника. До самого Ярославля ехал вслед за ними специальный жандармский офицер.

Проехать на лошадях три тысячи километров по тряской дороге через леса, степи и горы было трудно и для здорового человека. А Чернышевский был слаб здоровьем, ехал в кандалах, да и два года сиденья в казематах Петропавловской крепости давали себя чувствовать. Только через три месяца утомительного пути прибыл он в казачий поселок Кадай, на рудниках Нерчинского округа, около границы Монголии. Поселили его в небольшом деревянном домике, на склоне горы. Место было глухое и тоскливое, кругом одни голые сопки без лесов, без деревьев. Деревянные кресты на скалах напоминали об участи тех, кто здесь живет. Чернышевский застал здесь больного, умирающего поэта Михайлова, любимого своего товарища по университету и сотрудника по «Современнику». Невеселая была встреча!

Домик Чернышевского был плохо проконопачен, и во время зимних бурь в нем гулял ветер. Одинокий, больной ревматизмом Чернышевский писал домой письма, что он «здоров и доволен, действительно доволен» и находит, что ему даже совестно было бы жаловаться, так его положение «безбедно, безобидно, покойно».

Через два года Чернышевского перевели в тюрьму при Александровском заводе, в тридцати километрах от Кадая.

Здесь он встретил других политических ссыльных. Жил он один в камере, вход к

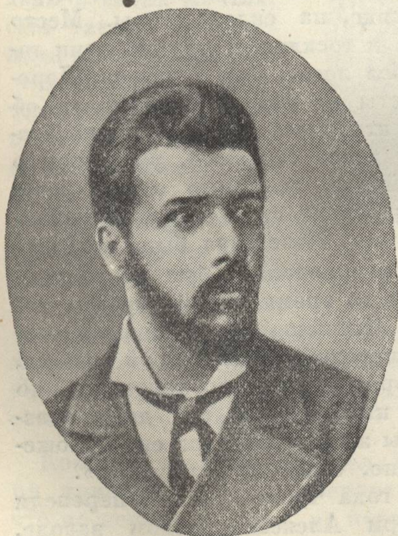
Сыновья Чернышевского Александр и Михаил. Такими он оставил их, уезжая на каторгу.

нему был свободный, хотя у дверей постоянно дежурил казак. Скоро все полюбили этого тихого человека, который стал университетом для одних, примером бодрости и стойкости для других.

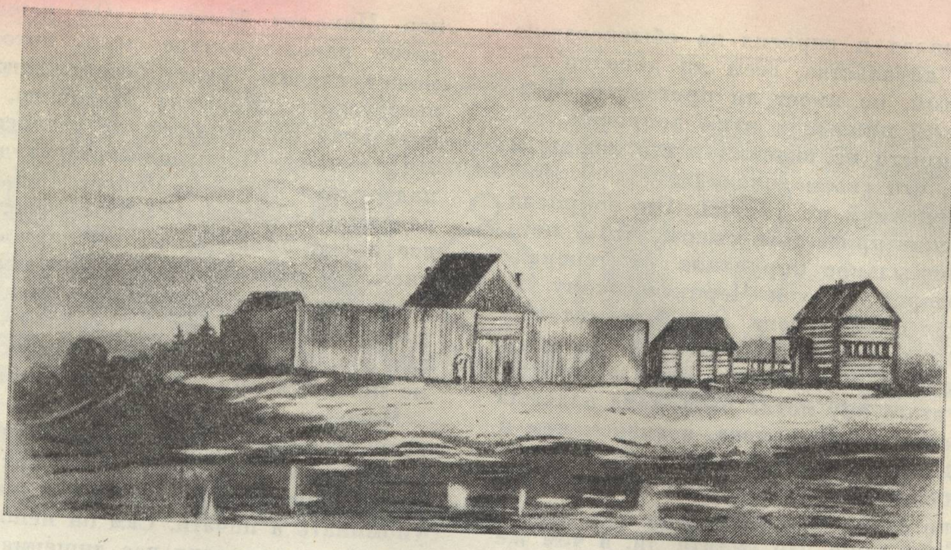
Чтобы убить тюремную скуку, заключенные стали устраивать спектакли. Чернышевский написал несколько комедий, и товарищи его разыгрывали их на сцене. Его комедии были занимательны, и они не только скрашивали монотонную, однообразную тюремную жизнь: в легкой форме автор откликался и на серьезные вопросы жизни.

Чернышевский был замечательный рассказчик. Он читал товарищам целую повесть, все следили за судьбами ее героев. А автор читал целыми вечерами и неторопливо перелистывал страницу за страницей. Однажды очень любопытный и увлекшийся слушатель заглянул сзади в эту тетрадь и застыл от удивления: автор перелистывал чистенькие, белые, ничем не исписанные листы.

Беллетристикой Николай Гаврилович занимался не только для развлечения товарищей. Во время прощального свидания в Петропавловской крепости он сказал своим друзьям, что на каторге будет много писать и постарается посылать свои статьи в «Современник». Если их нельзя будет печатать за его подписью, то советовал придумать псевдоним. Для серьезной научной работы на каторге не хватало книг. Да беллетристику, пожалуй, писать и вернее: ее скорее пропустит цензура. Николай Гаврилович знал об успехе своего романа «Что делать?» И в тюрьме он работал так же продуктивно, как на воле. Но «Современник» был закрыт царской цензурой, да и посылать рукописи так, чтобы их не видело жандармское око, было трудно. Узнику осталось ждать конца срока своей ссылки.



А вот такими встретил Чернышевский своих сыновей, вернувшись из ссылки.



Вилюйский острог.

Каждые десять месяцев жизни на каторге считались за год. В июле 1870 года, по закону, кончался срок каторжных работ Чернышевского, но никакой перемены в его судьбе не произошло. Николай Гаврилович стал ждать *последний*, седьмой год, тогда исполнялся полный срок приговора без всяких скидок. Товарищи один за другим покидали тюрьму, а он все ждал и ждал. Он перестал даже писать повести, чтобы не увеличивать багажа. Думалось, что его, как и всех, переведут в большой город и разрешат заниматься литературной работой.

Он остался таким же, как был,— крепким борцом, неутомимым тружеником,— он сохранил за эти девять лет крепости и тюрьмы веру в свое дело и в свои силы. Ему жаль было жену, детей, а в своих действиях он не раскаивался. Подводя итоги своей жизни, он писал жене в январе 1871 года:

«А что касается лично до меня, я сам не умею разобраться, согласился ли б я вычеркнуть из моей судьбы этот переворот, который повергнул тебя на целые девять лет в огорчения и лишения. За тебя я жалею, что было так. За себя самого совершенно доволен. А думая о других — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги, придано больше прежнего силы и авторитетности моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их».

Чтобы этот мощный голос не зазвучал снова в защиту нищих, то есть в защиту всех угнетенных и обездоленных, правительство нарушило все свои законы. Когда кончился срок каторжных работ, Чернышевского не освободили. В декабрьские сибирские морозы под конвоем жандармов его перевезли на крайний север Якутской области, в городок Вилюйск.

«Вилюйск — это только город по названию,— писал он потом.— В действительности, это даже не село, даже не деревня в русском смысле слова — это нечто такое пустынное и мелкое, чему подобного в России вовсе нет».

Три десятка деревянных домишек да несколько якутских юрт-землянок со льдинами вместо стекол — вот этот «городок», отрезанный от всего мира. Чернышевский был помещен в «лучшем здании» города. Надо ли говорить, что этим лучшим зданием была тюрьма. В этой тюрьме он был единственным жильцом.

Чернышевский понял, что правительство решило схоронить его заживо. Нужна была железная воля, чтобы перенести этот удар. Удар был так неожидан, так жесток, что он потряс даже Чернышевского. Нужно было сохранить свою жизнь в этом гнилом мерзлом месте, сохранить свой ум, свою волю.

Возможность получить свободу была. Летом 1874 года в Вилюйск прибыл адъютант генерал-губернатора. Он приехал для ревизии, и ему было разрешено поговорить с Чернышевским. Он не застал Чернышевского в остроге, и жандарм сказал ему, что арестант вышел погулять. Адъютант пошел к озерку и увидел там узника у беседки, которую он сам сделал. Адъютант

представился и спросил по обыкновению всякого начальства, всем ли доволен заключенный, не имеет ли претензий. Чернышевский привык к этим вопросам, которые ничего не вносили в его жизнь, и ответил, что «всем доволен».

Но приезжий не уходил. Он попросил разрешения присесть и сказал, что у него есть специальное поручение от генерал-губернатора лично к Чернышевскому. И он подал ему бумагу. Это был готовый текст прошения о помиловании, который Чернышевский должен был подписать. После этого ему могла быть дана надежда на перевод из Вилюйска, а современем и на возвращение на родину.

Чернышевский молча взял бумагу, внимательно ее прочел и сказал:

— Благодарю. Но видите ли, в чем же я должен просить помилования? Это вопрос... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер,— а об этом разве можно просить помилования? Благодарю вас за труды,— закончил он.— От подачи прошения я положительно отказываюсь.

Можно было купить свободу ценой отказа от своих убеждений, ценой потери личного достоинства. От такой «свободы» Чернышевский отказался с необычайной простотой и решительностью.

Через год, в июле 1875 года, в Вилюйск приехал жандармский офицер Мещеринов. Он явился к исправнику и предъявил ему бумагу иркутского жандармского управления. В этой бумаге предписывалось оказать ему содействие к отправке государственного преступника Николая Чернышевского во вновь назначенное для него место жительства, в город Благовещенск.

Исправник удивился: жандармский офицер, которому поручено было такое важное дело, приехал без конвоя. Кроме этой бумаги от губернатора не было никаких сообщений об участи Чернышевского. Исправник сообразил, что он, пожалуй, имеет дело с самозванцем, и категорически отказался выдать Чернышевского. Он не разрешил даже жандармскому офицеру произвести обыск в камере Чернышевского. Тогда офицер сказал, что он поедет в Якутск за подтверждением. Исправник дал ему в провожатые двух казаков.

По дороге офицер выстрелил в них и, бросившись в лес, скрылся. Через месяц он был пойман. Это оказался революционер Ипполит Мышкин. Он решил, что самое революционное дело, которое он может сделать, будет освобождение Чернышевского. Попытка Мышкина, исключительная по смелости, не удалась.

Положение Чернышевского ухудшилось, надзор над ним стал строже. Больной, без надежды на свободу, Чернышевский почти все время проводил за чтением и писанием. Он писал романы и научные статьи. Но надежда на то, что это может быть когда-нибудь напечатано, пропала. Он сжигал все, что писал, уничтожал все, чтобы не попалось при обыске жандармам.

Человек, который мог быть учителем всей страны, обучал грамоте урядников, охранявших его. Имя его, как в свое время имя Белинского, было запрещено упоминать в печати. Сам он непоколебимо и стойко переносил все лишения, болезни и одиночество. Все ходатайства его сыновей, его близких натыкались на какую-то каменную стену. Еще в 1864 году поэт Алексей Толстой был приглашен на царскую охоту. Его случайно поставили рядом с императором. В ожидании, пока поднимут зверя, царь вполголоса разговаривал с Толстым. На вопрос царя, что делается в литературе, поэт ответил, что «русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского».

Царь прервал его и строго сказал:

«Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мне о Чернышевском».

И каждый раз, когда Александру II напоминали об осужденном писателе, участь Чернышевского ухудшалась.

И только после смерти царя, когда Чернышевский пробыл девятнадцать лет на каторге, ему было разрешено переселиться в Астрахань, а потом в Саратов. Здесь умер он пятьдесят лет назад, выдержавший двадцатилетнюю пытку, измученный, но верный своим идеям, своему прошлому. Мы вспоминаем его, великого просветителя народа, несгибаемого революционера, великого мученика, отдавшего жизнь за народ и за социализм.

«В Сибири, у Владимира Ильича, был альбом,— писала Надежда Константиновна Крупская,— в котором были карточки тех писателей, которые имели на него особое влияние. Там наряду с Марксом и Энгельсом, наряду с Герценом и Писаревым были две карточки Чернышевского, а также карточка Мышкина, который пытался освободить Чернышевского».

КОМПАС

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 32

Освобожденные земли

И. Думитрашко,
старший научный сотрудник Института географии Академии наук СССР

Западная Белоруссия и Западная Украина занимают широкие равнины. На юге, вдоль границы с Чехией и Румынией, Западная Украина окружена поясом высоких лесистых гор — Карпат. Отроги Карпат, которые возвышаются над плодородными землями Западной Украины, называются Восточными Бескидами. Это удивительно живописные горы с закругленными вершинами и крутыми склонами. Они покрыты густыми темнозелеными лесами. Глубокие ущелья прорезают горы. На дне их ревут и пенятся быстрые реки. С бешеной силой несутся они по камням. Миллионы брызг и облака водяной пыли висят над порогами и водопадами. Причудливые скалы, напоминающие башни, столбы, колонны, украшают склоны и гребни гор. Такие замысловатые формы вытачивают вода и ветер в легко разрушающихся песчаниках, из которых сложены Карпаты. Восточные Бескиды по внешнему виду и по высоте напоминают Урал.

В голоде и нищете жили при панской власти трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии. На снимке: ребята деревни Прокоповичи, Гродненского уезда.

Но до сих пор в Восточных Бескидах не найдено таких ценных полезных ископаемых, как на Урале. Самое большое богатство восточных Карпат —

это нефть. Главные месторождения нефти расположены к югу от Львова, вокруг городов Борислава, Коломыи и Дрогобыча. Кроме нефти здесь добывают также и горный воск — озокерит. К северу от Львова имеются залежи бурых углей. У Дрогобыча найдены пласты каменной соли. В южной части Западной Украины в темных, шоколадного цвета сланцах часто находят черные круглые шары величиной с кулак. Это фосфориты Если их раздробить и размолоть, то получится ценное удобрение для полей.

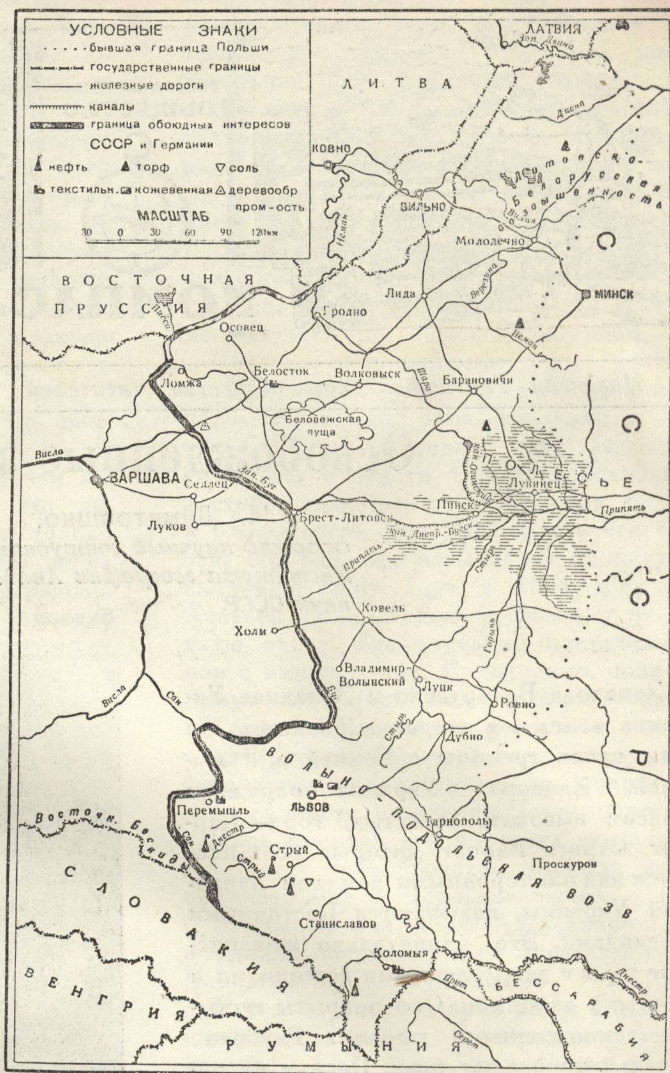
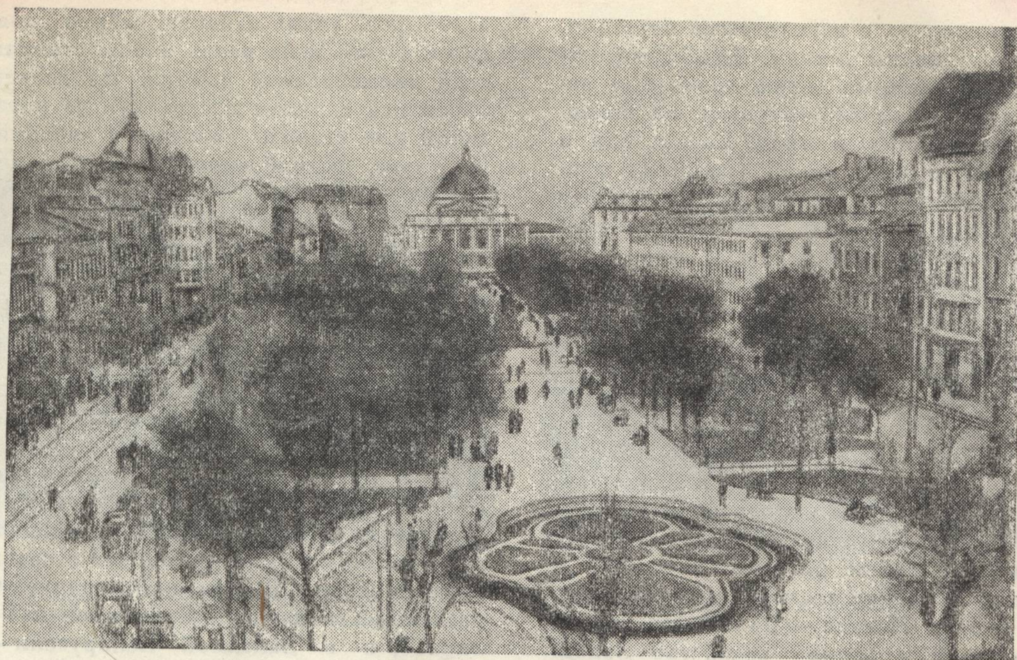


Схема карты Западной Украины и Западной Белоруссии.

Польское правительство мало занималось разведкой полезных ископаемых в Западной Украине и Западной Белоруссии. Но очень возможно, что если приняться за поиски горных богатств Карпат советскими, стахановскими темпами, то их будет найдено гораздо больше.

На северовостоке к подножию Карпат примыкают возвышенности Люблинская и Волыно-Подольская. Они покрыты прекрасными плодородными, черноземными почвами. Волыно-Подольская возвышенность протягивается далеко на юговосток, в пределы Советского Союза. Ее поверхность ровна как стол. Поэтому эту возвышенность часто называют Волыно-Подольским плато. Это широкая, гладкая степь, покрытая полями. Притоки Днестра, Прута и Западного Буга изрезали ее глубокими долинами. В долинах рек и старых, заросших оврагах с пологими склонами — балках — зеленеют кудрявые дубовые и буковые леса, расположились белые мазанки сел, шумят водяные мельницы. Если с реки смотреть на долину, то кажется, что находишься в горах: настолько глубока эта долина и круты ее склоны. Но когда едешь по степи, нельзя даже представить, что рядом находится долина, на дне которой ютится село. Только лай собак показывает, что близко человеческое жилье.

На севере Волыно-Подольская и Люблинская возвышенности поднимаются крутыми уступами над Полесской низменностью. Это край непроходимых болот и песков. Кругом болота, поросшие пушицей, мягким ковром мхов, соснами и елями. То тут, то там блестят озерца и озера, зарастающие болотными травами. Это опасные трясины и



Древнейший город Западной Украины — Львов.

пучины. Издали они кажутся зелеными лужайками среди болотистого леса. Но если ступить на обманчивую изумрудную поверхность, ноги погружаются в полужидкую тину. Человек делает судорожные движения, чтобы освободиться,— и погружается в тину еще глубже. Тонкий ковер болотных трав, которые покрывают трясину и плавают на поверхности воды, прорывается — человек теряет почву под ногами и погружается в воду. А над местом его гибели снова смыкается ковер зеленых трав.

При польском правительстве бездорожье и малярия царили среди бесконечных Полесских болот. Но теперь изменится облик этого края. Советские инженеры и техники осушат болота. Гладкие, асфальтированные шоссе пересекут глухие леса. Там, где были непроходимые топи, протянутся телеграфные и электрические провода.

Извиваясь широкими изгибами, медленно катят Припять и ее притоки свои воды среди болот и песков. Эти пески отложились десятки тысяч лет тому назад. Это было в далекую, суровую ледниковую эпоху, когда с севера медленно полз гигантский ледник. Но потом климат стал теплее, ледник начал таять. Широкие, мощные потоки талых вод вытекали из-под ледника. Они накопили всю ту массу песков, которую всюду встречаешь в Полесье. Позже сухие ветры развеяли пески в одних местах, а в других насыпали целые песчаные горы — дюны. Ветры превратили Полесье в настоящую песчаную пустыню. Теперь от «пустыни» не осталось и следа. Полноводные реки перемыли и переотложили пески Полесья. Дюны заросли лесами.

На севере Белоруссии ледники отложили глины и суглинки [1]. Они образовались потому, что ледник перетирал и перемалывал различные камни, которые он встречал на своем пути. Часть этих камней сохранилась до сих пор. Это отполированные, сглаженные ледником валуны. Ледник принес их издалека, из скандинавских стран.

Из валунов и глин ледник нагромоздил местами живописные холмы — морены. Особенно много холмов расположилось в тех местах, где был раньше край ледника. Между ними попадаются

[1] Суглинок — песчанистая глина.

светлые озера с извилистыми берегами. Повсюду видны заливы, небольшие островки. Огромные серые гранитные валуны лежат на берегах озер, на поверхности холмов и гряд. Сосны, ели и пестрые полосы полей украшают пейзаж. Извилистые ленты ручьев и речек соединяют озера. По этим рекам с низкими, болотистыми берегами легко можно проехать из одного озера в другое. Вот почему еще до мировой войны, когда этот край принадлежал России, здесь было построено несколько каналов. Каналами соединены главнейшие реки Западной Белоруссии: Неман, Припять и Западный Буг. Но каналы, соединяющие реки, старые и заброшенные. Их никто не поддерживал во время польского владычества. Поэтому плыть по таким каналам неудобно и трудно. Это—не то, что путешествовать по каналу Москва — Волга! Но теперь изменится и водное хозяйство Западной Белоруссии. Починят старые каналы, пророют новые. Сотни блестящих катеров и пароходов заснуют по каналам и рекам, которые соединят между собою воды, текущие в Балтийское и Черное моря.

Польское правительство смотрело на Западную Украину и Западную Белоруссию как на свои колонии. Отсюда польские паны брали все, что могли только взять: разнообразное сырье, дешовые рабочие руки. Взамен не давали ничего. Поэтому сельское хозяйство и промышленность Западной Украины и Западной Белоруссии развиты гораздо меньше, чем это позволяют природные богатства.

Большое богатство Западной Украины и Западной Белоруссии — это прекрасные леса: дубы и буки на юге, сосны на севере. Но польские паны уничтожали огромные участки лесов, не заботясь о том, как сохранить молодой подлесок, который в будущем может заменить вырубленные леса.

Тысячу лет назад, когда на берегах Днепра существовало Киевское государство, в дремучих лесах Западной Украины и Западной Белоруссии жили славянские племена волынян, бужан, хорватов, кривичей, дреговичей и радимичей. В лесах тогда водилось много медведей, коз, диких кабанов, зубров [1], волков и лисиц, а на реках бобры строили свои замысловатые домики. На зверей охотились с луком и стрелами да рогатиной или ставили капканы и западни. Из ульев, выдолбленных в стволах деревьев — бортей,— собирали мед и воск. Сеяли пшеницу, овес, рожь, ячмень, просо, горох и лен. Киевским князьям приходилось платить большую дань. А когда эти князья собирались в походы, предки западных белоруссов и украинцев должны были в них участвовать. Они надевали кольчуги, похожие на длинные рубашки, из железных колец, вооружались тяжелыми мечами.

Но в двенадцатом веке Киевское княжество распалось на несколько мелких государств, в каждом из них «сидел» свой князь, который враждовал с соседними князьями. В Западной Украине образовались княжества Волынское и Галицкое, а в Западной Белоруссии — Пинско-Туровское и Полоцкое. Волынское и Галицкое княжества скоро объединил князь Роман Галицкий. Галицкие князья воевали со своими западными соседями: поляками, венграми и литовцами.

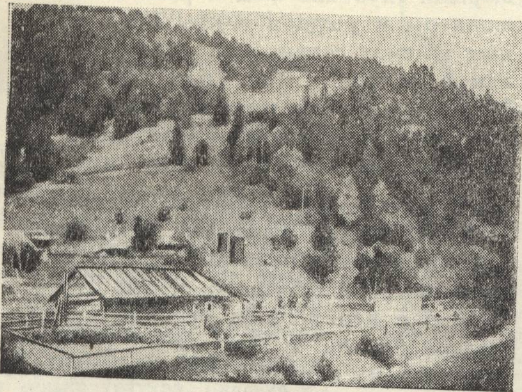
В первой половине тринадцатого века на восточную часть русских земель нахлынули орды татар и монгол. Тысячи всадников на лихих скакунах налетали на славянские города и селения. Ярким пламенем пылали сухие, смолистые, деревянные постройки, сизый дым заволакивал улицы. Много награбленного добра, сотни пленных увозили с собой татары.

Хотя татары и не захватили Галицко-Волынские земли, но по их требованию были разрушены военные укрепления на Волыни. Это значительно подорвало силы Галицко-Волынского княжества. А позже, в четырнадцатом веке, на Галицко-Волынские земли двинулись объединенные польские и венгерские войска. После упорной борьбы Западная Украина была присоединена к Польше.

К тому же времени Западная Бело-

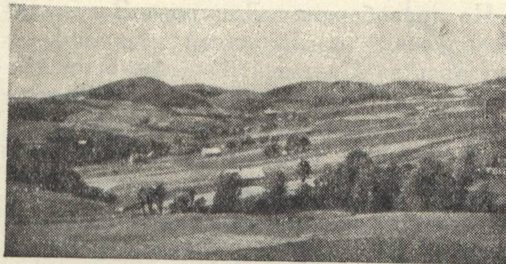
[1] Зубр — особый вид быков, которые раньше водились в лесах Западной Белоруссии и Западной Украины и до мировой войны сохранились в заповеднике «Беловежская пуща».

Освобожденные земли



Предгорья Карпат называются Восточными Бескидами. Среди них раскинуты деревни.

Круты берега Днестра в Западной Подолии.



В окрестностях Львова - холмистая местность.

Деревня в Восточных Бескидах около Станиславова.

На реке Пине, около Пинска.

Нефтяные промысла около Борислава.

руссия была завоевана Литвой. Это произошло потому, что белорусские земли разделились на несколько княжеств, враждовавших между собой. Враг не встретил единого отпора. Литовцам принадлежала и Восточная, Надднепровская Украина. Но победители-литовцы были менее культурны чем побежденные. Они восприняли более высокую русскую культуру. Поэтому литовское владычество в Белоруссии и Восточной Украине не было таким тяжелым, как польское на Западной Украине. Но в 1569 году Литва и Польша объединились в одно государство, и тогда Западная Белоруссия и Восточная Украина наравне с Западной Украиной почувствовали всю тяжесть польского гнета.

Хуже всего было крестьянам. У них отбирали землю, заставляли работать на польских панов, жестоко расправлялись с непокорными. Прививались польские язык и законы. Насилиям польских панов над белоруссами и украинцами не было предела.

Сотни и тысячи беглецов потянулись из тяжелых цепей панской неволи в далекие южные степи. Тогда степи на юге Украины были почти необитаемы. В высоких степных травах безбрежной степи могли скрыться всадник с лошадью.

Сюда бежали все недовольные польскими порядками. Так создавалось украинское казачество. На «Низу», т. е. на нижнем Днепре, на песчаных островах, поросших гибкими лозами, ниже пенящихся днепровских порогов, казаки устроили свой неприступный лагерь — Запорожскую Сечь. Отсюда казаки совершали набеги на крымских татар и турок, они «окуривали мушкетным[1] дымом» стены Стамбула и заставляли дрожать самого султана. Налетали казаки и на польских воевод, управлявших украинскими землями, поддерживали восстания крестьян против панов-поляков. А таких восстаний было немало.

Особенной силы достигли они в середине семнадцатого века, когда во главе казаков стал Богдан Хмельницкий. Войска Хмельницкого разбили польских панов под местечком Корсунем. Под натиском казаков поляки дрогнули, смешались, бежали. А на дороге, по которой ринулись польские войска, казаки вырыли глубокие ямы и рвы. Польские жолнеры и рыцари в крылатых железных шлемах сотнями падали в эти рвы, как в ловушку. Так была уничтожена 16 мая 1648 года польская армия, а ее полководцы — гетманы Потоцкий и Кальновский — взяты в плен.

Вся Восточная Украина, Волынь и Подолия были охвачены восстанием. Горели имения польских панов, и зарево пожаров освещало степи. Долго и упорно с переменным успехом продолжалась борьба с Польшей. Наконец, украинскому народу стало ясно, что без помощи единокровного великого русского народа Польшу не одолеть. 8 января 1654 года в Переяславе был подписан торжественный акт о присоединении Украины к Московскому государству.

Но правобережье Днепра — Западная Белоруссия и Западная Украина — осталось за Польшей. Оно было присоединено к России только через 140 лет, при Екатерине II, во время раздела Польши, после упорной и долгой войны.

Когда после мировой войны, в 1918 году, была создана Польша как самостоятельное государство, Западная Белоруссия и Западная Украина снова оказались во власти польских панов. Возродились старые национальные притеснения. Преследовали украинский и белорусский язык. В школах преподавание велось по-польски. На крестьян смотрели как на рабочий скот — «быдло», как говорили польские паны. Нищета и голод царили среди крестьян и рабочих, безработица была бичом интеллигенции.

От векового гнета народы Западной Украины и Западной Белоруссии освободили их советские братья. 17 сентября 1939 года войска Красной Армии перешли польскую границу, открыв трудящимся Западной Белоруссии и Западной Украины путь к новой, солнечно-радостной жизни.

[1] Мушкет — старинное ружье.

Красавица Ангара

(Бурятская сказка)

М. Дурденевская

У старика Байкала было 333 сына (по бурятскому счету, в Байкал впадает 333 реки) и одна дочь — красавица Ангара. Сыновья день и ночь работали и, что заработают,— в дом несли. А Ангара совсем на них не походила: ничего не зарабатывала, а только тратила. Сколько бы братья ни заработали, все ухитрялась потратить Ангара: нарядов себе накупит, подружек угостит и одарит, а то и просто так расшвыряет. Терпел, терпел старик Байкал, наконец, рассердился и запер свою дочь. Однако отцовское сердце—не камень: из дому он ее не пускал, а дома гостей принимать позволял.

Однажды пришли странствующие певцы позабавить красавицу. Много песен спели они. Больше всего ей понравились песни о подвигах северного богатыря Енисея. Полюбила Ангара богатыря и решила бежать к нему.

Целую ночь точила она утесы, которые закрывали выход, и лишь наутро удалось ей пробиться. Побежала она, да на радостях не остереглась и зашумела. (Исток Ангары очень порожист, и река там действительно сильно шумит.) Проснулся Байкал, хватился дочери, но не догнал. Только со злости швырнул в нее камнем, камень тот и до сих пор лежит — это Шаманский камень в истоках Ангары.

Возможно, что Иркут до великого оледенения действительно впадал в Байкал: между ними тянется полоса мерзлых наносов, похожих на отложения большой реки, вытесненной льдом из своей долины. Это долины речек Ильчи и Култучной, показанные на карте точками.

А на самом деле Иркут был оттеснен лавовым потоком, который заставил его повернуть...

...при этом Иркут попал в долину одного из притоков Ангары и занял эту долину.

Убежала Ангара. Позвал Байкал любимого сына Иркута и послал его в погоню за сестрой.

Побежал Иркут на запад, к истокам Енисея.

Да увидел с горы, что Ангара на север бежит, повернул и кинулся наперерез...

Тем временем Ангара уже далеко убежала, но увидала брата и поняла, что ей от него не спастись. Только она хитрая, эта Ангара. Как подбежал к ней Иркут да схватил, она ему и говорит: «Братец милый, не веди меня к отцу: он сейчас сердит. Меня он снова запрет, да и тебе попадет, что так долго в горах плутал. Побежим лучше вместе к богатырю Енисею: буду я ему красавицей-женой, а ты верным оруженосцем». Так и убежали Ангара с Иркутом к Енисею. А потом они обратились в реки и до сих пор так текут...

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Юные географы и геологи! Карты, приложенные к этой сказке, совершенно точны. Постарайтесь по ним прочесть историю местности. В частности просим вас:

1) Ответьте, во сколько раз уменьшена местность на этих картах и как вы это узнали.

2) Срисуйте на прозрачную бумагу карту № 4 и нанесите на ней: а) вероятную доледниковую долину Иркута и б) лавовый поток, пересекший ее в направлении его течения.

Фамилии приславших правильное решение будут напечатаны в журнале.

ИГОРЬ ДМИТРИЕВ ездил с геологической экспедицией ребят в Крым изучать вулканическую группу Карадаг. Игорь прислал страничку из дневника:

«Сегодня наша бригада идет искать спуск в бухту «Ивана-разбойника». Ее образует скала, которая названа по имени разбойника Ивана, который будто бы заводил в эту бухту купеческие корабли, грабил их там, а корабли топил. Бухта со всех сторон защищена скалами и только с югозапада открыта морю. Мы жили в «Костровой пещере» и, прежде чем дойти до бухты, проходили по горной тропинке мимо скал: «Конь-пряник», «Киров-кая» («кая» — по-татарски «скала»). Вот мы над бухтой, внизу обрыв, а перед нами зеленый простор моря. Осторожно начинаем спускаться, собирая по дороге образцы минералов и горных пород. Встречаются жилы сердолика, халцедона, кальцита, агата. Вот мы спустились ближе к обрыву, еще немного — и перед нами бездна — обрыв падает градусов под 85. Решили спускаться стороной, где лежит «живая осыпь». Это такая осыпь из обломков камней, что когда на нее встанешь ногой, она начинает двигаться и увлекает за собой человека. Карабкаемся по скалам. Все ниже и ниже спускаемся; где ухватишься за кустик травы, где — за камень. Над нами летают с криком грифы. Впереди идет наш руководитель, за ним спускаемся мы. Вот он ступил на осыпь и как на лыжах задвигался вниз вместе с камнями, увлекающими его, за ним съезжаем мы. Ну вот мы уже и в бухте... Я подбежал к отвесному гротику, обрывающемуся к воде. Стенки грота зашевелились, что за чудо? Вдруг как горох в воду повалились со стенок крабы; упадут в воду и под камень боком, боком,— скоро и не поймаешь. Оказывается, весь грот был усеян крабами, они прикрепились к камням и грелись на солнце.

Мы свою задачу выполнили, нашли спуск в бухту, до нас там было только несколько человек».

ПАРФЕН БАСТАН (рудник Кумак, Чкаловской области) рассказывает об интересной находке:

«Недавно, копая колодец во дворе школы, рабочие на глубине пяти метров увидели странный белый камень. Сначала на него не обратили внимания и хладнокровно вырубали его кайлом. Но камень поддавался трудно, хотя и крошился. Рабочие сказали о находке директору школы. Тот предложил окопать камень со всех сторон. Он оказался огромным бивнем мамонта. Толщина его была в диаметре около 35 сантиметров. Откуда мамонт мог взяться в Чкаловской области? Ведь мамонты, как известно, жили на севере, в Сибири. Я просмотрел песок, в котором был найден бивень. В песке было очень много окаменевших водорослей и ракушек. Из этого я заключаю, что мамонт затонул в реке. Место находки находится от русла реки Кумак в километре. Неужели раньше здесь было русло реки? Я осмотрел ряд шахт, находящихся недалеко от школы. В них также встречаются слои песка и водорослей Я думаю так: раньше Кумак имел русло, которое проходило как раз на месте школы с юга на север, и постепенно оно отклонялось все дальше на запад. Чтобы пройти километр на запад, реке требуется, конечно, много тысяч лет. Следовательно, наш Кумак — очень старая река. Берега реки представляют невысокие скалы метров в 10 высотой. Скалы эти главным образом состоят из гранита, они довольно пологие, без обрывов».

П. Гаврилов *Рис. В. Щеглова*

Последний патрон

Белые взорвали мост через Дон, но луганцы не отступили. Они начали строить новый мост. Ничто не могло остановить их. Луганцы пробивались к Царицыну, к своим, к Красной Армии, к Сталину.

В то самое время, когда первые тачки земли и камней были сброшены в Дон, белоказаки, выполняя приказ генерала Мамонтова, попробовали одним жестоким налетом завладеть эшелонами.

Ворошиловцы ответили дружным, сокрушительным огнем и яростной контратакой. Не ожидав ничего подобного, противник растерянно отхлынул на исходные позиции. Наступила короткая передышка. Обе стороны занялись перегруппировкой своих сил, прощупывая друг друга разведкой и короткими рукопашными стычками.

Над расположением красных войск появился и закружил над мостом первый самолет противника. Ожидали бомбы, но самолет, словно в каком-то сомнении, зашел на третий круг.

Да и было чему удивиться летчикам! То, что они увидели сверху, было похоже на гигантскую муравьиную работу: составы, груженые песком, щебнем, камнем и землей, один за другим подходили к берегу. С удивительной быстротой и ловкостью, в тучах желтой пыли, тысячи людей наполняли тачки и носилки, бежали по сходням к реке, опрокидывали землю в реку и торопились обратно.

Дон жадно глотал все, но только мутнел у берега и, презрительно фыркая пеной, катил величавые воды дальше, своей дорогой. Красные захотели насыпать второе дно. Это могло показаться страшным, но летчикам показалось смешным. Закончив четвертый круг, самолет улетел.

Он вернулся через день и сбросил листовки, подписанные атаманом Красновым. Атаман называл затею с мостом безумным бредом, хвастливо перечислял свои силы и предлагал красному командованию одуматься, в пятидневный срок покинуть эшелоны, сдать оружие и возвратиться по домам. В противном случае атаман грозил огнем, мечом и поголовным уничтожением.

Летчики с удовольствием наблюдали за тем, как их листовки там, внизу, красные расхватывали, чуть ли не вырывая друг у друга. Когда же им приветственно замахали руками, картузами и папахами, летчики окончательно убедились, что красные с посланием атамана согласны.

А на самом деле летчиков благодарили за даровую бумагу. С табаком ворошиловцы кое-как перебивались, мешая остатки махорки с дубовыми листочками, но с бумагой дело было дрянь. Чего не было, того не было...

Продолжая разведку, самолет полетел к эшелонам. Вот они, загадочные донбасские корабли, выгрузившие свой десант!

Эшелоны стояли друг за другом бесконечной вереницей. Их трудно было сосчитать. Около вагонов неспеша ходили женщины. Мирные дымки костров курились вокруг эшелонов. И лишь ребятишки да собаки бежали навстречу самолету. Табор, настоящий табор на колесах!

Вдруг летчики стали внимательнее: на всем двадцативерстном расстоянии вокруг эшелонов красные рыли окопы, линии заграждения. Тут и там передвигались войска, пылили батареи, вон скачут куда-то пять всадников. Уж не Ворошилов ли это со своим штабом? Летчики пошли было на снижение, но по самолету начали жарко стрелять. Надо было возвращаться к своим...

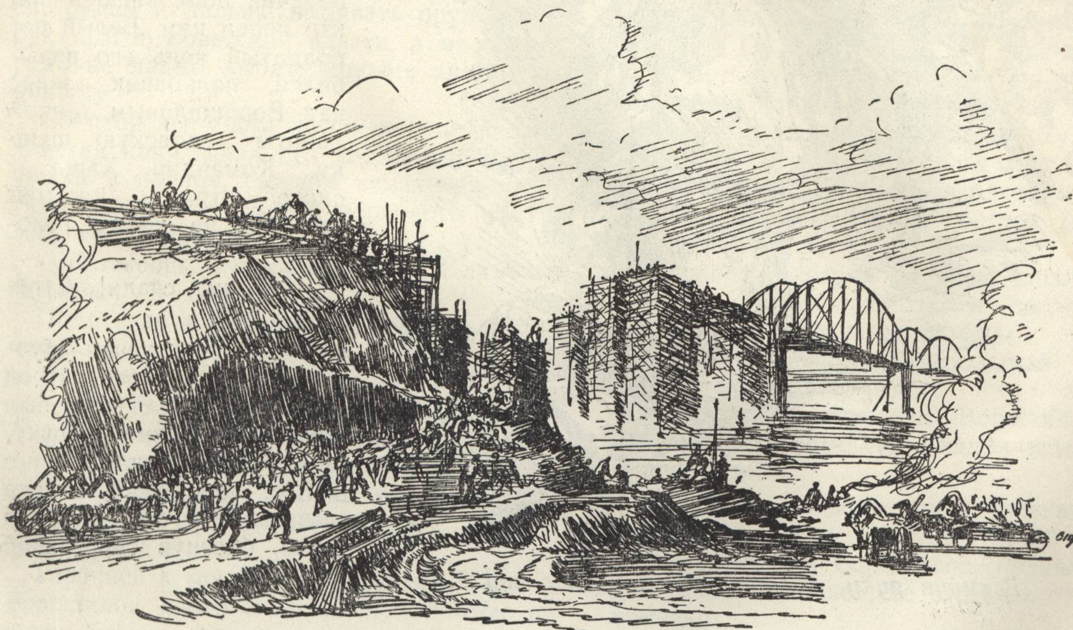
Сейчас же после воздушной разведки генерал Мамонтов ударил по станции Ляпичев, на левом берегу Дона, надеясь быстро ее захватить и оттуда, артиллерийским огнем, разметать большевиков у моста. Но Ворошилов, опередив генерала, усилил гарнизон Ляпичева войсками, переправив их через Дон на самодельных понтонах из бочек и досок.

Начались непрестанные атаки, беспощадные и кровопролитные. Никакого успеха белоказакам они не принесли и лишь показали белому командованию новую тактику Ворошилова: ни одна атака белых не проходила без стремительной контратаки большевиков. В развевающихся лохмотьях, полубосые, плечом к плечу, не шли, а мчались сулинские шахтеры и донбасские металлисты в контратаку, сражаясь с неслыханной яростью. Пощады врагу не давали, а если самим приходилось умирать, так умирали с открытыми глазами. Раненые, истекая кровью, стаскивали казаков с седел, душили их на земле, которую ворошиловцы не хотели отдать никому и за которую умирали.

И ничто: ни свинцовая жара, ни недостаток воды и пищи, ни непрестанные взрывы снарядов — ничто не могло истребить священной той ярости. Бульдожьей хваткой вцепившись в противника, красные трепали его жестоко, шаг за шагом отвоевывая место и время, то, что было необходимо для работ на мосту.

Верный своей тактике — обороняясь, наступать,— Ворошилов навалился на станицу Нижне-Чирскую. Штаб формирования белоказачьих войск попадал под угрозу разгрома. Поняв опасность, белые предприняли переброску частей на левый берег Дона, помышляя обманным этим маневром отвести удар от Нижне-Чирской.

Бои разгорались нешуточные, солнца не стало видно из-за желтого дыма сражений. Не уступала ни та, ни другая сторона. Винтовки и пулеметы перекалились. Трава стала красной от крови. Раненые луганцы молча отползали в сторону, чтоб не мешать бою.



Тысячи людей наполняли тачки и носилки, бежали к реке, опрокидывали землю в реку и торопились обратно.

Командарм был всюду, где было нужно.

Вот Ворошилов с Рудневым прорубается впереди Харьковского отряда, только что отбившего исступленную атаку белых и поднятого им в контратаку.

— Товарищи, за мной, ура-а-а-а!

Лязг клинка о клинок, скрежет штыков, заглушенные стоны, конский тяжелый храп и топот.

У Ворошилова в винтовке последний патрон. Казачий полковник понял, кто перед ним. Белый породистый конь его вздыбился, полковник занес над Ворошиловым тонкой работы дедовскую шашку. Командир Харьковского отряда Локотош крикнул не своим голосом:

— Клим, сзади! Стреляй!

Ворошилов успел обернуться. Последний патрон нашел того для кого был припасен. Вскинув руку, полковник свалился с седла, дедовская шашка выпала из его мертвой руки, блеснув серебряной змеей.

Вскинув руку, полковник свалился с седла.

Первая награда

Схватка затихала. С диким ржаньем пронесся раненый конь убитого казака. По отряду подсчитали убитых, их сегодня было немало. Раненых уносили в тыл.

— Товарищ командарм!

К Ворошилову подошли бойцы. Прохор Снесаренко держал на вытянутых огрубевших руках играющую серебряной отделкой шашку полковника. Прохор смущался, часто мигал голубыми глазами. Товарищи подталкивали его. Блеснув ровными зубами, Прохор, наконец, начал:

— Что ваше,— то ваше, товарищ командарм! Примите клинок. Еще желаем вам здоровья, долго жить и командовать нами, как вы есть наш дорогой друг — товарищ и командующий...

Командарм принял оружие. Бойцы настороженно молчали, опять возобновились тумаки в спину Прохора:

— Говори дальше!

— Товарищ Ворошилов! — продолжал Прохор Снесаренко.— Уж будьте так ласковы, просим и опоясаться при нас.

Пока Ворошилов вооружался шашкой, бойцы с нескрываемым удовольствием смотрели на своего статного загорелого командующего. Ворошилов вынул шашку из ножен и залюбовался ею.

— В добрый час, товарищ Ворошилов! — сказал Прохор.— По вас как раз...

— Надеемся, шо она у вас не поржавеет без дела, Климент Ефремыч! — добавил бородатый шахтер.

— Спасибо, товарищи бойцы, за ласку. Постараюсь оправдать ваше доверие, даю в этом слово! — ответил Ворошилов.— Если уж по душам говорить, то не только моя сегодня заслуга. Вот Пархоменко, Руднев и вы все дрались славно. Ну... пусть будет по-вашему. Принимаю высокую награду от вас. Давайте уговоримся: будем и дальше выбивать оружие из рук врагов советской власти, а из своей руки не дадим выбить оружие никому и никогда.

Со стороны моста несся верховой. Он хлестал коня, мчал без седла как мальчишка в ночное, смешно взмахивая локтями. Рубаха за спиной верхового надулась колоколом.

— Товарищ команда-арм! Климент Ефремыч! Э-ге-ей!

Подскакав к Ворошилову, светясь всем чумазым лицом, верховой выпалил единым духом:

— Дон забутили, товарищ Ворошилов. Аж всю ему изнанку повывернули! Ребятишки зараз на дне топчутся!

Прохор сорвал с головы папаху и закричал, а за ним и весь отряд:

— Ур-а-а-а!

Торопясь к мосту и оглядываясь назад, Ворошилов долго еще видел поднятые в руках бойцов винтовки, и папахи, и картузы, взлетавшие кверху.

Вовремя сдался тихий Дон! Уж у людей появилось сомнение, есть ли и дно-то у реки! Уж посравняли кругом все курганы, чуть ли не ногтями выскребли весь песок, поразобрали все кирпичные здания, даже ребятам надоело бросать в Дон камни и осколки кирпичей, и вдруг сегодня из мутной воды показалась макушка второго, людьми созданного дна.

Пархоменко, бессменно работающий на мосту за главного инженера, дал людям отдых. По отмели задымили костры.

Ребятишки, в чем мать родила, сидели кучками на песке, глядя то на небо, то на Дон и чего-то поджидая.

Грея больные ревматизмом ноги, зарыв их в теплый песок, дед Ивась шептал Андрейке:

— Не зевай, слышь, Андрейка! Как огольцы сиганут, так и ты тут!

«Вззиии-а-ах! — пролетел и разорвался в Дону казачий снаряд. Не успел осесть обратно поднятый взрывом белый кипящий водяной столб, как ребята с визгом бултыхнулись в воду. Андрейка доплыл первым и уж показывал деду большого оглушенного взрывом судака. Ребята, как пингвины, ныряли за оглушенной взрывом рыбой.

— Ого-го-го! — гоготал дед Ивась на весь Дон.— Что генералу разоренье, то нам уха! Бабы, готовь посуду!

Ворошилов прискакал на мост, когда обед кончили. Командарма встретил Пархоменко. Он осунулся за эти горячие дни.

— Есть, товарищ Ворошилов! — гулко отдавался по воде охрипший бас Пархоменко.— Перевернулся Дон кверху дном, чтоб ему пусто было! Ну не молодцы ли, товарищ командарм, а? — радовался Пархоменко, указывая на берег, полный людьми.

Ворошилов, глядя на горы шпал, приготовленных для работы, и подмигивая Пархоменко, засучивал рукава:

— А ну, Саша, давай подымай! Время уходит, генерал не ждет!

Пархоменко отстранил Ворошилова и легко, как тростинку, взвалил шпалу на могучие плечи.

— Езжай, Клим, без тебя управимся!

— Тащи, тащи, Сашук! Пятки отдавлю! — засмеялся Ворошилов, поднял вторую шпалу и пошел, не отставая от Пархоменко.

Их заметили сотни людей. бросились к шпалам, и работа опять вспыхнула и пошла, и пошла. Заканчивали бутить Дон, выравнивали грунт, крепили фундамент, подносили бревна и шпалы для кладки.

На мосту Ворошилов проработал весь вечер и ночь до ранней зари. Перекусил, чем угостили, чутко прислушиваясь к начинающей гудеть канонаде, рассказал о делах на фронте, пошутил.

Здесь его и нашел Кулик. Он руководил теперь всей артиллерией армии.

От еды Кулик отказался, озабоченно доложил:

— У хуторов Савинского та Бурецкого, товарищ командарм, шо там таке не знаю, а накапливает силы противник.

Ворошилов поднял вторую шпалу.

Надо было торопиться на позиции. Ворошилову подвели коня, Кулик вскочил на своего, и командиры ускакали.

Кулик хотел рассказать Ворошилову о сегодняшнем допросе пленных, но прикусил язык: командарм дремал в седле. С лица его сбежала краска, брови вопросительно замерли на лбу, губы стали жестче, веки набухли. Вот они с трудом раскрылись, Ворошилов посмотрел на Кулика:

— Так что же показывают пленные, товарищ Кулик?

— Гм,— произнес Кулик да и смолк, потому что ему показалось, будто, раньше чем он сказал «гм», командарм опять задремал.

Но Ворошилов не дремал. На секунду забываясь, как будто проваливаясь в пространство, командарм думал о фронте, о работах на мосту. Он надеялся на успех работы, он верил в донбассцев, знал, что иначе и не может быть, когда столько рабочих рук берется за дело, за свое дело; но то, что он видел на мосту, превзошло все его самые смелые ожидания.

Мысли пришли в Москву. Ему представилось, как Надежда Константиновна уговаривает Ильича отдохнуть и как Ленин, наверное, охотно обещает и продолжает работать до зари. Да и Надежда Константиновна выйдет в другую комнату — и сама за работу. Вспомнилось, как в Лондоне, на партийном съезде, Сталин подвел его к Ленину. Как, приветливо и обрадованно протягивая руки, Владимир Ильич спросил: «О, товарищ луганец?» — произнося слово «луганец» с особой теплотой.

Вот бы рассказать теперь Владимиру Ильичу о луганцах...

Ворошилов широко открыл глаза: близкая уж, слышится канонада, развевается по ветру грива коня. Кулик скачет рядом и неудачно делает вид, что ничего не заметил. Славный Кулик!

Кони пошли бойчей. Из окопов командарму махали фуражками.

— Скажи на милость,— добродушно засмеялся рябой шахтер.— Чуют они его, что ли? Как Клим в окопы, так и казаки подымаются.

Над окопами разорвался снаряд. Разговор смолк. На этот раз у казаков оказались неплохие наводчики.

Вздрагивая вместе с землей и сжимая винтовки, бойцы поглядывали на курган, где стояли во весь рост Ворошилов и командиры.

Заговорили орудия Кулика. Казачья батарея, словно кусок у нее застрял в горле, поперхнулась и замолчала.

— Идут! — пронеслось по окопам.

— Первая! — подсчитывали бойцы казачьи цепи.— Вторая, третья...

— Пятая, седьмая. Эге ж! Расколупал их, видно, Клим!

Кулик перенес огонь на белоказачьи цепи. Нет, не отступают. Сомкнулись. Идут.

Командиры передали по окопам:

— Приказ Ворошилова — не стрелять без команды. Жди сигнала с кургана!

Окопы ждали, выставив винтовки и пулеметы. Время остановилось. Порыв вет-

ра поднял по степи колючую пыль и понес на окопы.

Ближе, ближе цепи противника. Видны лица, клинки, винтовки. Шестьсот шагов, пятьсот...

— Не стреля-я-я-ять!

С холма Ворошилов следил за противником в бинокль. Офицеры шли впереди с клинками в руках, как на параде. Развернутое ветхое знамя из зеленой материи — на нем блеклый лик святого — колыхалось над атакующими. В передних цепях было много бородачей, и эти шли на смерть легко и браво — уж очень что-то браво и легко! Лица ненормально красны, на груди медные иконки. Ближе, ближе...

— Хорошо идут! — одобряют в окопах.

— Музыки, разве, не хватает...

— За́раз им Клим музыку сыграет!

— А ведь они, братва, пьяными идут! — удивился рябой шахтер. — Чуете, спиртным несет?

— Дадим и опохмелиться!

— Тише-е! Не стреля-я-ять!

Тишина. Слышен лишь неясный шум и топот тысяч казачьих сапог. Вот запели они что-то недружно, не разберешь — песню или молитву. Офицеры вскинули шашки, знамя качнулось.

— Ура-а-а!

С винтовками наперевес, цепи обвалов неслись на молчаливые окопы. Четыреста шагов, триста...

Ворошилов с кургана поднял руку — в то же мгновенье по окопам раздалось:

— Пли!

Окопы изрыгнули огонь. Пулеметы злобно дрожали в руках шахтеров. Горки горячих пустых гильз вырастали около бойцов. Передние цепи споткнулись, словно наскочили на невидимую веревку. Знаменосца прошило пулями. Офицер подхватил падающее знамя, что-то кричал и звал за собой. Расстроенные цепи сомкнулись, опять старики затянули молитву, и казаки с криками, похожими на вой, пошли вперед.

Окопы не умолкали ни на миг. Пулеметы укладывали труп на труп. Еще и еще раз попробовали было казаки прорваться через убийственный огонь — напрасно.

Буйная радость охватила окопы. Командиры еле сдерживали бойцов и следили за холмом. Вот с холма сбегает знакомая фигура в кожаном. Окопы узнали:

— Ворошилов!

Ему недолго дали бежать одному, догнали Руднев, Щаденко и Артем. Могучее «ура» взорвало окопы. Словно пружиной подкинуло людей. На обезумевшего врага надвигалась опасность, худшая чем пулеметный огонь в упор: рукопашная с шахтерами, которых вел Ворошилов...

На тот берег

Медленно, но все ощутимей на фронте наступал перелом. Противник хоть и сопротивлялся все так же жестоко, но постепенно переходил к обороне. Работа на мосту не прекращалась и ночью. На подготовленный фундамент клали клетками шпалы, надежно крепили их и засыпали середину землей и щебнем. Получалось не очень парадно, но крепко.

Неожиданно для всех Ворошилов, оставив заместителями Руднева и Пархоменко, взял небольшую охрану и переправился на плоту на тот берег Дона.

Пробраться в Царицын оказалось делом не совсем легким. Сейчас же на левом берегу в хуторе Логовском и еще кое-где были свои, зато на всем пути дальше, как волчьи капканы, шли хутора и станицы, занятые противником.

Партизаны из Логовского охотно взялись ехать проводниками. Искусно избегнув соприкосновения с кишащими повсюду отрядами белоказаков, проводили Ворошилова до окраины города и простились.

Далеко внизу, отражая первые вечерние огни, блестела Волга. Ладная песня грузчиков подымалась оттуда. Особенно, по-душевному хорош был тенор запевалы. Но скоро по мостовой прогрохотала батарея и песню не стало слышно.

По дороге то и дело попадались вооруженные рабочие отряды, еще не умело, но старательно отбивая шаг. На завод рабочие шли тоже с винтовками.

Придирчивые патрули останавливали ворошиловцев, требовали документы. При слове «Ворошилов» патрули с почтитель-

— *Наконец-то, товарищ Ворошилов! Вижу: здоров.*

ным удивлением рассматривали загоревших на солнце и на ветру всадников, их отполированные от частого употребления винтовки и потертые ножны бывалых клинков. Оставив свою придирчивость и перебивая друг друга, рассказывали, как проехать к железнодорожному полотну, где стоит поезд Сталина.

— Вы бы к нам раньше приезжали, товарищи! — посмеивался патруль.— Тут и гулянье было до утра, и рестораны, и музыка тебе, и песни! Что тут творилось! Спекулянты, офицерье, всякие темные барыньки... Сегодня заговор, завтра измена, послезавтра состав с хлебом для Москвы спустят под откос или красноармейца убьют... в спину. Товарищ Сталин их всех теперь к ногтю! Да вот же и они, легки на помине. От, полюбуйтесь...

Вдоль улицы под усиленным конвоем брела разношерстная толпа. Уткнув носы в землю, шли хорошо одетые, упитанные господа, плелись, спотыкаясь на высоких каблуках, дородные барыньки. Нахальные молодые люди в офицерских френчах и кителях зло косились на ворошиловцев.

За арестованными двигалась подвода с лопатами, кирками и буханками хлеба.

— Куда ж вы их?

— Окопы рыть посылаем. Вот люди тоже! Первый разок в жизни работают, да и то под «свечкой».

Дальше ворошиловцы ехали не задерживаясь и скоро добрались до цели. Вагон Сталина, весь опутанный проводами, нетрудно было узнать. Спешились...

Стряхнув с себя дорожную пыль, поправив ремни, волнуясь и радуясь встрече, Ворошилов пошел к вагону. Дорогу ему преградил командир. Это был близкий сотрудник Сталина.

— К кому?

— К товарищу Сталину.

— Кто вы?

— Ворошилов.

В усталых глазах командира блеснула радостная искорка:

— Проходите, пожалуйста. Давно ждем!

Командир провел Ворошилова по короткому коридору вагона и открыл дверь. Сталин уже шел навстречу, широким жестом протягивая руки и обрадованно улыбаясь из-под больших черных усов.

Ворошилов поднял руку к козырьку для рапорта. Сталин отмахнулся, отвел руку и крепко обнял командарма.

— Наконец-то, товарищ Ворошилов! Вижу: здоров. Как там себя чувствуют товарищи Пархоменко, Руднев, Кулик, Щаденко? Ваша помощь Царицыну, прямо скажу, большой будет радостью для товарища Ленина. Ну и для нас всех, конечно. Садитесь.

— Товарищ Ленин вспоминает о нас?— спросил Ворошилов, чувствуя, как все напряглось в нем.

Сталин посмотрел на большую, всю расцвеченную флажками карту, висевшую на стене, перевел глаза на Ворошилова и ответил, добродушно прищурясь:

— Ильич душою с вами. Он полюбил вас, чертей! Ну... рассказывайте! Да, кстати...

И Сталин протянул Ворошилову приказ по Царицынскому фронту. В приказе командующий 3-й и 5-й армиями товарищ Ворошилов назначался командующим всеми вооруженными силами Царицынского фронта.

Приказ был подписан членом Совета Народных Комиссаров, народным комиссаром Сталиным.

Мост в Царицын

Мост был готов. Двенадцать башен из шпал прочно держали на своих плечах рельсовый путь.

Ворошилова сжали в горячем человеческом кольце. Его тискали в объятиях, забыв о всякой дисциплине, называли Климом, Климкóм, смеялись и не стыдились слез.

«Ура» гремело по всему берегу, стало черно от подбрасываемых вверх тысяч фуражек и картузов.

Пролетел снаряд, осколки его впились в шпалы башни, но на разрыв, как на детскую хлопушку, никто не обернулся.

Неслось «ура» и снизу, из-под моста, где конники Пятой армии поили коней донской водой. С теплых губ лошадей капали голубые капли...

Перед тем как начать общую переправу, Ворошилов приказал испробовать крепость моста одним эшелоном. Ближе всего оказался состав с заводскими механизмами. Вел его паровоз № 585. На нем еще были целы пробоины, полученные в Суровикине.

Ворошилов, Пархоменко и Руднев поднялись на паровоз. Пархоменко отстранил кочегара, засучил рукава и подбросил в топку уголь.

№ 585 торжественно загудел и въехал на новые рельсы. Вот эшелон уж посредине моста, вот он достиг того берега. Мост не шелохнулся, мост держал...

Потом прошли два бронепоезда. Тысячи людей смотрели, затаив дыханье, как «Коммуна летит», а за ней «Луганец» осторожно вошли на мост.

— Ништо, ништо, дуй горой, ребята! Наши-то, луганские, везде головными!— слышалось вокруг, и каждый стук колес отдавался в сердцах тысяч людей. «Коммуна летит» вышла на тот берег, машинист поплевал на руки — на счастье — и потянул за проволоку гудка.

Гудок услышали и ответили ему тысячеголосым восхищенным «ура». За бронепоездами двинулись эшелоны. Они шли

по мосту разукрашенные зеленью, как победители. Ребятишки, словно завороженные, глядели вниз, в пропасть, туда, где шумел глубокий Дон, и на всякий случай цеплялись за подолы матерей.

Ворошилов, Пархоменко и Руднев, пропуская эшелоны, стояли на пригорке; их все видели, и из каждого вагона к ним неслось «ура».

Ворошилов не уставал махать друзьям фуражкой, потом он вытер пот со лба, как работник, окончивший тяжелый сенокос, и обнял Пархоменко и Руднева.

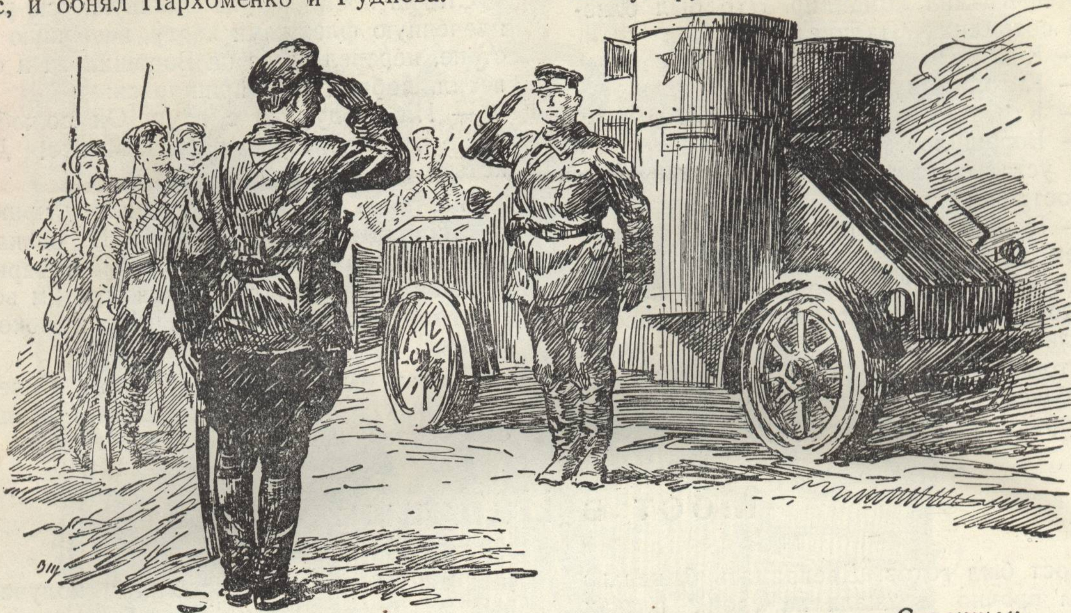
Командир подошел к Ворошилову, вытянулся и поднял руку к козырьку:

— Кто здесь командующий вооруженными силами Царицынского фронта товарищ Ворошилов?

— Это я,— просто ответил Ворошилов.

— Броневик послан в ваше личное распоряжение товарищем Сталиным.

Ворошилов простился с Пархоменко и Рудневым, еще раз оглянулся на эшелоны, продолжавшие идти вперед, еще раз махнул рукой, и дверь броневика закры-



— Броневик послан в ваше личное распоряжение товарищем Сталиным.

— Ура-а-а-а! Ура-а-а-а! — гремели эшелоны. Весело постукивали колеса.

По дороге, со стороны Царицына, мчался броневик. Красная звезда на его зеленой броне была издали видна.

Броневик подошел, дверь его открылась, вышел командир, весь в кожаном, с красной звездочкой на кожаной же фуражке. Тысячи глаз следили за ним. В истлевшей одежде, полубосые, истощенные, измученные походом и лишениями, с хорошей завистью смотрели ворошиловцы на командира броневика.

Молодой, красиво одетый, строго подтянутый командир сразу всем понравился.

— Вон она какая народилась, Красная Армия! Ну, теперь вдвое против прежнего получат от нас генералы, секрету нету! — сказал дед Ивась.

лась за ним. Обгоняя эшелоны, броневик пошел в сторону Царицына.

К полудню благополучно миновал мост семидесятый эшелон. В одном из вагонов его, за грубо обтесанным столом, не снимая с плеч винтовок, сидели четыре сына Якима Снесаренко. Сам Яким рылся в углу вагона. Вот он достал позеленевший маленький самоварчик и принялся ожесточенно чистить его.

Потом обернулся к сыновьям и сказал, добродушно подмигивая:

— Телятинкой бы вас угостить, да отдал я телка отряду, а, сынки?

— Ничего, ничего, батя,— засмеялся Прохор,— потерпим!

— А? Вот и я говорю, потерпим. Зато чайку-то уж мы попьем в Царицыне с Климент Ефремычем. Это хвакт!

Задача Гольдбаха

Проф. С. А. Янчевский

Жаркий летний день. В открытое окошко низкого бревенчатого дома видна немощеная, ухабистая улица, слышны возня играющих ребятишек и выкрики какого-то бродячего торговца. Высокий сутулый лысый человек в длинном зеленом сюртуке, отмахиваясь от мух и поминутно вытирая потный лоб платком, ходит по комнате. «Да,— говорит он сам себе,— теперь пора. Теперь надо поставить этот вопрос перед Академией. Мне совершенно ясно, наконец, в чем дело. Но как доказать? Как установить, что это действительно общий закон? Тут нужны, конечно, совместные усилия многих ученых и даже, наверно, на много лет... Как жаль, что я не в Петербурге сейчас. Собрались бы, сговорились. Начали бы это великое исследование. Ну ничего, напишу Эйлеру. Он как раз тот человек, который сразу схватит суть вопроса. И Ломоносову надо дать знать — Михайле Васильевичу... Напишу, напишу сегодня же...»

Он подходит к окну, садится на подоконник. По улице проезжает карета-возок — четверка лошадей цугом, лакей в мундире и в пудреном парике на запятках. Сквозь открытое окно в карете виден человек в шитом мундире, в больших очках: наверное, едет какой-нибудь важный чиновник. Лохматые собаки провожают карету, вертясь вокруг нее с лаем.

«Да,— думает дальше человек в зеленом сюртуке и ворчит себе под нос.— Простые числа. Как будто из-за того, что они не делятся ни на что, кроме как сами на себя и единицы, они уже такие простые. А сколько у них загадочных свойств, что лучшим умам человечества и за сотни лет в них до конца не разобраться...»

Он выбирает на столе из связки новых гусиных перьев одно и подтачивает его бритвой. «Вот моя задача тоже. Возьмем наудачу какое-нибудь нечетное число. Ну, 77. Его можно разбить на три слагаемых: $77 = 53 + 17 + 7$, и все эти три слагаемых — простые числа. Возьмем другое, опять совсем наудачу — 461, и тут $461 = 449 + 7 + 5$, и эти три слагаемые снова простые. А можно то же число разбить на три простых слагаемых еще и другим способом: $257 + 199 + 5$. И так дальше. Теперь вполне для меня ясно: всякое нечетное число, большее 6, можно разбить на сумму трех слагаемых, которые являются простыми числами. Но как доказать это? Любая проба дает такой результат, но ведь никакой человеческой жизни не хватит

взять да и перебрать подряд все нечетные числа. Нужно какое-то общее доказательство, а не такие пробы. Чувствую, что это мне не под силу. Может быть, Эйлер посоветует?»

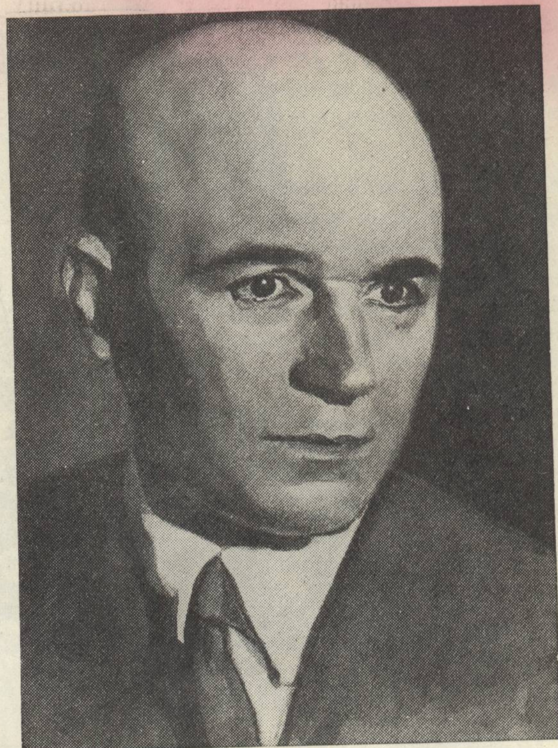
Человек садится за стол. В глазах его большое волнение. Четким почерком он выводит:

«Петербург. Академия Наук. Его Превосходительству академику Эйлеру. Из Москвы. От академика Гольдбаха. 6 июня 1742 года».

Сто девяносто семь лет тому назад Христиан Гольдбах, член Академии наук, основанной по приказу Петра I в Петербурге, послал это письмо Леонарду Эйлеру, одному из крупнейших математиков того времени, швейцарцу по рождению, также выписанному для работы в Петербургскую Академию.

Математическая задача, о которой говорилось в письме, с тех пор так и называется — проблема Гольдбаха. Эйлер ответил, что он не может найти общего теоретического решения ее, но добавил с своей стороны, что каждое четное число должно разбиваться на сумму двух простых слагаемых, а отсюда вытекает и то, чего хочет Гольдбах. Ни одно из этих двух утверждений не было доказано ни Гольдбахом, ни Эйлером и никем другим в течение всего конца XVIII и также за весь XIX век. Все пробы разложения целых чисел на простые слагаемые всегда давали нужный результат, но доказательства того, что это применимо ко всем вообще целым числам, ко всему их бесчисленному множеству, никто не мог найти.

Только в наши дни и притом у нас в СССР математикам удалось «победить» упрямую проблему Гольдбаха. Академик Иван Матвеевич Виноградов, знаменитый советский специалист по теории чисел, много лет вырабатывал очень сложные и тонкие способы, которыми можно решать подобные вопросы. И вот в 1937 году, через 195 лет после письма Гольдбаха к Эйлеру, Виноградов решил почти целиком и его задачу. Всякое достаточно большое целое нечетное число, доказал он теоретически, может быть разбито на сумму именно трех простых слагаемых. (А для небольших чисел это можно проверить путем проб.) Задача Эйлера — разбить четные числа на два простых слагаемых — еще ждет своего решения. Самая простая с виду задача, понятная любому школьнику, оказалась настолько трудной и настолько глубокой по своему содержанию, что для решения ее потребовалось два столетия и напряжение умов лучших математиков мира.



Академик Иван Матвеевич Виноградов.

Впрочем, многие другие задачи теории чисел отличаются тем же самым свойством, и значительная часть их еще не решена. Укажем примеры. Число простых чисел бесконечно. Что это значит? А вот что: среди простых чисел нельзя указать самого большого. Не может быть так, что вот такое-то число, скажем, простое, а все числа бо́льшие, чем оно,—составные, т. е. уже разлагаются на простые множители. Доказательство этого было известно еще две с лишним тысячи лет тому назад. Греческий математик и философ Эвклид (жил в III веке до нашей эры) дал одно из таких доказательств [1].

---

[1] Приведем его в примечании. Возьмем число простых чисел. Обозначим их буквами $a,в,c...d$. Составим число $aвc...d+1$, т. е. число ввиде произведения всех этих чисел плюс 1. Это число само либо простое либо составное. Если оно простое, оно есть простое число, большее чем все числа $a,в,c...d$, а это противоречит нашему предположению. Если же оно составное, то спросим себя: на что оно может делиться? Оно не может делиться на a, потому что на a делится число $aвc...d$, зна-

Нетрудно также построить и таблицу всех простых чисел до какого-нибудь заданного числа, например таблицу простых чисел, не бо́льших 100. Для этого выпишем все целые числа до 100. 1, 2, 3, 4, 5. . .100. Начнем исследовать эти числа сначала. Число 1—простое, 2—также, но числа, делящиеся на 2,— уже не простые. Поэтому из нашего ряда надо вычеркнуть все числа, делящиеся на 2, кроме самого 2. Далее число 3—простое, но числа, делящиеся на 3,— опять составные. Вычеркнем и их. Число 4 уже вычеркнуто. 5 — простое, но числа, делящиеся на 5, снова надо убрать. Продолжая такое «просеивание», мы и пополучим все простые числа до 100:
1, 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47, 53, 59, 61, 67, 71, 73, 79, 83, 89, 97.

Этот способ называется решетом Эратосфена в честь древнегреческого математика Эратосфена, также изучавшего простые числа. Можно составить таблицу всех простых чисел и до 1000 и т. д. (таблицы простых чисел доведены немного за 10 000 000). Но что сказать про распределение всего бесчисленного множества простых чисел? Насчитывается 168 простых чисел, меньших 1000; число простых чисел, меньших 1000, будет 1229; а то же количество для границы в 50 000 есть 5133. Казалось бы, в последнем случае простых чисел должно быть в 50 раз больше чем в первом. Однако их больше примерно только в 30 раз. Отсюда видно, что если брать все бо́льшие и бо́льшие числа, то количество простых чисел среди них убывает. Но по какому закону? Над открытием этого закона, так же как над проблемой Гольдбаха, работали многие математики разных стран в течение сотен лет. До сих пор он еще не установлен вполне точно. Правда, получены результаты, дающие право думать, что и в этой задаче мы приближаемся к решению.

А вот другая подобная задача: о простых числах-«близнецах». Так называются простые числа, отличающиеся друг от друга на 2, например 3 и 5, 5 и 7, 71 и 73, 809 и 811 и т. п. Самые большие «близнецы», которые мы знаем, это 10 006 427 и 10 006 429. Но последняя это пара близнецов или нет? Неизвестно. Думают, однако, что «близнецов» бесчисленное множество, т. е. какую бы пару их ни взять, всегда можно утверждать, что это не последняя пара, а еще найдется сколько угодно следующих.

Вот какая увлекательная наука, теория чисел, и сколько в ней трудных задач! И эти задачи важны не только по тому интересу и трудности, которые они собою представляют. Дело в том, что способы, которыми они решаются, помогают исследовать и многие важные вопросы, связанные с практической жизнью, например с кристаллографией — наукой о кристаллах, теорией вероятностей и др. Поэтому ученые, решающие основные задачи теории чисел, приносят пользу не только самой математике, но и дают возможность продвинуть вперед изучение многих вопросов физики и техники.

чит этим же свойством не может обладать наше число, на единицу большее чем *a,в,c...d*. По той же причине оно не может делиться на в. И так далее. Следовательно, если это число составное, то оно делится на какое-то простое число, не совпадающее ни с одним из чисел *a,в,c...d*. Значит, мы перечислили тут не все простые числа. Поэтому предположение, что мы знаем все простые числа и выписали их в ряд, неверно. А это и требовалось доказать.

Записки Буратино

О. Шаганова-Образцова

Как из меня сделали куклу

В кукольном театре кукла изображает человека. Да и не только в кукольном театре, а и в кино, в так называемых объемно-мультипликационных фильмах. Снимать кукол в кино очень трудно: каждый жест, каждое движение надо разложить на отдельные, составные части. Для того чтобы кукла подняла руку, надо осторожно подвигать ее шарнирные суставы по миллиметру — по два, каждый раз снимая по одному кадру.

Но бывают случаи, когда не кукла изображает человека, а, наоборот, человек куклу.

Такую куклу сделали из меня для того, чтобы я смогла играть роль Буратино в кинокартине «Золотой ключик». Превратил меня в куклу режиссер А. Л. Птушко, ставивший эту картину.

Прежде всего надо было уничтожить человеческие пропорции. И вот на меня надели огромную маску, вернее, не маску, а целую голову из папье-маше. Глаза куклы не совпадали с моими глазами, и, чтобы я могла хоть что-нибудь видеть, на щеках маски были проделаны дырочки, затянутые марлей. Видно было кое-как. Одним глазом.

Необходимо было уничтожить все, что могло бы «выдать» человека. И вот меня

Здесь снята не я, а моя дублерша — кукла.

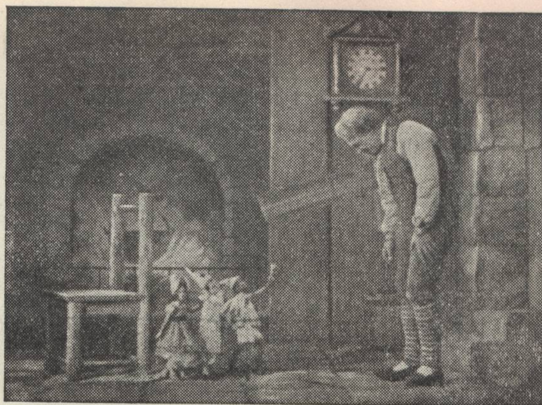
одели в фанерный футляр, превратив в «бревнышко». На руки и на ноги натянули трико, раскрашенное под дерево, а на коленках и на локтях были нарисованы шарниры. На ступни надели огромные туфли, а на кисти рук — картонные перчатки. Получилась огромная деревянная кукла. От меня зависело только научиться так двигаться, ходить, танцовать, прыгать, чтобы движения мои оправдали такое «превращение», чтобы куклой я была не только по виду, но и по поведению — озорной, веселой деревянной куклой Буратино.

Куда девались один метр и 25 сантиметров

Папа Карло сделал куклу из обыкновенного полена,— значит, Буратино должен быть совсем маленьким. По колено папе Карло. Не больше 50 сантиметров ростом. А мой рост 1 метр 65 сантиметров. Да еще маска на голове увеличивает меня сантиметров на 10. Итого, значит, получается 1 метр 75 сантиметров. Как же быть? Куда деть лишних 125 сантиметров? Оказывается, выход есть. На экране рост человека можно понять только по отношению к окружающим предметам. И вот для нас, артистов, играющих кукол, сделали все предметы, около которых мы ходим, очень большими. Лестницы, табуретки, столы, котел над очагом, уличная тумба — все это было невероятных размеров. Когда сняли первые пробные куски, я не узнала себя. На экране ходила маленькая куколка, а все предметы казались нормального размера.

Чудеса

Ну, хорошо. Пока вокруг меня никого нет, пока меня сравнивают только с табуретками да ведрами, уменьшить мой рост еще можно. Можно надуть зрителя и украсть у взрослого человека 125 сантиметров. Ну, а как же быть в тех случаях, когда Буратино не один и не с такими же, как он, куклами, а с живыми людьми — с папой Карло, с Карабасом-Барабасом? Это не табуретки. Живого папу Карло не сделаешь в четыре раза больше для того, чтобы я стала маленькой. И вот тут-то и началось чудесное, то, что на нашем языке называется «оптическое совмещение». При его помощи у меня были отняты 125 сантиметров уже окончательно и бес-



Вы думаете: мы рядом с папой Карло? Нет, нас разделяло 15 метров.

поворотно, и я сделалась маленькой даже по отношению к человеку.

Нужно, положим, снять, как я, Буратино, сижу на столе и разговариваю с папой Карло, сидящим перед столом. Для этого папу Карло сажают близко к аппарату перед обыкновенным столом, вернее, перед половиной обыкновенного стола, а другую половину, в четыре раза бо́льшую, ставят метров на десять — пятнадцать дальше от аппарата и на эту вторую половину сажают меня. В силу законов перспективы и я и моя половина стола кажемся меньше, а аппарат устанавливается в такой точке, что обе половины стола совмещаются.

На экране папа Карло и Буратино разговаривают, смотрят друг на друга, а во время съемки мы, то есть артист Уваров и я, не видели один другого и глядели на пустое место, на «предполагаемого партнера». Нас сажали на свои места, и режиссер, смотря в аппарат, кричал в рупор:

— Буратино, голову выше! Еще выше. Правее. Носик правее. Чуть ниже. Так. Правильно. Запомните.

И я запоминала направление моего взгляда (какой там взгляд, когда через кусочки марли почти ничего не видно!), запоминала, что смотреть мне надо на второй камень противоположной стены павильона. А чтобы я сумела погладить воображаемую щеку «моего папы», мне сверху спускали ниточку. По этой ниточке я и водила рукой.

Зритель не видит ниточки. Зритель видит папу Карло и деревянную куколку, сидящую перед ним на столе, болтающую ногами и гладящую его по щеке.

Слыхом не слыхала и видом не видала

В картине есть такое место, когда перед лавкой старьевщика Буратино разговаривает сразу с тремя партнерами: продавцом игрушек, продавцом шариков и, наконец, продавцом пиявок. Вам уже понятно, что все эти три продавца стоят на переднем плане, а я — очень далеко от них, на заднем. На экране должно получиться, будто я стою рядом с ними, смотрю то на одного, то на другого.

Идет «немая съемка», озвучиваться она будет уже потом, но, чтобы слова при озвучивании совпали с движениями, нужно и сейчас говорить весь свой текст и слышать, что говорят партнеры. А как же слышать и говорить сквозь маску да еще на таком расстоянии?

Маленькой куклой я получилась в фильме.

Все расставлены по своим местам. До меня доносится, как кричит в рупор Птушко:

— Начали, пошли!

Иду. Знаю, что в это время продавец игрушек выкликает:

«Замечательные игрушки, корабли и пушки!» Я этого не слышу, слышу только, как Птушко кричит в рупор последние слова: «...и пушки!» Это знак, что я должна остановиться. Останавливаюсь, ору, что есть мо̀чи, свои слова: «Виноват, я иду в школу!» — делаю три шага в обратном направлении, останавливаюсь на «марке» (маленький белый крестик, сделанный заранее) и устремляю свой взгляд, вернее, свой нос, в ту сторону, где должен находиться продавец шариков. Он кричит: «Шарики небесные, очень прелестные, два сольдо плати!» Но я слышу только крик рупора: «Куда хочешь лети!» Опять изо всех сил ору так, что маска гудит: «Простите, я забыл свой кошелек дома!» — и пячусь четыре шага назад, останавливаясь на новой «марке». Знаю, что сейчас уже в аппарате передо мной стоит Мартинсон-Дуремар и предлагает мне лягушек. Мой Буратино умоляюще складывает руки: «Пожалуйста, не соблазняйте меня. Я умненький благоразумненький, я сейчас иду в школу» — и показывает на сумку с тетрадями. Раздается голос Птушко: «Музыка, бегите». И я убегаю.

Потом на экране в этом месте действительно раздавалась музыка марша из балагана и Буратино убегал. Я увидела на экране своих партнеров по сцене, стоящих рядом и говорящих со мной, а тогда, на съемках, я их и слыхом не слыхала и видом не видала.

Над пропастью

Моя самая первая съемка в роли Буратино происходила на перилах моста. На расстоянии семидесяти метров от съемочного аппарата была возведена конструкция в десять метров высоты, на ней площадка два на три метра, над которой нагибались перила шириной в метр. Дул сильный ветер, все шаталось, и моя голубенькая курточка надувалась, как зонтик. Птушко боялся, как бы меня не унесло, хотел даже заменить меня на этот «объект» ассистентом Г. Солуяновым. Он циркач и «уже падал». Но он значительно выше меня, на него не влезет костюм, да и мне не хотелось сдаваться. Притащили «лонжи» (веревки, которыми привязывают цирковых артистов во время репетиции). Да как лонжи привязать? Неизвестно. Будут тянуться за мной, как кишки. Решили «страховать». Двое «страховщиков» легли около перил, чтобы хватать меня за ноги, если буду падать. Начали снимать. Птушко кричит в рупор: «Буратино ползет!» — я ползу. «Буратино встал!» — я встаю.

«Осмотрелся, дает знак!» — даю знак. «Пошел вперед с правой ноги четыре шага!» — делаю шаги, ничего перед собой не вижу, только где-то внизу горы маячат. Думаю: «Шаг еще — и смерть». Отчаянный крик рупора: «Увидал петуха, спрыгнул на мост!» — прыгаю влево на площадку и сразу падаю на спину, чтобы меня не было видно. «Страховщики» хватают, снимают маску, поят водой. Сердце стучит, никак воздуха не наглотаюсь. Жара — 60 градусов, а в маске дышать совсем нечем. Короткий перерыв — и опять сначала. На съемку моста ушло два дня. Меня однажды забыли на мосту. Одели, завязали и ушли что-то проверять. Я кричу — не слышат. Я подпрыгиваю — не видят. Через час спохватились, испугались, прибежали, отпоили водой...

Я — не я

И все-таки при помощи «оптического совмещения» нельзя было снять всю картину. Невозможно было усадить меня на петуха, или снять, как я лечу по воздуху, держась за лапки лебедя, или сниматься одновременно в одном кадре с мультипликационными куклами, котом, лисой, или заставить мою неподвижную маску хмуриться, улыбаться, раскрывать рот, ворочать глазами.

Для всего этого были сделаны особые куклы — дублеры, — для каждого случая разные.

Когда я вместе со своими знакомыми сидела в зале кино и смотрела «Золотой ключик», мне то и дело приходилось говорить: «Это я, а вот это не я, а вот это опять я». Когда же я просила моих знакомых догадаться, где я, а где не я, они почти всегда ошибались. Сделано все так чисто и хитро, что трудно найти места, где меня подменяет кукла: то ли марионетка, которую ведут сверху на ниточках, то ли шарнирная, которой кукловоды кропотливо переставляют ножки, стремясь сохранить характер моей походки.

Немножко лирики

Было очень трудно. Очень душно в ялтинскую жару в герметически застегнутой маске. Очень холодно во время ночных съемок в одном трико. Очень больно в стягивающем «деревянном корсете». До изнеможения утомительно, когда приходилось «озвучивать» подряд шестнадцать часов.

И все-таки я вспоминаю сейчас о съемках с удовольствием. Вспоминаю о дружной работе с режиссером Птушко, о моих партнерах — Мальвине и Пьеро, — о солнечной Ялте.

Что же из того, что было трудно? Без этого и работы не бывает. Трудно, да зато бесконечно интересно. Картина уже идет во всех кино, даже заграницей, а я жалею, что съемки кончились и мне, вероятно, никогда больше не случится сыграть деревянного человечка.

Такой я бы выглядела, если бы не было «оптического совмещения».

СЕРАЯ СОВА

Саджо и ее бобры

Перевела и обработала Алла Макарова *Рис. Серой Совы*

Продолжение

Огненный враг

Поздно вечером того же дня все было готово для путешествия. Дети знали, что неделя пути отделяет их от поселка Пляшущих Кроликов. Там они собирались сойти на берег. Но что было дальше за поселком,— они этого совсем не знали. Нужно было взять побольше запасов.

Саджо испекла несколько караваев хлеба, насыпала в разные мешочки муки, соли, чая, запаслась вяленой олениной и в жестяную коробочку положила спичек. Шепиэн свернул палатку, одеяло, наладил удочку, наточил топор, охотничий нож и уложил в ящик котелок и другую походную утварь.

Солнце еще не успело взойти, как все уже было погружено в пирóгу вместе с ружьем Шепиэна. Как ни дорого оно было мальчику, он решил пожертвовать им, чтобы выручить бобренка.

Хижина Большого Пера стояла в стороне от поселка. Дети никому не выдали своей тайны, так как боялись, что взрослые не одобрят их намерения; они почти не сомневались, что старый вождь не пустил бы их в этот рискованный путь.

Итак, они прокрались в предрассветных сумерках к берегу и, когда пирóга уже отчалила, Саджо подняла весло и закричала:

— Чикени! Чикени!

Правда, по обычаю их племени, нужно было назвать место, куда они направлялись, но она и сама этого не знала, да в конце концов не все ли равно? Куда бы они ни ехали, важно то, что они ехали за Чикени. Шепиэн не поднял своего весла и ничего не закричал. Что мог он добавить?

Так началось памятное для детей путешествие, полное неизвестности и опасностей.

Они плыли в пирóге с птичьим глазом и с лисьим хвостом, в той самой пирóге, в которой и Большое Перо рассекал воды Березовой Реки. Большой глаз зорко глядел вдаль, лисий хвост повиливал из стороны в сторону, и с каждым взмахом весел ладья все скользила и скользила вперед.

Время от времени дети переставали грести, и кто-нибудь наклонялся через борт, чтобы дать бобренку напиться и поплавать, потому что день был очень знойный.

Под вечер они причалили к берегу, разбили вигвам в лесу и там провели ночь. Наутро, еще до зари, снова отправились в путь и плыли до сумерек, останавливаясь только чтобы перекусить и дать поплавать бобренку.

Восходящее солнце каждое утро заставало детей в пути, каждый вечер они делали привал на берегу. Кое-где приходилось перебираться через отмели. Пирóгу Шепиэн ловко взваливал себе на плечи и нес один, а Саджо помогала ему нести поклажу. Приходилось возвращаться еще один раз, так как всего не захватить было сразу.

Так, день за днем они продвигались все дальше и дальше вперед. Две детские спины сгибались и разгибались, и весла погружались в воду и рассекали воздух в мерном ритме. А знойное солнце вставало с одной стороны, подымалось над ними и заходило багровым диском за темную стену леса.

На серебряной глади безбрежного озера легкий челнок казался лишь маленьким скользящим пятнышком. Дети были одни в молчаливой глуши. Казалось, они были одни на всем свете.

Однажды, проснувшись рано, дети услышали слабый запах дыма: пахло горелым мхом, листом и травой. Где-то, повидимому, далеко был пожар.

Пожар оказался ближе, чем Шепиэн предполагал. Как только дети выплыли в озеро и оглянулись вокруг себя, они увидели огромный столб дыма, вздымавшийся из-за дальних холмов. Вскоре стало ясно, что они приближаются к местам, где неистовствовал пожар.

Озеро становилось все ýже, а потом оно превратилось в узкий канал, через который пламя могло перекинуться без труда. Шепиэн решил проскользнуть по этому опасному пути как можно быстрее, чтобы выплыть во второе озеро, которое лежало впереди. Там они будут в безопасности.

Дети налегли на весла, и, пока они продвигались вперед, дым подымался все выше и стелился все шире. Теперь это уже был не столб, а огромная белая стена, которая

тянулась к самому небу, расплывалась в стороны до горизонта. Она становилась все плотнее, пока не заслонила солнца. Воздух стал тяжелым, удушливым и совсем неподвижным.

Казалось, что весь восток объят пожаром. И хотя пламя было еще за холмами, но уже доносился его глухой протяжный рев. С минуты на минуту этот рев становился все громче и громче.

Дети попали в полосу пожара.

Озеро было еще довольно далеко, за отмелями. Нельзя было терять времени, потому что пламя лесного пожара не всегда движется медленно: иногда оно несется с большой быстротой.

Дым, остывая, спускался вниз, стелился темной синеватой мглой по всей земле, скрывая дали, заволакивая пеленой ближние предметы. Скоро ничего не стало видно, кроме ряда деревьев у самого берега. Дети продолжали свой путь, прислушиваясь к отдаленному гулу порогов.

Наконец, они достигли переката. Вода бурлила и пенилась здесь, с дикой силой мчались волны по каменистому руслу, меж обнаженных гребней скал. Это была опасная переправа. Но делать было нечего. Огибать пороги берегом, перетаскивать поклажу — на это ушло бы слишком много времени. Пожар был уже совсем близко, наверное, за поворотом канала. Клокотанье пламени заглушало гул потока.

И Шепиэн решил рискнуть. Встав во весь рост, чтобы лучше видеть, он направил челн к стремнине.

Косматые волны, шипя, набросились на легкую пирóгу, они швыряли ее из стороны в сторону, а пирóга, как дикий конь, неистово мчалась между черными, страшными скалами, которые, казалось, сдвинулись тесней, чтобы расшибить и растерзать ее на части.

Сонный узник берестяной темницы пробудился, встревоженный шумом, и, почуяв что-то страшное в воздухе, присоединил свой слабый вопль к мощному голосу стихий. Он раскачивал свою корзинку так неистово, что пришлось урвать мгновение и притиснуть свертком берестяную крышку.

Шепиэн изо всех своих детских сил боролся с мчавшимся потоком. Он ловко поворачивал пирóгу то в одну, то в другую сторону, качался на волнах, скользил по омутам и водоворотам, становился в челне, чтобы как-нибудь разглядеть свой путь, и снова направлял пирóгу в седую пучину.

А Саджо усердно налегала на весла, отталкивалась, гребла и табанила, послушная возгласам брата:

— Гиюк-аник! (Направо!).
— Машк-аник! (Налево!).
— Уы-беч! (Быстрый ход!).
— Пи-кеч! (Тихий ход!).

Если бы не дым, застилавший путь, Шепиэн не стал бы тревожиться: он отлично владел челном и знал все тайны движения воды: не раз приходилось ему переправляться по этим порогам с отцом.

Саджо с братом ничего не боялась. Она смеялась, визжала и выкрикивала что-то, подгоняя пирóгу, как, бывало, это делали отец и другие индейцы.

Но Шепиэн был весь в напряжении и отрывал глаза от бурлившей воды только для того, чтобы взглянуть в сторону огненного врага. Пожар догонял их с быстротой ветра, спускался вниз по холмам, расстилался багряным морем, взвивался рокочущими змеями по макушкам пылающего леса. Один раз, когда Шепиэн оглянулся назад, он увидел, что пламя перекинулось через узкий поток позади них. Теперь оставалась одна лишь дорога — вперед.

Клубы дыма, повисшие в воздухе, становились все темнее и темнее, пока, наконец, свет не померк — казалось, что сумерки спустились очень рано. Уже почти ничего не было видно. Все кругом стало каким-то диковинным. Дети продолжали свой путь словно во сне.

Изо всех сил гнал свой челн Шепиэн: он хорошо знал, что если они задержатся, гибель неизбежна: они сгорят или задохнутся.

Кончились пороги. Челн проскочил в тихую заводь. Здесь детей окружили какие-то странные движущиеся тени, едва заметные сквозь облака дыма. Это звери лесной глуши со всех сторон мчались вдоль берега, плыли по воде, барахтались на отмелях, поодиночке, парами, стадами. Все они ринулись к озеру, каждый спасал свою жизнь.

Животные, которые редко рисковали ступить в воду, теперь плыли по озеру: белки, кролики и даже дикобраз. Олень перепрыгнул через заросли кустов, сверкая белым хвостом, озираясь широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Медведь мчался быстрым неуклюжим галопом, пара волков бежала легко и стремительно рядом с оленем, их обычной добычей. На этот раз хищники даже не удостоили его взглядом: сейчас не было врагов. Никто не был ни голоден, ни свиреп, никто никого не боялся.

И все обитатели леса: те, кто передвигался на двух ногах, и те, у кого их было четыре, те, кто парил в воздухе и плавал в воде — звери, птицы, пресмыкающиеся, — все спасались бегством от самого безжалостного из всех врагов, смертельного для каждого из них, от страшного врага их дикой родины — лесного пожара.

Прямо напротив пирóги глубоко в воде остановился лось-великан. Его шерсть опалена на спине, сломан рог, бока вваливаются от тяжкого дыхания. Наверное, он взглянул уже в лицо гибели и мчался много миль, преследуемый огненным врагом. Могучая сила и быстрые ноги спасли зверя.

Шепиэн мог бы тронуть его веслом — лось стоял, словно окаменелый, и не замечал никого.

В этом великом смятении все стали братьями, у всех был один путь к спасению — озеро.

Теперь Саджо охватил жуткий страх. Шепиэн сам был близок к отчаянию, но он не подал вида и мужественно успокаивал сестренку. И она гребла.

Наконец, они добрались до отмелей. Густой дым стелился, скрывая тропу. А по склону холмов с хриплым ревом уже под-

ползало пламя; алым заревом оно прорезало дымную мглу, оно дышало жаром.

Дети выбросили пиро́гу на берег, мигом перевернули ее вверх дном, спрятали под нее Чилеви. Теперь не было времени с ним возиться: никто не знал, что ждет впереди. Подхватив поклажу, дети бегом направились к озеру.

Со всех сторон валили клубы черного и желтого дыма, словно страшные призраки мчались они по пятам за Саджо и Шепиэном.

Но вот потянуло прохладой с озера. Скоро и конец волока. Теперь можно вздохнуть свободно. Сложив на берегу свою ношу, дети побежали обратно за бобренком и за пиро́гой.

Но бежать они не смогли. Задыхаясь, сбиваясь с пути, они пробирались ощупью, с закрытыми глазами, едкий дым слепил, жег глаза, сдавливал дыханье. Дети продолжали свой путь, но страх щемил их сердце, как никогда.

На берегу, где лежала пиро́га, искры летели со всех сторон, сыпались горящие головни, а зловещее зарево полыхало так, что деревья, дым, вода — все кругом казалось багровым. Огненный враг клокотал совсем близко. Он почти догнал детей.

А под челноком бобренок Чилеви в тревоге за свою маленькую жизнь грыз берестяную стенку корзинки и уже готов был вырваться на свободу.

Шепиэн сорвал шаль с головы Саджо, намочил в воде, закутал голову и лицо сестры так, что остались видны только глаза и нос. Потом обрызгал ее всю водой и сказал:

— Не жди меня. Я скоро буду. Беги!

Крепко прижав корзиночку с бобренком, Саджо исчезла во мгле дыма.

Пустая корзинка

Когда Саджо скрылась из вида, Шепиэн задержался еще на минутку, быстро обрызгал свою одежду и укрепил весла внутри пиро́ги, продернув их сквозь ременные петли.

Как недоставало ему отца! Все, что было в его детских силах, он сделал. Но выбрал ли он правильный путь?

Саджо ушла вперед одна. Надо спешить.

Вскинув ладью к себе на спину, Шепиэн просунул голову в ременное ярмо и быстро двинулся в путь. За это время пламя уже перекинулось совсем близко, почти догнало его. Шепиэн бежал быстро, как только в силах бежать четырнадцатилетний мальчик с пиро́гой на плечах, и все посматривал в сторону, на полыхавшую вблизи сплошную огненную стену. Деревья валились с грохотом. Шепиэн ринулся вперед, прямо в багровый дым. Он задыхался. От накаленного воздуха кружилась голова. Дым слепил глаза. Стиснув зубы, мальчик продолжал свой путь под рев и грохот объятого неистовым пламенем леса. Еще не тронутые деревья ловили огонь своими макушками. Пламя скользило с дерева на дерево, развеваясь багряными стягами, все ближе подползая к тропе.

На перевернутую дном кверху пиро́гу падали куски пылающей коры, пиро́га дымилась, казалось, что она уже горит.

Но почему же Шепиэн до сих пор не догнал Саджо? Ведь девочке было труднее бежать с непослушным, испуганным бобренком чем брату, хотя и с тяжелой, но послушной пиро́гой. У Шепиэна вдруг мелькнула ужасная мысль: «Быть может, Чилеви прогрыз корзинку и убежал, а Саджо задержалась, чтобы найти его? Неужели она осталась где-то позади?» Впереди дым начинал рассеиваться, потянуло свежим ветерком с озера.

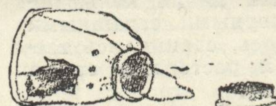
Изнемогая от усталости, с затуманенными, слезящимися глазами, еле держась на ногах, Шепиэн споткнулся еще раз и упал со всего размаха вместе с пиро́гой на что-то мягкое, что преградило ему путь. Поперек тропы ничком лежала Саджо, одной рукой она крепко сжимала корзинку — пустую: Чилеви, наконец, прогрыз себе выход и убежал.

Не помня себя, Шепиэн вылез из-под пиро́ги, поднял сестренку на руки и, с трудом переводя дыхание, кое-как добрел с ней к озеру.

Он положил девочку на берег, обрызгал ей лицо водой, стал растирать ей руки и в отчаянии закричал:

— Саджо, Саджо, скажи мне что-нибудь!

Девочка открыла глаза и прошептала чуть слышно:



— Чилеви!

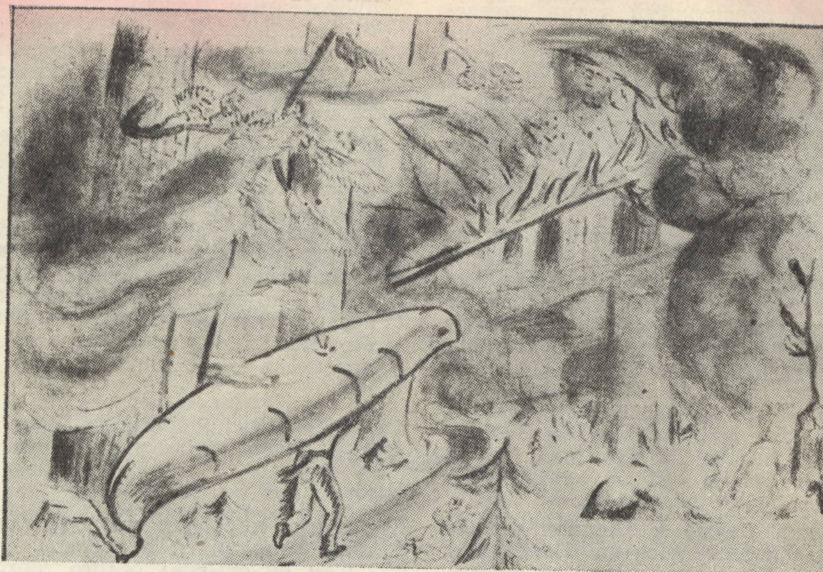
Шепиэн промолчал: он не мог сказать сестре, что бобренка нет, что корзинка пуста.

Дым повалил уже к озеру. Весь волок был охвачен пожаром. Намочив быстро шаль и набросив ее на лицо Саджо, Шепиэн бросился к пиро́ге. Поднять ее Шепиэн уже не был в силах; к счастью, она лежала невдалеке, и он поволок ее к берегу. Быстро побросав поклажу на дно челна, Шепиэн на руках перенес туда Саджо и уложил ее поближе к носу. Девочка все еще сжимала корзинку и звала слабым голосом:

— Чилеви, Чилеви, Чилеви!

Не теряя дорогого времени, Шепиэн занял свое место на корме и поспешно стал отчаливать от берега. С болью в сердце он вспомнил про маленького Чилеви, которому теперь он уже не в силах был помочь. Шепиэн утешал себя только той мыслью, что чутье поможет зверьку найти путь к воде и что, быть может, теперь он уже достиг озера и остался жив, хотя и отбился от друзей... Вдруг позади раздались резкий удар по воде и громкий всплеск. И что бы вы думали? Заблудившийся Чилеви был тут как тут, довольный и счастливый. Шепиэн закричал от радости:

— Саджо! Саджо! Чилеви спасен, Чилеви в озере, смотри!



Вскинув ладью себе на спину, Шепиэн быстро двинулся в путь.

Не в силах еще подняться, Саджо залилась слезами, лежа на дне пирóги. Она рыдала так сильно, что казалось, ее сердечко разорвется. Но это были слезы радости.

Чилеви плавал поодаль, на глубоком месте озера. Пирóга же все еще покачивалась на мелкой воде, совсем близко от берега.

На опушке леса уже давно загоралась огромная дуплистая сосна. Теперь ее кора, иссушенная жаром, с треском отделилась от ствола, огненные языки побежали вверх, к макушке.

Гордая вершина, веками царившая над лесной чащей, вспыхнула ярким костром. Могучий ствол пошатнулся и стал падать вперед, к озеру. Сначала медленно, но потом все быстрее и быстрее падал сраженный великан, угрожая пирóге верной гибелью.

Впервые непреодолимый ужас охватил Шепиэна. В отчаянии он круто затормозил пирóгу, погнал ее обратно и со всего размаха врезался в берег.

За кормой с оглушительным треском рухнул в воду пылающий ствол. Огонь, встретившись с водой, зашипел и завыл неистово и, умирая, заволок пеленой дыма и пара все кругом. Шепиэну ничего не стало видно.

Набежавшие волны качали и бросали челн из стороны в сторону. Маленькая Саджо, не помня себя от страха, вскочила на ноги; она что-то кричала. Шепиэн бросился к ней, обнял девочку, приласкал и все уверял ее, что ничего больше не случится.

А вдали проказник Чилеви потешно шлепал хвостом по воде.

Через несколько минут пирóга уже покидала берег, на этот раз без всяких приключений. Бобренок, радуясь встрече с детьми, покорно позволил поднять себя за скользкий хвост. Очутившись в пирóге, зверек стал ползать по вещам, обнюхивать детей и суетиться. Повидимому, он вовремя успел выскочить из корзинки и не опалил себе ни одного волоска шерстки.

Саджо почувствовала себя уже лучше, она могла теперь сидеть, но грести Шепиэн ей не позволил. Она сидела лицом к лицу с братом и делилась с ним своими приключениями.

Когда Саджо кончила свой рассказ, она вдруг залилась громким смехом, глядя в упор на брата.

— Шепиэн,— воскликнула девочка,— твое лицо! Если бы ты только посмотрел на себя! Да ведь ты остался без бровей!

И вдруг Саджо притихла. Нащупывая свои брови, она с волнением спросила:

— А как мои?

Девочка наклонилась через борт пирóги и стала смотреть в воду:

— Ах, останови же челн: я ничего не вижу! Скажи, как мои брови?

Саджо так волновалась, что теперь Шепиэн не мог удержаться от смеха.

«У девочек всегда так! — подумал он про себя.— Беспокоятся о пустяках! До бровей ли тут — хорошо, что в живых остались!»

Как бы там ни было, но брови у Саджо были на месте: пестрая шаль спасла их от огня. И Шепиэн успокоил сестренку.

Наши путешественники благополучно продвигались вперед, хотя пирóга, пострадавшая довольно сильно, в нескольких местах дала течь. На берегу же пожар продолжал свирепствовать, превращая все на своем пути в черную дымящуюся пустыню.

В тот день дети рано разбили свой лагерь — на острове посреди озера. Забот у них было очень много на этот раз.

Шепиэн занялся осмотром пирóги. От пушистого лисьего хвоста остался только по-

черневший, скрючившийся кусочек кожи. Краска на всей поверхности челна потрескалась, вздулась пузырями, местами совсем сошла. Почти исчез настороженный глаз птицы. Оторвался большой кусок бересты на носу от сильного толчка, когда пирóга врезалась в берег. Растопилась сосновая смола, которой залиты были щели. Во многих местах остались глубокие черные следы от упавших горячих углей. Палатка и одеяла были прожжены насквозь.

Не теряя времени, дети принялись за работу. Шепиэн срезал кору с одной из ближних березок — их росло много на острове — и стал чинить пирóгу. Необходимо было также привести в порядок и корзинку Чилеви: в ней сбоку зияла дыра, а крышки и вовсе не осталось. Саджо с иглой в руках усердно латала палатку и одеяла в прожженных местах.

Когда начало темнеть, все уже было готово, чтобы назавтра продолжать путь.

Отдыхая в вечерних сумерках, сидя рядом друг с другом, дети думали о том, как близки они были к гибели. Даже теперь доносился к ним глухой рев пожара и видно было зловещее зарево, охватившее небесный свод.

Позже, когда Шепиэн лежал на подстилке из зеленых веток и смотрел на холщевую стенку палатки, он видел, как зарево угасало: огонь умирал среди болот и скал.

Глубоко вздохнув, Шепиэн посмотрел, как сладко спит сестренка, обнявшись с Чилеви. Мальчик закрыл глаза и скоро сам перенесся в волшебный мир снов.

Золотые Кудри

Через два дня Саджо и Шепиэн вышли на берег недалеко от поселка Пляшущих Кроликов. Это название возникло оттого, что в окрестностях водилось очень много кроликов и, когда зверьки играли и прыгали при свете месяца, казалось, будто они пляшут.

Дети остановились лагерем на берегу небольшой бухточки, где Чилеви мог спокойно купаться. После того как палатка была разбита и собран хворост для костра, Шепиэн отправился в поселок.

Там он отыскал белого торговца — скупщика пушнины, который отнял у них бобренка. Тот почти не говорил по-индейски, а Шепиэн с трудом объяснялся по-английски. Они прошли в контору, которая примыкала к лавке и наедине кое-как объяснились.

Шепиэн рассказал торговцу все, что случилось. Как вся жизнь у них разладилась

— Мне не надо твоего ружья,— резко ответил торговец.

без Чикени, как тосковала Саджо и как скучал Чилеви, какие они все были несчастные.

Торговец сидел за письменным столом и смотрел на мальчика безразличными глазами, и почему-то Шепиэну казалось, что перед ним сидит судья.

— Значит, Чила... как его...—раздался грубый голос.

— Чилеви,— поправил Шепиэн.

— Так, так, — продолжал торговец, — значит, Чикели скучает, так что ли? И сестра тоже. И ты хочешь Чин... как его там? Чинави обратно. А?

— Да, — ответил Шепиэн, — надо Чикени домой.

Торговец громко кашлянул.

«Что за глупость, — подумал он, — столько канители из-за какого-то зверька!»

Шепиэн продолжал спокойным, ровным голосом, старательно подбирая слова на чужом ему языке:

— Моя хочет работай. Будет дрова делай (он хотел сказать «рубить дрова») для твоя зима. И лето будет работай. И ружье на, возьми. Моя даст дрова, ружье, все даст за Чикени. Такие слова моя говорит.

Но эти слова заставили его голос дрожать: ружье было очень дорого мальчику.

— Мне не надо твоего ружья,—резко ответил торговец.—Наша контора тебе продала его. Обратно ничего не берем. Мы не старьевщики.

Что такое «старьевщики», — Шепиэн так и не понял. Он почувствовал, что у него задрожали губы, и опустил голову на минутку, словно рассматривая мокасины. Ему не хотелось выдать свое волнение. Потом снова гордо откинул голову и сказал тихим голосом:

— Тогда зима работай тоже. Один год работай тебе. Один год работай Чикени.

«Что за чепуха, — подумал про себя торговец. — Не спятил ли малый?»

Этому человеку никак не понять было, что могло волновать мальчика-индейца.

А потом вдруг спросил:

— Пожар видел?

— Как не видел!— ответил Шепиэн.— Моя, Саджо, Чилеви ехали там. Много горело. Чуть нам конец не случилось.

Белый человек уставился на мальчика в изумлении. Через пожар пробрались! «Чепуха!» — чуть было не сказал он, но потом даже ему стало ясно, что тут не до шуток. И он рассказал о том, что бобренок в городе, что его приобрел хозяин увеселительного сада, что Чикени живет в клетке за железной решоткой. Все это он говорил на грубом жаргоне, на котором обычно объясняются торговцы с индейцами. Подконец он добавил, что Чикени (на этот раз он назвал его Чикару) продан месяц тому назад и что за него фирма выручила пятьдесят долларов.

Пятьдесят долларов! У мальчика опустились руки: он никогда не видел столько денег. Скупщики почти никогда не давали денег за мех, а обычно выменивали шкуры на товары или продукты.

Пятьдесят долларов! Его работа ненужна и ружье тоже. А больше ему нечего было предложить. Но Шепиэн не привык падать духом. Он вернулся в лагерь и спокойно сказал Саджо, что уже все узнал о Чикени. Свою обиду на бессердечного торговца и все свои горькие сомнения Шепиэн скрыл от сестры.

Саджо по-детски обрадовалась весточке, которую принес ей брат, и решила, что теперь уже скоро и ехать можно, только подождать немного, пока Шепиэн заработает денег на билеты и на выкуп Чикени.

Она не знала, как ломал себе голову и мучился Шепиэн. «Сколько стоят билеты?» — об этом он даже боялся спросить. Что скажет отец, когда узнает обо всем? Но ведь не было другого выхода, чтобы рассеять горе сестренки. Всю ночь ворочался с боку на бок Шепиэн и все думал и думал, как дальше быть. Если бы только как-нибудь добраться до города! Может быть, там белые люди не такие жестокие, как скупщик меха. Он пошел бы к новым хозяевам Чикени и рассказал бы обо всем, что случилось, и о том, сколько горя принесла разлука с бобренком. Может быть, они отдали бы Чикени, и Саджо могла бы с ним вернуться домой, а он остался бы, чтобы отработать плату за маленького бобренка. Шепиэн считал, что понадобится не менее ста долларов. А такую сумму мальчик даже не мог себе представить. Он только слыхал об одном счастливом индейце, которому удалось скопить большие деньги, работая проводником у американских туристов. Гитчи Мокомен — Большие Ножи, как индейцы называли американцев, — часто щедро расплачивались с проводниками и на прощанье даже иногда оставляли им свои палатки, ружья и другие походные принадлежности.

Тут Шепиэна осенила новая мысль.

Через каждые два или три дня к пристани поселка Пляшущих Кроликов причаливал неуклюжий двухпалубный пароход с огромными колесами по бокам. Этот несуразный челн отвозил людей к железной дороге. Но попасть туда ни за что не удастся без денег. Мальчик стал размышлять, сколько капитан мог бы запросить за проезд. Конечно, больше, чем Шепиэн мог заплатить, потому что у него вообще не было денег. Большие Ножи приезжали иногда на этом пароходе. Может быть, кому-либо понадобится проводник. С этими мыслями, наспех позавтракав, Шепиэн поспешил в поселок.

Но, кроме скупщика, целое утро там никого не было. Однако незадолго до полудня на реке запыхтел неуклюжий челн-великан и привалил к пристани, властно рассекая воду. Он вертел своими колесами, вздымая фонтаны брызг, свистел трубой, звенел звонком, — словом, поднял невозможный шум, впрочем, этого и следовало ожидать от единственного парохода во всей округе.

Кучка туристов вышла на берег со свернутыми палатками и другими вещами. И столько этих вещей было у каждого из них, что Шепиэн только дивился, зачем они столько набрали.

Туристы с любопытством стали рассматривать маленького индейца: они смотрели на его ноги, обутые в мокасины из оленьей кожи, на черные волосы, заплетенные в две длинные косы. Стали шептаться между со-

бой, чему-то удивлялись. Потом направили на него какие-то черные ящики и щелкнули.

Шепиэну вдруг стало как-то стыдно и неловко перед этими людьми, которые так странно одевались и так громко шумели и были такие бледные или очень краснощекие. И он почувствовал себя совсем маленьким и одиноким: ему сразу стало ясно, что никогда в жизни он не наберется храбрости, чтобы стать проводником хотя бы у одного из них. Мальчик повернулся и почти бегом пустился в обратный путь.

Но кто-то крикнул ему вслед по-индейски:

— Подожди, сынок! Я хочу с тобой поговорить.

Шепиэн не заметил там ни одного индейца, обернулся назад и увидел человека, который говорил на языке Ожибвеев почти так же хорошо, как и он сам. Это был не индеец, а бледнолицый — высокий широкоплечий юноша с шапкой золотых кудрей и голубыми глазами, не жесткими голубыми глазами, как у скупщика, а с улыбающимися, добрыми глазами. Его белая рубашка была расстегнута у ворота, рукава засучены выше локтя, обнаженные руки и шея так загорели на солнце, что были почти такого же медного цвета, как и кожа индейцев. На ногах у него были мокасины. Несмотря на свое волнение Шепиэн заметил, что незнакомец ступал как-то несмело, видно, это была непривычная для него обувь. Незнакомец подошел к мальчику, положил руку ему на плечо, и Шепиэн сразу забыл про шумную толпу и видел перед собой только добрые глаза золотокудрого юноши (Шепиэн про себя назвал его Золотые Кудри), слушал, что он говорил ему по-индейски, так хорошо владея всеми мягкими переливами родной мальчику певучей речи.

— Не бойся, — говорил он. — Эти люди не обидят тебя, они только хотели тебя снять, чтобы иметь твою карточку на память.

Незнакомец обрадовался, когда узнал, что Шепиэн, — сын Гитчи Мигуона, и очень заинтересовался, услышав о лесном пожаре. Он пошел вместе с Шепиэном.

— Пойдем в твой лагерь и поговорим. Я хочу, чтобы ты мне рассказал про ваши приключения. Мне уже давно хотелось повидаться с детьми Гитчи Мигуона: твоего отца я хорошо знаю.

Шепиэн повел юношу через лес в лагерь: он не решился сесть с ним в свою пирóгу, боялся, что белый человек перевернет ее.

Саджо готовила обед у костра. Когда она увидела брата с незнакомцем, она спряталась в палатку, потому что, кроме торговца, которого ненавидела всем сердцем, Саджо никогда еще не встречалась так близко с белым человеком.

Но, услышав индейскую речь, Саджо выглянула и встретилась глазами с ласковым гостем. Тогда она набралась храбрости, вышла и стала снова хлопотать у костра.

Сначала она ни на кого не глядела и, казалось, вся погрузилась в свои хлопоты. Но потом надвинула шаль на лицо и украдкой взглянула на незнакомца. Не раз ловил бледнолицый гость робкий взгляд Саджо, и каждый раз, как это случалось, девочка краснела и опускала голову. В конце концов обед был все-таки готов. Тогда все сели на землю, по индейскому обычаю, и стали обедать.

И пока они обедали, гость рассказал детям о себе. Он был писателем и подолгу жил среди индейцев племени Кри, Сото, Ожибвеев, изучая их обычаи и язык. Ему нравился индейский народ; многие их обычаи он считал прекрасными. Он писал книжку об индейцах и надеялся что когда белые люди больше о них узнают, то будут лучше относиться к ним.

Саджо и Шепиэн ловили каждое слово гостя и просто не верили своим ушам. Разве могли бледнолицые хорошо относиться к индейцам? Им стало казаться, что незнакомец — их брат, хотя кожа его там, где не тронуло ее солнце, была совсем белая, а глаза не черные, как у индейцев, а голубые как небо в яркий полдень.

Между тем Чилеви, окончив прихорашиваться после купанья, почуял, что происходит что-то вроде обеда, и прибежал, переваливаясь, посмотреть, в чем дело. Увидев незнакомца, он направился к нему прямо через скатерть, разостланную на земле, уселся перед ним на задние лапки и стал внимательно рассматривать его. Наверное, бобренок решил про себя, что при участии такого большого гостя можно получить немало хлебца. Как бы там ни было, но гость, видно, приглянулся маленькому бобру, потому что он начал кивать головой взад и вперед и из стороны в сторону и покачиваться всем телом, как, бывало, раньше плясал, а потом опрокинулся на спину прямо на тарелки и давай качаться и валяться с боку на бок. Загремела, зазвенела посуда, что-то полилось, поскакали во все стороны чашки и тарелки, и Саджо поспешила сунуть бобренку большой ломоть хлеба, надеясь, что он удалится в палатку и там пообедает.

Но на этот раз зверька не удалось подкупить: наверное, ему не хотелось оставлять приятное общество, и он уселся тут же, взял в лапки хлеб и начал уплетать его, поглядывая одним черным глазом на незнакомца.

Не удивительно, что гость, которому еще никогда не приходилось видеть такого потешного зрелища, хохотал от души. Зазвенел и детский смех Саджо, и даже Шепиэн, на минуту забыв свои заботы, заразился общим весельем.

Скоро дети рассказали своему новому другу всю историю: как Большое Перо спас бобрят от гибели, как потом подарил их Саджо в день рождения, как вышло, что их назвали Большая Крошка и Маленькая Крошка. Рассказали и о печальной разлуке, о том, как все тосковали, а потом отправились на поиски и чуть не погибли в пути во время страшного лесного пожара. В заключение Шепиэн сказал, что ему надо найти работу, потому что нужны деньги на билет, иначе не доберешься до города. И еще нужны деньги, чтобы выкупить Чикени.

Золотые Кудри, улыбаясь, слушал рассказ детей, но подконец улыбка сошла с его ли-

ца. Он протянул руку, чтобы погладить мягкую, шелковистую шерстку бобренка, и сказал, словно сам с собой разговаривал:

— Значит, это Большая Крошка, а Маленькая Крошка далеко в городе. И эти дети... этого нельзя допустить.

Он украдкой взглянул на Саджо, заметив, что она снова надвинула соскользнувшую шаль. Две большие слезы медленно катились по щекам девочки.

Гость встал, собираясь уходить, и на прощанье сказал:

— Я ваш друг и друг вашего отца. Завтра я снова зайду сюда. Быть может, мне удастся рассеять тучу, которая нависла над вами.

Он кивнул головой и ушел.

По следам

Золотые Кудри не заставил себя ждать: назавтра, рано утром, он снова пришел к детям.

— Вот тебе, сынок, — сказал он с улыбкой, протягивая Шепиэну два конверта. — Здесь письмо, которое поможет тебе достать билеты, а здесь деньги.

Шепиэн протянул руку, взял конверты и вынул из одного из них пачку новых долларовых бумажек.

Он просто не верил своим глазам. Мальчик никогда еще не видел столько денег. Неужели это для них? Какую же работу должен он сделать, чтобы взять эти деньги?

Взволнованный, путая чужие ему английские слова, Шепиэн стал расспрашивать юношу, чем он может ему отплатить.

— Ничего не надо, — ответил Золотые Кудри успокаивающим голосом. — Вам нельзя терять времени. Завтра же отправляйтесь в путь. Надо спешить, иначе ваш маленький друг может погибнуть. Животные тоскуют в неволе и часто умирают.

Юноша подумал про себя: «Если не хватит этих денег на все расходы, то Шепиэн, наверное, сможет еще подработать у хозяина увеселительного сада. Так или иначе, надо рисковать, может быть, и улыбнется удача».

Потом Золотые Кудри написал записочку одному мастеровому, которого он знал еще с детства, прося его дать приют маленьким путешественникам. Передавая детям конверт, где отчетливо был написан адрес, юноша советовал Шепиэну по приезде в город прежде всего отыскать постового, иначе им трудно будет найти адресата.

Потом друзья вместе наломали тополевых прутиков для Чилеви в дорогу, и Золотые Кудри обещал детям присмотреть за пирогой и палаткой во время их отсутствия.

На следующее утро пароход увез вместе с другими пассажирами двух меднокожих ребят и их маленького четвероногого спутника.

В этот же день три пироги направились к берегу, опустошенному пожаром. Они скользили по воде с неимоверной быстротой. В них сидели индейцы, обнаженные до пояса, с волосами, завязанными узлом на макушке. Опытный человек по одному этому узнал бы, что индейцы спешат: в спокойное время индейцы заплетают свои волосы в две косы и только во время напряженной работы завязывают их узлом, чтобы они не мешали.

Это были молчаливые, угрюмые на вид люди. Они обливались потом от напряженной гребли. Медно-коричневые тела наклонялись вперед и откидывались назад, а весла, сверкая на солнце, мелькали в воздухе.

Не успела передняя пирога причалить к берегу, как человек уже выскочил из нее. Это был Большое Перо. Он вернулся домой со своими одноплеменниками и нашел хижину пустой.

Припав на колени у самой воды, индеец отгреб руками пепел, теперь уже остывший, и увидел там след врезавшейся в берег пироги, а рядом отпечаток маленького мокасина, наполовину смытый водой. Индеец вскочил на ноги.

— Они уехали этим путем! — закричал он. — Скорее за топоры. Надо очистить волок. Я буду искать их след, я боюсь, что...

Большое Перо замолчал: раздался голос седовласого старца с мудрым, покрытым морщинами лицом.

— Подожди, сын мой, — говорил старый вождь Ни-Ганик-Або. — Мои старые глаза много видели в жизни. Позволь мне первому пройти по тропе. Наверное, я смогу отыскать следы.

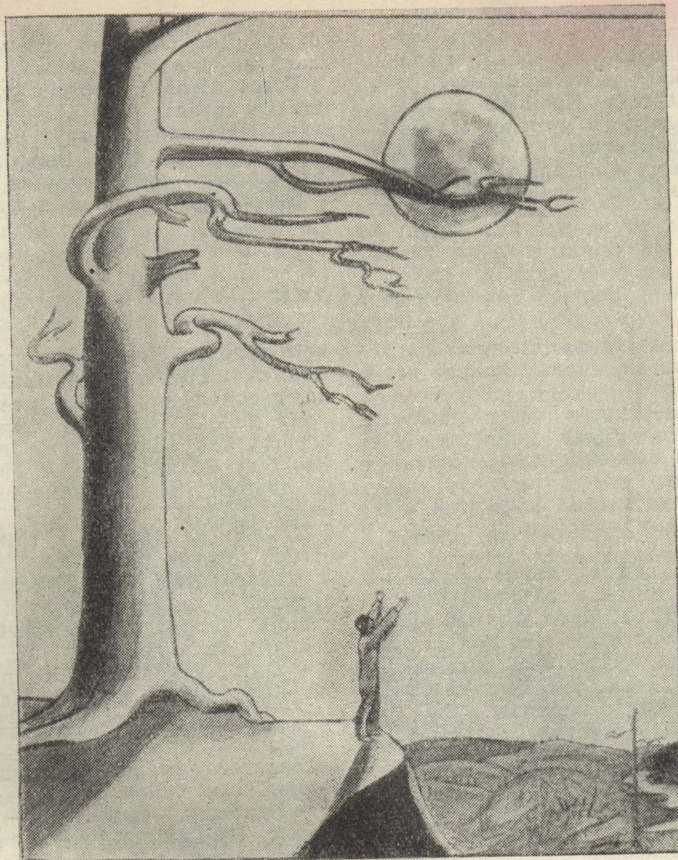
Гитчи Мигуон склонил голову, покорный слову вождя, и не двинулся с места.

Впереди все было завалено почерневшими, изуродованными деревьями, вдоль и поперек загромоздившими тропу. Тропу нужно было очистить как можно скорее. Индейцы взялись за топоры. Работа закипела.

Гитчи Мигуон в томительном ожидании стал хлопотать у костра. Людям придется работать здесь долго. Надо было приготовить обед.

А старый вождь искал в разоренном пламенем лесу следы детей. Он поднимал каждое упавшее дерево, которое только был в силах поднять, и долго всматривался в землю. Старый вождь знал, что пламя лесного пожара мчится иногда с такой быстротой, что не все успевает уничтожить на своем пути. Так, под одним деревом, повергнутым на землю, но только частично обгоревшем, он нашел обугленную крышку берестяной корзинки Чилеви. А на дальнем краю волока Ни-Ганик-Або обнаружил глубокий след пироги, должно быть, со всего размаха врезавшейся в берег. Почему? Ведь путь ее лежал в противоположную сторону. Взглянув на огромное, наполовину обгоревшее дерево, которое рухнуло в воду на расстоянии двух челнов от берега, мудрый вождь понял, как было дело.

Итак, он вернулся в лагерь и сказал убитому горем отцу, что не надо больше печалиться. Старого вождя окружили индейцы,



Индеец поднял руки к небу и стал молиться вслух.

и он долго рассказывал им, как удалось найти следы. Он уверял Гитчи Мигуона, что огненный враг не погубил детей. Большое Перо, сжимая обгоревшую крышку корзинки, хотел бы заставить свое сердце успокоиться.

Когда опустилась ночь, Гитчи Мигуон поднялся на огромный голый утес, у ног которого распростерлась разоренная пожаром земля. С омраченным скорбью лицом индеец поднял руки к небу и стал молиться вслух:

— О-уэй, О-уэй, Маниту — владыка леса, сохрани моих детей от беды! Сохрани их от гибели!

Если их не станет, погаснет моя жизнь, как этот пепел сгоревшего леса у ног моих!

Солнце не светит мне больше, и я не слышу песен птиц. Только веселый голосок Саджо звучит в моих ушах, а перед глазами стоит отважное лицо моего сына: взором сокола встречает он огненного врага!

О Маниту, я поступил дурно! Я признаю свою вину. Это я ранил сердечко моей Саджо, это я затуманил грустью ее глаза.

О Гитчи Маниту, верни их невредимыми в Долину Лепечущих Вод! Сохрани их! О-уэй! О-уэй!

И в то время как его голос раздавался над опустошенной пожаром землей, позади, в свете месяца, сидел седовласый вождь с лицом, покрытым морщинами. Он мерно и тихо ударял в расписной барабан.

А Саджо и Шепиэн мчались все дальше и дальше от Долины Лепечущих Вод. Они давно уже пересели с парохода в поезд. Вперед, сквозь тьму ночи, к городу, с быстротой ветра катили их колеса.

(Окончание в следующем номере)

«Солнце» на турнике.

Будем физкультурниками

Три совета тренера

«Мост» на параллельных брусьях.

М. Черевков

,,Сырой человек"

Был у меня ученик. Звали его... Впрочем, не все ли равно, как его звали? Ребята дали ему прозвище «сырой человек».

«Сырой человек» был высоким семнадцатилетним юношей и увлекался спортом. Издали он казался мускулистым. Но когда вы стояли рядом, то так и хотелось ткнуть пальцем в его мясистое плечо и посмотреть, насколько он погрузится в его дебелое тело. Тем не менее «сырой человек» был довольно силен и ловок. Сказывалась регулярная спортивная тренировка.

Как-то раз мы готовились к соревнованиям по легкой атлетике. Ребята долго обсуждали, кого выделить в команду для специальной тренировки. Больше всего спорили о «сыром человеке».

— Его надо тренировать. Он дальше всех бросает гранату,— говорили одни.

— И прыгает хорошо,— добавляли другие.

— И стометровку пробежит неплохо! — кричали третьи.

Но староста кружка Антоша запротестовал.

— «Сырой человек»,— сказал он,— не вытянет бега на 1000 метров и опозорит нашу школу.

Действительно, отличаясь в метаниях и прыжках, «сырой человек» не мог пробежать 1000 метров. Едва дотянув половину дистанции, он задыхался, как рыба без воды, и, безнадежно махнув рукой, останавливался.

— Может быть, ты не здоров? — спрашивал я.— Почему у тебя совсем нет выносливости?

— Я чувствую себя отлично. А бежать не могу: тяжел,— печально отвечал «сырой человек».

На всякий случай я лишний раз сводил его к врачу.

— Вполне здоров. Хоть сейчас во флот,— таково было заключение доктора.

Посоветовавшись со мной, «сырой человек» решил ежедневно делать усиленную утреннюю гимнастику и прыгать со скакалкой, чтобы развить выносливость. Ему очень хотелось участвовать в соревнованиях и было обидно уступать свое место в команде более слабым ребятам.

Через несколько дней я зашел к нему рано утром на квартиру. «Сырой человек» только что закончил свои упражнения и, порозовевший от холодной воды, сидел за столом и завтракал. Апетит у него был отличный. Но не это меня удивило. Пока мы разговаривали, он выпил шесть стаканов чаю.

— Ты всегда столько пьешь? — спросил я.

— Всегда: утром, после обеда и за ужином.

Юные акробаты: Адя Синяков и Коля Гаврилин (внизу), Володя Ушаков (в центре) и Леля Гаврилин — готовят пирамиду.

— Значит, ты выпиваешь в день одного чая восемнадцать стаканов, а молоко, суп? Ведь это составит стаканов двадцать в сутки...

— Может быть. Я не считал,— флегматично ответил «сырой человек».

Однако он внимательно выслушал мои наставления о питьевом режиме спортсмена и стал строго их придерживаться. Через месяц «сырой человек» участвовал в легкоатлетических соревнованиях и легко одолел 1000 метров.

Спортсмен во время тренировки должен пить не более 6—8 стаканов жидкости в день, считая суп, молоко, вообще всю жидкую пищу. При чрезмерном количестве жидкости кровь разжижается, увеличивается в объеме и сильнее давит на стенки кровеносных сосудов и сердца. Повышенное кровяное давление затрудняет работу сердца, и оно не выдерживает большой физической нагрузки.

Ребята, бегающие на лыжах, коньках и особенно готовящиеся к соревнованиям, не должны употреблять более 6—8 стаканов жидкости в день.

„Мнимое кормление"

Собака жадно ела. Она хватала мелко нарезанные кусочки мяса и быстро их проглатывала. Но пища не попадала в желудок: она вываливалась в отверстие на горле и падала опять в миску. Под животом животного была привязана стеклянная пробирка. Из отверстия в брюшной стенке в пробирку стекал желудочный сок. Его было так много, что пробирка почти наполнилась.

Такой опыт проводил, изучая деятельность органов пищеварения, знаменитый русский ученый академик Павлов. Он делал собаке две операции: перерезал пищевод и выводил его наружу в области горла, вскрывал брюшную полость и делал свищ желудка.

Опыты показали, что пищеварительные соки выделяются в желудок еще тогда, когда пища находится в полости рта. Этот известный опыт И. П. Павлов назвал «мнимым кормлением»[1].

Ребята, имеющие дурную привычку чуть ли не ежеминутно жевать то кусочек хлеба, то ириску, то плюшку, во многом повторяют на себе опыт «мнимого кормления». Они заставляют свой желудок выделять огромное количество желудочного сока, не давая ему достаточно пищи. Желудок работает вхолостую. Когда же приходит время обеда, оказывается, что нет апетита.

Беспорядочное питание ослабляет организм и вызывает желудочные болезни. Есть следует всегда в одно и то же время. Между приемами пищи должно пройти от 4 до 5 часов, так как примерно столько же времени пища переваривается в желудке.

Не забывайте об этом, если хотите быть здоровыми и сильными.

Умело расходуй силы

Часто мне приходилось слышать от участников соревнований по лыжам, конь-

---

[1] Подробнее об этом можно прочесть в интересной книге А. Югова «Павлов». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1939.

кам или бегу: «Эх! Я мог бы пройти быстрее. Пришел к финишу совсем свежим».

Действительно, многие начинающие спортсмены, боясь «зарваться» и не дотянуть до конца, бегут дистанцию слишком медленно. Они приходят к финишу полные сил, но далеко позади победителей.

Еще чаще новички бегут в начале дистанции слишком быстро. Не пройдено еще и половины, а силы исчерпаны, горло сжимает одышка, сердце бешено бьется, ноги налились свинцом усталости. Редко зарвавшийся бегун кое-как доберется до финиша. В большинстве случаев он бросает борьбу и сходит с дистанции.

Представьте себе, что лыжник-связист послан на фронте со срочным донесением. От того, как скоро он сумеет доставить пакет, зависит успех борьбы с врагом. Если лыжник пойдет в полсилы, то опоздает; если побежит слишком быстро, то сдаст на полпути и все же не доставит донесения вовремя. Он должен точно рассчитать свои силы и идти с такой скоростью, чтобы, окончив путь, «отдать все», как говорят спортсмены. Тогда его путь будет пройден с наибольшей быстротой.

Точно рассчитывать свои силы и умело их расходовать учат соревнования по бегу, на коньках, лыжах, по плаванию и т. д. Чтобы пройти дистанцию с наибольшей, доступной спортсмену скоростью, нужна серьезная тренировка. Разберем, как нужно готовиться к бегу на лыжах на 3 километра мальчикам и на 2 километра девочкам. Эти дистанции придется бежать всем ребятам, сдающим нормы на значок «Будь готов к труду и обороне».

Как только выпадет снег, начинайте лыжные прогулки. Ходите каждый выходной и по возможности 1—2 раза в неделю в учебные дни. На первых прогулках не торопитесь, гуляйте медленно и не слишком долго. Час—полтора—и вполне достаточно. Изучайте лыжную технику. Каждую прогулку начинайте с ходьбы на лыжах, не толкаясь палками. Это лучший способ развить чувство равновесия и научиться правильно передвигать ноги, так, чтобы при каждом шаге получался большой «раскат», т. е. чтобы лыжи далеко скользили.

Через 1—2 недели, когда вы сделаете 2—4 таких прогулки, можно приступить к более трудной тренировке.

В выходные дни делайте спокойные, но продолжительные прогулки. Доводите их постепенно до 10—15 километров. Ходите не быстро, ровным шагом, следите за техникой, учитесь спускаться с гор и подниматься на них, не снимая лыж.

В учебные дни проводите один, а лучше два раза короткие скоростные тренировки. Они займут не более часа, а такое время всегда можно найти. На этих тренировках учитесь ходить с той скоростью, с которой вам придется бежать на соревнованиях.

Чтобы получить отличную оценку, мальчики должны пройти 3 километра в 18 минут, девочки — 2 километра в 16 минут. Если на первых же скоростных тренировках пытаться пробежать всю дистанцию с такой быстротой, то неподготовленный организм не выдержит напряжения и вы нанесете ему вред.

Тренируйтесь так: пройдите 1 километр в темпе соревнования, т. е. мальчики в 5,5—6 минут ($6 \times 3 = 18$ минут — норма БГТО); девочки — в 7,5 — 8 минут. Затем 10 минут идите очень медленно и отдыхайте. Далее, пробегите 1 километр еще раз с той же скоростью, как и вначале. На этом девочки кончают тренировку, а мальчики, отдохнув еще 10 минут, снова пробегают 1 километр. Таким образом, девочки проходят быстро 1 километр два раза, а мальчики три раза. Тренируйтесь так 2—3 дня.

На следующих 2—3 тренировках мальчики пробегают 1,5 километра в 8—9 минут и, отдохнув 10 минут, снова повторяют пробежку на ту же дистанцию с той же скоростью. Девочки тренируются по-прежнему.

Далее тренировка снова усложняется. Мальчики пробегают 2 километра в 11—12

По гимнастике установлено семь разрядов. Сдавая по ним нормы, гимнаст переходит из одного разряда в другой. На снимке — упражнения на турнике.

минут и после отдыха в 8—10 минут еще 1,5 километра в 8—9 минут. Девочки проходят 1,5 километра в 11—12 минут и, отдохнув, 1 километр в 7—8 минут.

Когда станет совсем легко пробегать в указанное время тренировочные дистанции, делают «прикидку», т. е. мальчики пробуют пройти 3 километра в 18 минут, а девочки — 2 километра в 16 минут. На «прикидке» не отдавайте всех сил. Это можно делать только на соревнованиях.

Если вы не можете уделить времени на тренировку по лыжам в учебные дни, то делайте скоростные пробежки в выходные дни. После скоростной тренировки можно немного погулять на лыжах и покататься с гор, но ни в коем случае нельзя останавливаться, так как можно легко остыть и простудиться. В учебные дни 1—2 раза в неделю ходите на каток и бегайте на коньках. Это даст вам выносливость и поможет сдать лыжные нормы.

Скоростную тренировку проводите на дистанции, где отмечен знаками каждый километр. Обычно такие дистанции подготавливаются в местах сдачи норм на значки БГТО и ГТО — около лыжных станций. Если размеченной дистанции нет, сделайте это сами. Отмерьте сантиметром или рулеткой кусок шпагата длиной в 50—100 метров и вдвоем с товарищем разметьте шпагатом километры около лыжни. На каждом километре поставьте условный знак: привяжите красную тряпочку к ветке близстоящего дерева, поставьте палочку и т. п.

Время при беге на лыжах замечайте по часам. Они всегда найдутся у кого-либо из ваших товарищей, а тренироваться в компании и веселее и полезнее: всегда можно чему-либо научиться друг у друга.

Чтобы познакомиться с лыжной техникой, присматривайтесь, как ходят взрослые спортсмены. Особенно полезно приходить на соревнования, где выступают лыжники-мастера.

Никогда не тренируйтесь до утомления: это вредно. Тренируясь так, вы не улучшите своих результатов. После пробежки должно быть хорошее настроение и желание еще походить на лыжах.

„Летучий ревматизм"

Утром Коля встал, как говорится, с левой ноги. Не хотелось идти в школу, все тело болело.

Он пожаловался на недомогание.

— Где болит-то пуще всего? — спросила бабушка.

— Ноги как будто свинцом налиты, и приседать больно.

— Ну вот! — заохала бабушка.— Говорила я тебе вчера: не бегай в такой мороз на лыжах. Схватил ревматизм...

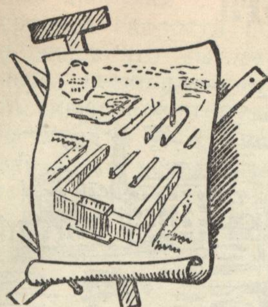
Коля все же собрался в школу. Когда он спускался с лестницы, то заметно хромал. Но на ходу боль уменьшилась. В школу он пришел совсем бодрым. Вечером боль почти прошла, а на другой день от нее не осталось и помину.

— Летучий ревматизм, — авторитетно заявила бабушка.

Согласны ли вы, ребята, с диагнозом бабушки? Чем и от чего болел Коля, приносит ли эта болезнь вред организму, и как от нее скорее избавиться?

Ответьте на эти вопросы. Лучший ответ будет напечатан в журнале.

★ ★ ★



Замечательный город

По реке, на которой стоит наш город, ходят водные троллейбусы, спроектированные Ароном Кипнисом. По улицам города со страшной скоростью мчатся аэромобили. Это такие машины, которые приводятся в движение воздушным винтом (пропеллером), укрепленным на оси двигателя.

При такой большой скорости аэромобиля становится опасным всякое другое движение на улицах. Для пешеходов устроены тоннели и подвесные мосты. От входов в тоннели до выходов из них двигаются эскалаторы.

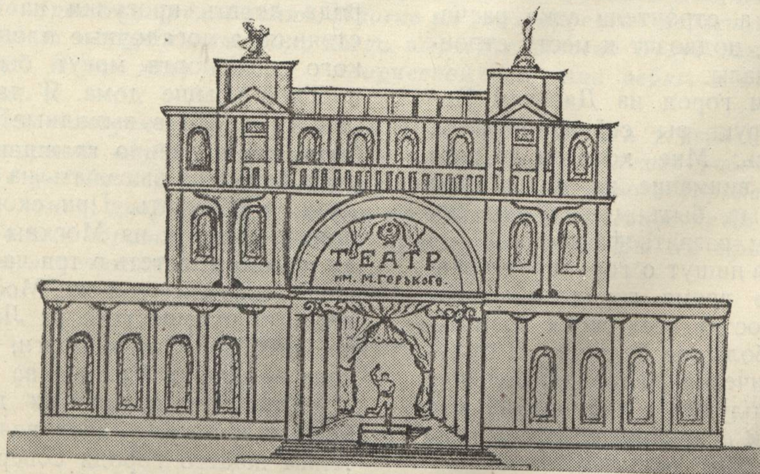
В юговосточной части города, на берегу реки, стоит большое, многоэтажное здание. Это фабрика-кухня. Все процессы приготовления пищи на фабрике-кухне производятся машинами. При фабрике-кухне есть хорошая столовая, но многие жители в столовую не ходят. Обед им доставляется надом. Работник фабрики-кухни вставляет термос с обедом в специальные патроны электромагнитной почты, нажимает кнопку — и патрон направляется по трубкам по назначению. Жители вовремя получают обеды и ужины.

В городе есть несколько театров. Театр имени А. М. Горького построен по моему проекту.

Театр сделан из светлого гранита. Зрительный зал залит ярким светом, но лампочек и прожекторов не видно. Создается такое впечатление, что ты сидишь под открытым голубым небом. В театре работает «фабрика погоды». Она очищает воздух. Поэтому летом в театре прохладно, зимой тепло, но не душно.

Сатин Владимир.

С. Пески, Воронежской области.

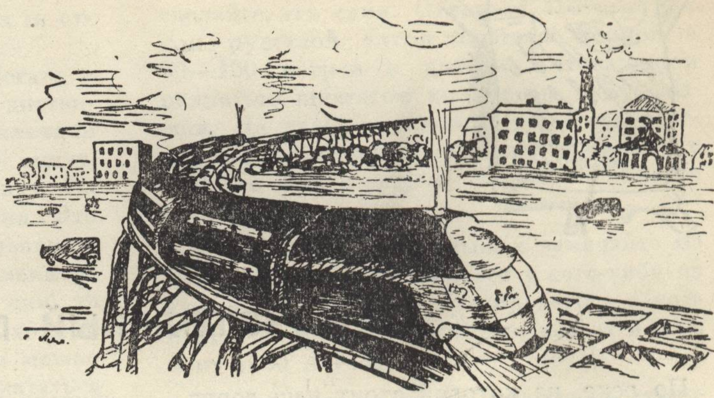


Надземная железная дорога

В нашем новом городе будет много чудесных мест для отдыха. За городом, в парках культуры и отдыха, на площадках и стадионах, на берегу реки всегда будет много отдыхающих. Мы должны позаботиться, чтобы к месту отдыха граждане нашего города доехали быстро, в просторных и удобных вагонах и машинах.

Я предлагаю построить в городе надземную железную дорогу. По навесным рельсам будут курсировать сверхскорые поезда. Поезд будет приводиться в движение электрическим током, идущим по рельсам.

Сеня Ляховецкий, Москва



Движущийся тротуар

Тротуары на главных улицах нашего города надо сделать в четыре ленты: одна лента неподвижная, а три движущиеся, как эскалатор. Первая лента движется со скоростью 5 километров в час, вторая — 8, третья — 15. На третьей ленте стоят скамеечки. Ими будут пользоваться пассажиры. Мостовая так же, как и тротуар, состоит из полос. Их восемь, по четыре на каждой стороне. По первой полосе транспорту разрешено двигаться со скоростью 50 километров в час, по второй — 80, по третьей — 150. Четвертая полоса предназначена для обгона.

Олег Чистяков,
Москва

За осуществимые фантазии

Академик В. Н. Образцов

Мы живем в такое время, когда все наши фантазии быстро осуществляются. Не успеют архитекторы составить какой-нибудь проект, а строители уже расчищают площадку, подвозят к месту строительства материалы.

Игра «Строим город на Дальнем Востоке», в которую вы сейчас играете, мне понравилась. Мне хочется только обратить ваше внимание на целый ряд вопросов, которые, быть может, еще более помогут вам развить фантазию.

Многие ребята пишут о городском транспорте. В наше время городской транспорт еще не достиг всех своих возможностей, у него большое будущее. В будущих социалистических городах большое применение получит индивидуальный авиотранспорт, к освоению которого пока что делаются только попытки.

Маленькие удобные авиэтки и особенно геликоптеры (автожиры) дадут возможность жителям социалистического города делать прогулки на большие расстояния, а посадочные площадки для такого транспорта могут быть на любой плоской крыше дома. Я даже представляю себе, что в выходные дни, а может быть, и ежедневно граждане вашего города будут не выезжать на работу или на дачу, а вылетать. При скорости 200 километров в час из Москвы до Ленинграда можно долететь в три часа. В обычный день можно из той же Москвы легко совершить путешествие на Ладожское озеро, на берег Оки и Волги, а в выходной день — даже в Крым и на Урал.

Устройство прицепных дач к автомобилю и к поезду даст возможность жителям нашего города совершать загород-

ные прогулки с ночевкой в пути. При средней скорости поезда 80 километров в час, а это мы, вероятно, будем иметь через несколько лет, за одни сутки из Москвы можно будет попасть в Крым, на Урал и т. д. Прицепные дачи позволят легко устраиваться за городом, притом в любом месте.

Самые города должны быть хорошо озеленены и обводнены, чтобы жители и в городе чувствовали себя, как на даче.

Некоторые ребята пишут о том, что в городе нужно построить подвесные канатные дороги и фуникулеры. По-моему, они в вашем городе ненужны. Их есть смысл строить только в особо гористых и курортных районах, так как скорости движения по ним и количество перевозимых ими пассажиров невелики.

Подвижные тротуары (предложение Олега Чистякова) и эскалаторы, мне кажется, могут быть реальны в будущем, но разница в скорости лент не может быть больше 5 километров в час, иначе пассажиру будет трудно и опасно переходить с одной ленты на другую. Вполне возможны и водные троллейбусы (предложение Арона Кипниса).

Было бы, однако, очень желательно, чтобы предложения пионеров, участников игры «Строим город на Дальнем Востоке», исходили из реальной возможности. Жюль Верн тем силен, что все то, что он описывал, было осуществимо и строилось на известных тогда законах физики и химии. Такая фантазия наталкивает людей на изучение ее и создание проектов. Так получилось и с фантазиями Жюль Верна, которые, за исключением полета на луну, все осуществлены.

Я за такие фантазии, которые в ближайшем будущем могут быть осуществлены. Вот Володя Сатин предлагает построить в городе аэромобиль, а мне кажется, что аэромобиль ненужен: ведь и автобусы дадут очень большую скорость, а при наличии в городе частых остановок очень большие скорости недопустимы даже и при отсутствии пересечений, да и ненужны.

Все эти мысли пришли мне в голову, когда я знакомился с письмами и проектами участников этой интересной игры. Есть очень интересные проекты. Володя Сатин предлагает построить фабрику-кухню с индивидуальной доставкой обедов надом, Игорь Чучко составил проект вездехода, Олег Чистяков интересно разрешает постройку подвижного тротуара, а Сеня Ляховецкий предложил построить надземную дорогу. При условии красивого архитектурного оформления такую дорогу построить, конечно, можно.

Игра интересная. И когда она окончится, вы, ребята, продолжайте мечтать, продолжайте фантазировать. И, главное, старайтесь не только придумать, что бы вам хотелось видеть в новых городах, но и обдумать, как это можно построить.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

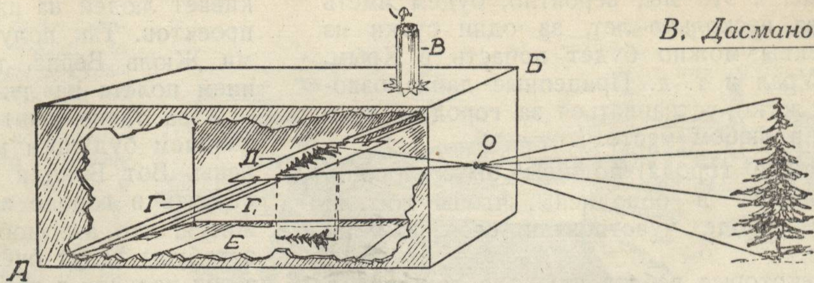
На этом мы заканчиваем игру «Строим город на Дальнем Востоке». Ребята, участники игры, хорошо поработали и прислали нам интересные письма, проекты, предложения. Многие из этих проектов ребята, несомненно, увидят осуществленными, когда вырастут, многие будут сами осуществлять. Игра дала толчок творческой фантазии ребят, и это—самое главное.

Мы советуем всем участникам игры организовать у себя в школах, в пионерских клубах архитектурные кружки и продолжать работу. Предложите у себя в звене коллективно сделать макет нового города, макеты новых домов, дворцов. Это—очень интересное и полезное дело.

Самые хорошие свои работы присылайте нам. Мы их сфотографируем и напечатаем в журнале.

В. Дасманов

Камера-обскура



В прежнее время, когда фотография еще не была изобретена, художники часто пользовались для зарисовки ландшафтов и портретов особым прибором, который называется камерой-обскурой. Камера-обскура — это оптический прибор, при помощи которого можно на экране или просто на бумаге получить уменьшенное изображение какого-либо ландшафта или человека, находящегося перед камерой-обскурой.

Небольшую переносную камеру-обскуру изготовить может каждый очень легко. Для изготовления ее потребуется очень немногое: 1) большая картонная коробка с крышкой; 2) небольшое карманное зеркальце, 3) кусок черной материи, а еще лучше кусок рукава от старой черной рубашки или тужурки и, наконец, 4) полоска толстого картона или длинный и узкий кусок фанеры.

Картонная коробка должна быть большая, примерно таких размеров, чтобы на дно ее свободно можно было положить пол-листа бумаги. Форма коробки должна быть четырехугольная и лучше всего не квадратная, а несколько продолговатая.

Прежде всего раскаленным на огне гвоздем или шилом проделайте в одной из стенок коробки посредине круглую дырочку. Затем прорежьте в крышке коробки круглое отверстие диаметром примерно в 3 сантиметра. Отверстие это должно находиться как раз над дырочкой, отступя 3—4 сантиметра от того конца крышки, который расположен над стенкой с дырочкой (см. чертеж). Над отверстием приклейте сверху трубку, склеенную из бумаги. Диаметр трубки должен быть немного больше диаметра отверстия, а высотой трубку нужно сделать в 5—6 сантиметров. Из толстого картона вырежьте 2 полосы шириной 3—4 сантиметра и такой длины, чтобы эти полосы, если их положить вдоль коробки с угла на угол по диагонали, не выступали своими концами сверху, а упирались в верхний угол коробки. Полоски из картона нужно укрепить клеем при помощи бумажных ленточек параллельно, так, чтобы верхние их концы находились в верхнем углу коробки, над стенкой с дырочкой, а нижние концы их находились в противоположном, нижнем углу коробки. Иначе говоря, полоски следует укрепить под углом в 45° ко дну коробки. Расстояние между обеими полосками должно быть 5—6 сантиметров. К этим картонным полоскам при помощи клея и бумажных ленточек прикрепляется снизу зеркальце прямо против дырочки так, чтобы свет, попадающий через дырочку в коробку, падал под углом в 45° на зеркальце и отражался на дне коробки.

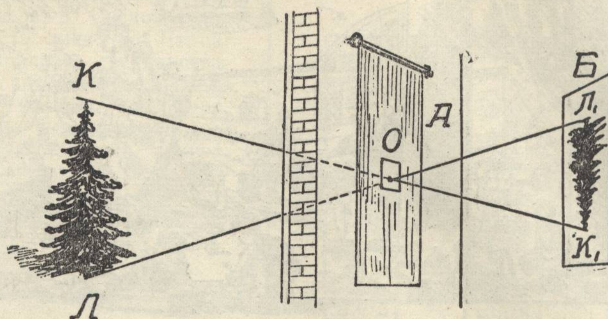
Камера-обскура почти готова, и ее можно уже опробовать. Положите на дно коробки белый лист бумаги, закройте коробку крышкой и, направив коробку отверстием на какой-либо сильно освещенный предмет или ландшафт, приложите один глаз сверху к трубке, а другой глаз закройте. Когда ваш глаз несколько освоится с темнотой, вы ясно увидите внизу, на листе бумаги, сильно уменьшенное изображение ландшафта или предмета, на который направлено отверстие камеры-обскуры.

Теперь вам остается только сделать небольшое приспособление к камере-обскуре, при помощи которого вы можете зарисовывать на бумаге полученное изображение. Для этого вам нужно в правой стенке коробки прорезать круглое отверстие такого размера, чтобы через него могла свободно проходить рука с карандашом. Для того чтобы через это отверстие не попадал в камеру-обскуру свет, вокруг отверстия наклеивается снаружи черная материя или рукав от рубашки. Когда теперь рука будет просунута в отверстие, то материя своими складками закроет все щели по краям и свет не попадет внутрь камеры.

Получить уменьшенное, обратное изображение ландшафта можно и просто в затемненной комнате без всякой камеры-обскуры. Вернее, камерой-обскурой будет в этом случае служить сама комната. Советуем вам проделать этот интересный и чрезвычайно простой опыт. Закройте все окна вашей комнаты темными занавесками так, чтобы в нее не проникало совершенно никакого света. В одной из оконных занавесок проделайте небольшое отверстие. На это отверстие нашейте или наклейте небольшой кусочек картона, в котором раскаленным гвоздем проделана круглая дырочка. Дырочка на картоне должна приходиться как раз против отверстия в занавеске. Если теперь вы против этой дырочки на некотором расстоянии поместите лист белой бумаги, то на последней будет ясно видно уменьшенное и обратное изображение ландшафта, находящегося перед окном. Если держать бумагу близко у дырочки, то изображение будет очень маленькое; по мере удаления бумаги от

дырочки изображение будет постепенно увеличиваться. Каким же образом, однако, получается такое изображение, и почему это изображение не прямое, а обратное?

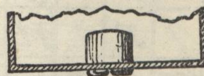
Объясняется это особыми оптическими свойствами маленьких отверстий, а также свойством световых лучей распространяться прямолинейно. Как получается изображение на экране, поставленном против маленького отверстия, ясно видно из рисунка 2. На этом рисунке схематически показан ход световых лучей. Луч К. идущий от верхней части предмета КЛ, после того как пройдет через отверстие О, очутится в нижней части экрана Б и даст изображение в точке К. Наоборот, нижняя точка А предмета КЛ, пройдя через отверстие, даст изображение в верхней части экрана, в точке Л. Таким образом, на экране получится обратное изображение предмета КЛ. Из чертежа также ясно видно, почему при приближении экрана Б к отверстию О изображение будет уменьшаться и, наоборот, при удалении от отверстия—увеличиваться.



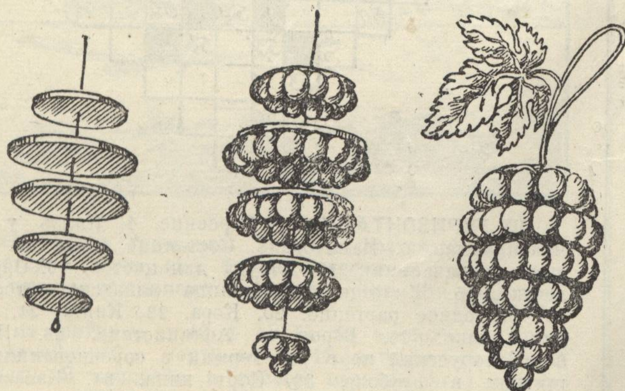
Елочные украшения

ШИПОВНИК. Взять несколько отрезков веревочки, сделать на их концах узелки и связать в пучок. Вырезать из розовой папиросной бумаги пять лепестков, которыми обложить пучок, закрепить его ниткой с петлей и залепить воском. Затем сделать из зеленой папиросной бумаги чашечку с дырочкой; петлю пучка веревочек с лепестками пропустить в отверстие чашечки и придать ей форму как на рисунке.

ФОНАРИК. Между двумя полосами восковой или прожированной бумаги помещаются силуэты, которые надо предварительно нарисовать. Полоса свертывается ввиде цилиндра и склеивается. К ней подклеивается картонное дно. В дне проделываются три прорези для лапок подсвечника, вырезанного из куска жести. Дужка из проволоки пропускается через отверстия в цилиндрической части фонарика.



ВИНОГРАДНАЯ КИСТЬ. Вырезают несколько картонных кружков, в середине которых проделывают отверстие. На конце веревочки делают узел и продевают ее сквозь кружки, начиная с меньшего. На малом кружке сплошь, а на прочих по окружности наклеиваются столярным клеем орехи. Затем ряды орехов покрываются клеем и кружки притягиваются к меньшему. На конце веревочки делается петля; веревочка покрывается (обертывается) зеленой папиросной бумагой на гуммиарабике; к петле прикрепляется сделанный из зеленой бумаги виноградный лист. Орехи покрываются фольгой. Получается виноградная кисть.



Загадки

Что за число?

Найдите такое число, которое при делении на 2 давало бы остаток 1
» » » 3 » » » 2
» » » 4 » » » 3
» » » 5 » » » 4
» » » 6 » » » 5
» » » 7 » » » 0

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

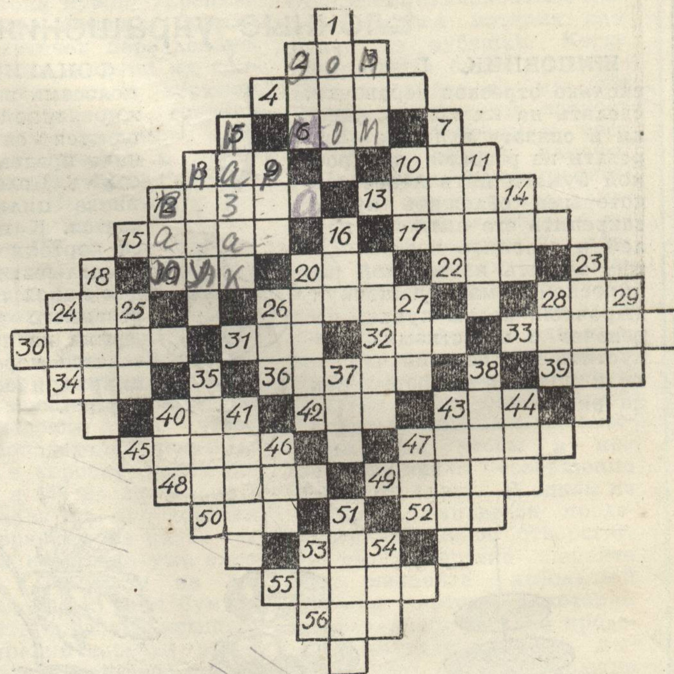
(Прислана Лилей Загорской из Кировабада)

	о		ь		к		й
и		л		н		и	
	а		ч		т		а
к		л		х		р	
	а		м		н		я
я		о		с		о	
	п		а		а		и
м		г		л		а	

1. Полуостров, лежащий в Баренцевом море. 2. Часть Англии. 3. Полуостров, отделяющий Берингово море от Охотского. 4. Пустыня в Африке. 5. Остров вблизи Австралии. 6. Через какое море СССР связано с Тихим океаном? 7. Горы в Северной Америке. 8. Кто совершил первое кругосветное путешествие?

Кроссворд

Прислали П. Черноиван и Л. Ступник из села Дмитровки, Черниговской области.

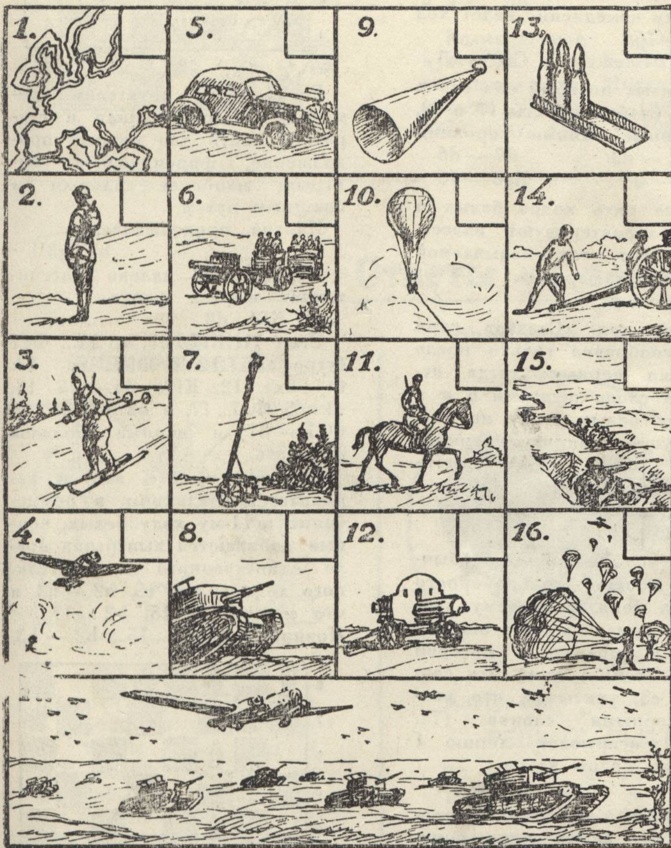


ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Строение. 4. Князь у древних мексиканцев. 6. Напиток. 8. Состояние воды. 10. Абиссинский военачальник. 12. Посуда для цветов. 13. Орудие дровосека. 15. Жилище. 17. Столица азиатского государства. 19. Огородное растение. 20. Кора. 22. Книга. 24. Заостренная палка. 26. Город в Афганистане. 28. Невольник. 30. Белорусский поэт. 31. Термин в соревнованиях. 32. Защитник в футболе. 33. Сорт вина. 34. Известный мореплаватель. 36. Система работы. 39. Персидский царь. 40. Сосуд. 42. Термин в игре. 43. Посуда. 45. Корм для животных. 47. Государство в Гималаях. 48. Насыщенный раствор сахара. 49. Орудие прачки. 50. Цветок. 52. Мусор.

53. Герой трагедии Шекспира. 55. Опереточный композитор. 56. Сельскохозяйственная работа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Палка. 2. Подарок. 3. Актер в Греции. 5. Житель Кубани. 7. Женская одежда. 8. Средство передвижения по воде. 9. Судьба. 10. Часть лица. 11. Птица. 12. Большая волна. 14. Столица европейского государства. 16. Геометрическая фигура. 18. Топор. 20. Маленькая лавка. 23. Река на Урале. 24 Повар. 25. Раствор смол. 26. Родственник. 27. Состояние воды. 28. Речное животное. 29. Сосновый лес. 35. Рыба. 37. Соотношение красок. 38. Судно. 40. Возглас одобрения. 41. Священная книга мусульман. 43. Порт во Франции. 44. Советский пианист. 46. Сладкая жидкость. 47. Тембр голоса. 51. Напиток. 53 Комедия Островского. 54. Канава.

Акростих в картинках

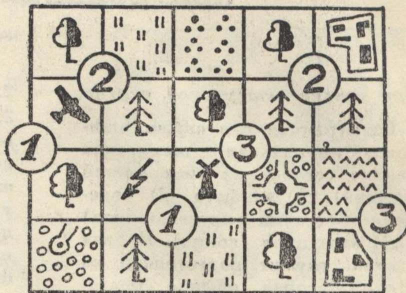


Акростих — слово греческое. Так называется стихотворение, в котором начальные буквы отдельных стихов, прочитанные вместе, составляют какое-либо имя или изречение.

Каждая из картинок с № 1 по № 16 изображает слово, имеющее отношение к картинке № 17, которая изображает целую фразу. В квадрате, в правом верхнем углу каждой картинки, напишите начальную букву изображенного на картинке слова, и вы получите по вертикалям четыре слова, составляющих строчку из известной военной песни.

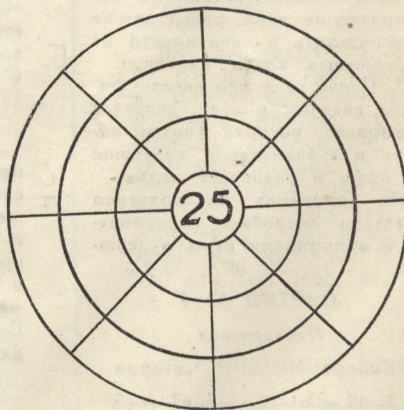
Три связиста

Прислал Боря Пульвер. Москва



Три связиста отправились с сообщениями каждый в свой штаб (обозначенный одинаковыми со связистами номерами). Нарисуйте их пути, но только так, чтобы на всем протяжении они не пересекались. Дорога — прямые линии, пунктир — дорога ремонтируется, и идти по ней нельзя.

Везде сто



В центре круга стоит 25. Надо вписать в каждую клетку такие числа, чтобы сумма их по каждым двум противоположным секторам вместе с числом 25 составляла 100. Кроме того вписанные числа должны быть такими, чтобы сумма их по каждому кругу тоже была равна 100. Причем все числа должны быть разными.

Шестьдесят четыре клетки

Под редакцией мастера А. И. Рабиновича

Три стадии шахматной партии

Разыгранная без явных ошибок, нормальная шахматная партия состоит из трех частей (стадий): 1) дебюта, 2) серединной стадии (миттельшпиля) и 3) эндшпиля (конца). Первая стадия служит подготовкой ко второй, вторая обычно подготовляет третью.

О дебюте

Итак, первоначальные несколько ходов (число их доходит до 8—12) называют дебютом. Задача дебюта — наилучшее развитие (мобилизация) сил для дальнейшей борьбы. С этой целью опытные игроки руководствуются следующими принципами:

1. В первую очередь развиваются пешки и легкие фигуры (конь и слон) по направлению к важнейшим центральным полям (e4,d4,c4,e5,d5,c5).

Примечание. С развитием наиболее ценных фигур, ферзя и ладей (особенно к центральным полям, подверженным нападениям менее ценных сил противника), не следует спешить. Роль и направление этих фигур лучше определить в зависимости от дебютных ходов партнера.

2. После того как легкие фигуры введены в игру, делается рокировка, которая уводит короля в сравнительно надежное убежище и развивает ладью.

На примерах из практики читатели подробнее ознакомятся с принципами игры в дебютах.

ПАРТИЯ № 1

Итальянская

Кнорре — Чигорин

1. e2 — e4 e7 — e5

Заняв пешками центральные поля, обе стороны открыли выход своим слонам и ферзям. Равноценны и ходы 1. d2 — d4 d7 — d5

2. Кg1 — f3 Кb8 — c6

Правильный ответ. Вторым ходом белые напали на пешку e5, и черные, защищаясь, вводят в игру ферзевого коня. Возможны, однако, и другие ответы: 2... d7 — d6 (несколько пассивный, но применяемый) и 2... Кg8 — f6. Плохи защиты 2... Фd8 — e7 и 2... Фd8 — f6, отнимающие в первом случае естественную диагональ у своего же слона, во втором — поле f6 у коня g8, подвергая ферзя нападениям легких фигур противника. Далее плохо 2... Сf8 — d6 — ход, препятствующий нормальному развитию ферзевого слона, но особенно нельзя рекомендовать защиту 2... f7 — f6.

Читатели! Укажите, к каким невыгодным для черных последствиям немедленно ведет ход 2... f7 — f6.

3. Сf1 — c4 Сf8 — c5

С занятых позиций оба слона атакуют слабые пункты f7 и f2, защищенные одними королями

4. d2 — d3 d7 — d6
5. 0 — 0 Кg8 — f6

Первые пять ходов белых и черных характеризуют известный вариант, так называемой «итальянской партии».

6. Сc1 — g5?

Слабый ход. «Связка» коня f6 целесообразна только после рокировки черных: тогда оттеснение слона пешками h и g облегчает белым атаку на расстроенную позицию черного короля. Следовало играть 6. Кc3 или 6. Сe3!

6. . . . h7 — h6!
7. Сg5 — h4?

Без особой надобности обычно не меняют дальнобойного слона на коня, и поэтому лучше было признать свою ошибку и теперь, правда, с потерей времени (темпа) отступить слоном на e3, учитывая, что размен черными слонов (7... Сc5 : e3) вскрывает линию f для атаки белой ладьи.

7. . . . g7 — g5!

Используя ошибочный последний ход белых, черные немедленно начинают сильную пешечную атаку на королевском фланге.

8. Сh4 — g3 h6 — h5!

С угрозой выиграть слона ходом 9... h5 — h4

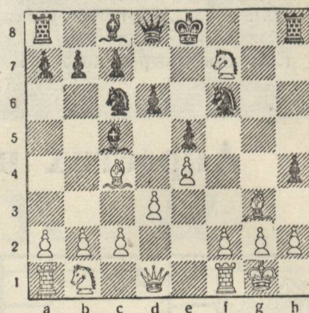
9. Кf3 : g5

Это позволяет черным провести блестящую комбинацию. Сравнительно лучше 9. h2 — h4.

9. . . . h5 — h4!
10. Кg5 : f7

С двойным ударом на ферзя и на ладью.

Позиция после 10. Кg5 : f7.



Рекомендуем читателям временно закрыть журнал и стараться найти для черных продолжение, форсирующее выигрыш наиболее сильным и изящным путем.

Партия продолжалась:

10. . . . h4 : g3!!

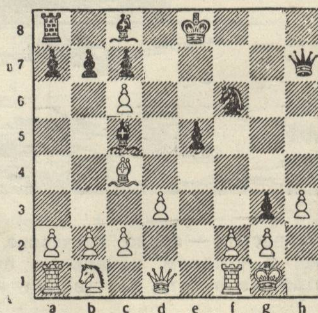
Правильная, далеко рассчитанная жертва ферзя.

11. Кf7 : d8 . . .

Если 11. Кf7 : h8, то 11... Фe7 (угрожая 12... Фh7 и 13. Ф : h2x). 12. Кf7, d6 — d5 13. e4 : d5 Фe7 : f7, а на 14. d5 : c6 Фe7 — h7 и черные должны выиграть.

Ребята! Укажите, как в варианте, приведенном в примечании к 11-му ходу белых, черные добиваются выигрыша после единственного защитительного хода белых 15. h2 — h3 и что следует на 15. h2 : g3?

Позиция после 15. h2 — h3.



После 11. Кf7 : d8 партия продолжалась:

11. Сc8 — g4!
12. Фd1 — d2

Если 12. Фd1 : g4, то Кf6 : g4 13. Кd8 : c6 g3 : f2 + 14. Лf1 : f2

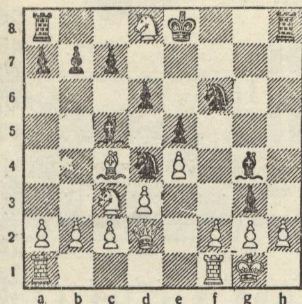
(иначе 14... Л : h2x) Cc5 : f2 + 15. Kpg1 — f1 b7 : c6 16. h2 — h3 (с целью отыграть фигуру). 16... Cf2 — d4! 17. c2 — c3 Kg4 — e3 + и 18... Ke3 : c4 и черные, оставаясь с лишней ладьей, конечно, должны выиграть.

12. Kc6 — d4!

13. Kb1 — c3

Угрожает 13... Kd4 — e2 + и 14. Л : h2x

Позиция после 13. Kb1 — c3



Опять закройте страницу журнала, обдумайте положение, изображенное на диаграмме, и старайтесь отгадать дальнейшее течение партии, ведущее к немедленному разгрому белых.

Чигорин продолжал:

13. Kd4 — f3 + !!

14. g2 : f3

Если 14 Kph1, то Лh8 : h2x

14. Cg4 : f3

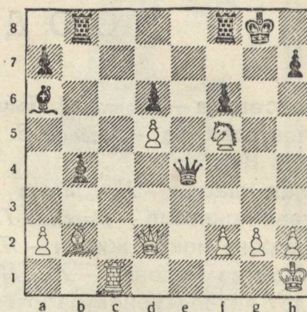
Белые сдались. Черные угрожают 15... g3 : h2x и белые могут только отдалить мат на 5 ходов:

15. Cc4 — f7 + Kpe8 : d8 16. Cf7 — h5 Лh8 : h5, 17. Фd2 — h6 Лh5 : h6 18. h2 — h3 (или h2 — h4) Лh6 : h3 (или h4) и 19... Лh1x

Великолепное произведение искусства гениального русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина (родился в 1850 году, умер в 1908 году).

Окончание партии

Из партии, игранной в США по переписке.

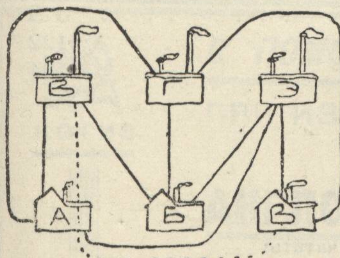


Белые дают мат в 4 хода.

Напишите, о чем бы вы хотели прочесть в отделе „Шестьдесят четыре клетки"

Ответы на задачи № 9

ВОДА, ГАЗ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

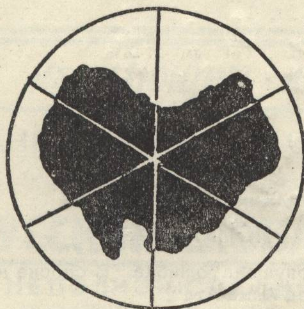


Решить эту задачу можно проложив водопроводные трубы через дом *А*. Тогда задача решается так, как показано на прилагаемом чертеже. Ни одна труба или провод не пересекаются друг с другом. Водопроводные трубы, проходящие через дом *А*, обозначены на чертеже пунктиром.

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ

1. Часы. 2. Свинья. 3. Кресло. 4. Печь. 5. Подушка. 6. Дверь. 7. Мышь. 8. Ухват. 9. Монета. 10. Зонтик. 11. Ушат. 12. Пень. 13. Сапоги. 14. Рыба. 15. Всадник.

ПОПРОБУЙ СЛОЖИТЬ



Австралия.

РЕШИТЕ БЫСТРО

35, 49, 6 и 294. Сумма их = 384, а 35 + 7 = 42, 49 — 7 = 42, 6 × 7 = 42 и 294 : 7 = 42.

ЧТО ТУТ НАПИСАНО?

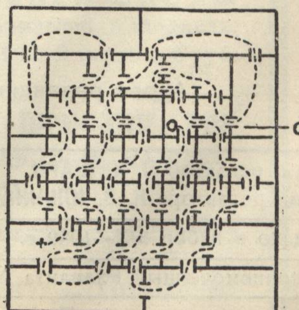
Под-лодки.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Папа. 7. Ка. 8. Отто. 9. Кэб. 12. Взор. 14. Кораблекрушение. 22. Осока. 23. Га. 24. Жара. 26. Кант. 27. Ленинакан. 30. Як. 32. Дарвин. 34. Рана. 35. Панама. 38. Два. 39. Или. 40. Пом. 41. Осака. 42. Сойка. 44. Зло. 45. Маг. 46. Техас. 48. Нос.

По вертикали: 1. Да. 2. Патер. 3. Раб. 4. Па. 5. По. 6. Ковш. 7. Куба. 9. Конка. 10. Эри. 11. Легенда. 13. Зеркало. 14. Кок. 15. Осада. 16. Рона. 17. Актриса. 18. Кан. 19. Урна. 20. Еж. 21. Арканзас. 25. Аян. 27. Ли. 28. Иран. 29. Анис. 31. Камо. 33. Влага. 36. Ара. 37. Мол. 41. Ом. 43. Крен. 46. Бас.

СОКРОВИЩНИЦА ЗАМКА



СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПОПРАВКА

В № 9, на 4-й странице, допущена ошибка. В сноске нужно читать: „Город Верный — теперь город Алма-Ата“.

На обложке: картина художника Я. Титова „Кружок пулеметчиков“

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“ 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная.**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази.**

Сдано в набор 3/X—1939 г. Подписано к печати 23/XI—1939 г. Изд. № 1136.

Уполномоченный Главлита № А—18047. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. 3082. Тираж 90 000.

Цена 1 руб. 50 коп.